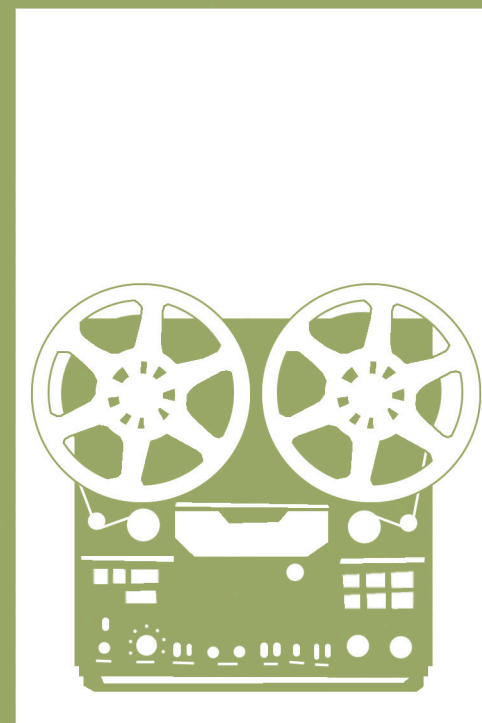

Методика полевых работ
и архивное хранение
фольклорных, этнографических
и лингвистических материалов

Карельский научный центр
Российской Академии наук
Институт языка, литературы и истории

**МЕТОДИКА ПОЛЕВЫХ РАБОТ
И АРХИВНОЕ ХРАНЕНИЕ
ФОЛЬКЛОРНЫХ, ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ
И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
МАТЕРИАЛОВ**

*Материалы
научно-практического семинара*

г. Петрозаводск
23–24 марта 2009 г.

Петрозаводск
2009

УДК [398+39+80] : [001.891.55 + 930.253] (063)

Методика полевых работ и архивное хранение фольклорных, этнографических и лингвистических материалов. Материалы научно-практического семинара. г. Петрозаводск, 23–24 марта 2009 г. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. 148 с.

Настоящее издание включает материалы научно-практического семинара, который проводился в г. Петрозаводске в марте 2009 г. Это третий по счету семинар, в котором участвуют фольклористы, этнографы, языковеды, занимающиеся полевыми исследованиями. Семинар объединяет специалистов, работающих в научно-исследовательских, образовательных, культурных учреждениях Республики Карелия, г. Москвы. Сборник знакомит с фольклорно-этнографическими и лингвистическими архивами, новыми лабораториями, в которых осуществляется хранение и систематизация полевых материалов, использующихся в научных исследованиях, культурно-образовательной деятельности. В докладах рассматриваются результаты полевых работ, методы, применяющиеся собирателями.

Издание предназначено для исследователей, работников образования, культуры, а также для всех читателей, интересующихся фольклором, народной речью и обычаями.

This publication includes materials of the scientific seminar that was held in Petrozavodsk in March 2009. It was the third seminar where participated folklorists, ethnographers, linguists that make field research. The seminar united specialists that work in scientific, research, educational, cultural organizations of the Republic of Karelia and Moscow. The book describes folklore, ethnographic and linguistic archives, new laboratories where field materials, used in scientific research and cultural and educational activities, are stored and systemized. The articles present results and methods of the field work.

The publication is meant for researchers, educators and also for every person interested in folklore, national traditions and language.

Ответственный редактор:

канд. филол. наук **В.П. Кузнецова**

Рецензенты:

канд. филол. наук **С.В. Воробьева** (Музей «Киж»),

канд. ист. наук **А.Ю. Жуков** (ИЯЛИ КарНЦ РАН)

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
(проект № 08-04-12144в).*

ISBN 5-9274-0387-5

© Учреждение Российской академии наук Институт
языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Научные архивы и лаборатории

Кузнецова В.П., Марковская Е.В. Информационная система по фольклорному архиву Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН	7
Иванова Л.И., Миронова В.П. Карельский фольклорно-этнографический видеоматериал Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН.....	15
Гусева Е.Р. Об архиве Лаборатории лингвокраеведения и языковой экологии Карельского государственного педагогического университета	22
Чикина Н.В. Проблема архивации литературного наследия (на примере фонда Э.Г. Карху)	35

Методика и практика полевых работ

Фольклор и этнография

Лойтер С.М. О значении «автотекстов» для фольклористики	40
Лызлова А.С. Метод повторной записи сказок (на примере Осипа Ивановича и Михаила Осиповича Дмитриевых)	50
Абросимова Д.Д. Календарная поэзия и обряд: Егорьев день и первый выгон скота в экспедиционных записях Пудожья и Кенозерья	57
Урванцева Н.Г. Образ Петра I в топонимических преданиях о поселке Святозеро Пряжинского района Республики Карелия (по материалам фольклорных экспедиций студентов КГПУ)	68
Логинов К.К. «Новая» знахарка А.И. Родькина из села Ошта Вытегорского района Вологодской области	74
Лис Т.В., Червякова Н.В. Фольклорная практика студентов КГПУ в Водлозерском национальном парке. Итоги и перспективы сотрудничества	85

Языкознание

Михайлова Л.П. Качество собранного материала и вопросы составления диалектных словарей	95
Ковалева С.В., Родионова А.П. Методы полевой лингвистики для сбора лексического и грамматического языкового материала	104
Приображенский А.В. Обработка диалектных материалов и составление карт для Лексического атласа русских народных говоров.....	109
Кюршунова И.А. Сбор и обработка антропонимических материалов	114
Рутт Т.Е. О диалектоносителях и особенностях работы с ними	127
Рындина Н.С. Изучение речи современного диалектоносителя (п. Ламбасручей Медвежьегорского района)	136

*НАУЧНЫЕ АРХИВЫ
И ЛАБОРАТОРИИ*

Кузнецова В.П., Марковская Е.В.

**ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА
ПО ФОЛЬКЛОРНОМУ АРХИВУ ИНСТИТУТА ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ КАРНЦ РАН¹**

Сохранение звуковых и рукописных научных архивов в настоящее время является актуальной задачей для учреждений РАН, которые формировали свои фонды в течение длительного периода времени. Еще совсем недавно единственным путем сохранения считалось копирование: ксерокопирование, микрофильмирование и т.п. Такие методы действительно позволяют сохранить документы на определенный период времени, но каждый из использовавшихся ранее способов имеет ряд недостатков. Прежде всего – это физическое воздействие, негативно сказывающееся на самих документах, встают вопросы возрастания объема копирующихся фондов, копии не всегда отвечают требованиям научных исследований. Современные технологии, позволяющие создавать электронные версии документов, книг и т.п., дают новые возможности для сохранения ценнейших рукописных собраний. Этот метод активно развивается в последнее время. Ведущие государственные архивы и книгохранилища выдвигают как приоритетную задачу перевода в электронный вид наиболее ценных памятников².

¹ Исследование выполнено в рамках проекта «Создание информационной системы по фольклорному рукописному архиву ИЯЛИ КарНЦ РАН». РГНФ № 08-04-12144в.

² Н.А. Елагина. Новые технологии и проблемы сохранности рукописных коллекций: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nlr.ru:8101/tus/121103/elagina.htm>; Алексеев В.Н., Баженов С.Р., Бородихин А.Ю., Дергачева-Скоп Е.И., Шабанов А.В. Создание электронных версий старопечатных, рукописных и редких книг из сибирских хранилищ // Материалы Международной конференции «Крым 2001» – Судак, 2001. Т.1. 309–311: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2001/tom/sec4/Doc12.HTML>

В Институте языка, литературы и истории имеются фольклорные архивы, формировавшиеся с 1930-х годов из полевых записей сотрудников Карельского научно-исследовательского института (ныне ИЯЛИ КарНЦ РАН) и материалов разных собирателей начала XX в. Первоначально записи производились исключительно от руки. В 1938–1941 гг. были сделаны первые звуковые записи образцов фольклорных произведений на гибкие грампластинки. На них были записаны лучшие исполнители русского и карельского фольклора. В послевоенные годы в собирательской работе стали использоваться магнитофоны, которые в конце 1950-х годов прочно вошли в собирательскую практику. Расшифровка полевой магнитофонной записи становится документом, на который опираются фольклористы, языковеды, этнографы. В настоящее время звуковые записи хранятся в Фонограммархиве Института ЯЛИ, рукописные – в Научном архиве КарНЦ РАН. В результате систематически проводившихся полевых исследований сформировано значительное собрание северно-русского, карельского, финского (ингерманландского), вепсского и саамского фольклора, образцов речи, этнографического материала. В течение многих лет задачу сохранения звуковых записей пытались решить с помощью перезаписи со старой магнитной ленты на новую. Этот способ имеет существенный недостаток: он приводит к частичной утрате качества записи.

В последнее десятилетие группой сотрудников Института ЯЛИ совместно со специалистами Института прикладных математических исследований РАН были осуществлены работы по ряду проектов, направленных на создание электронной версии Фонограммархива Института ЯЛИ КарНЦ РАН³. Была произведена оцифровка гибких грампластинок (записи 1940–50 гг.), полностью переписаны на компакт-диски магнитофонные записи на саамском языке, ведется перезапись карельских и вепсских материалов. В 2006–08 гг. в рамках трехгодичного проекта Историко-филологического отделения РАН выполнялись работы по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Русский язык, литература и фольклор в информационном обществе. Формирование электронных научных баз». Про-

³ Информацию о проектах см.: Фонограммархив Института ЯЛИ КарНЦ РАН: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://phonogr.krc.karelia.ru>.

изводилась оцифровка ранних звуковых записей произведений северно-русского фольклора. В результате была сохранена значительная часть фондов Фонограммархива Института ЯЛИ КарНЦ РАН. В рамках этого проекта разрабатывалась программа электронного каталога, позволяющего находить необходимые сведения о материалах Фонограммархива. В.П. Кузнецовой совместно с Web-мастером Н.Б. Луговой был разработан новый раздел сайта Фонограммархива «Звуковая коллекция»⁴, на котором размещена не только информация об имеющихся фондах, но и образцы самих звуковых материалов. Это дает возможность знакомиться с подлинниками записей северно-русского фольклора широкому кругу пользователей. В настоящее время работы по сохранению звуковых материалов продолжают.

Назрела необходимость перевода на электронные носители и фольклорных фондов, состоящих из рукописных записей. Они хранятся в Научном архиве КарНЦ РАН во вложенных в папки объемных томах или тетрадях, состоящих из подшивок разрозненных листов. Большая часть коллекций первой половины XX в. состоит из записей от руки на бумаге плохого качества (газетной, обратной стороне бланков, листах разного формата и т.п.). Они приходят в ветхое состояние, карандашные и чернильные записи угасают, поэтому существует реальная угроза их утраты. В первую очередь это касается подлинников, записанных в 1910–30-е гг. разными собирателями еще до создания Карельского научно-исследовательского Института (1931 г.). Имеющиеся машинописные копии содержат много неточностей и ошибок, описи этих коллекций нуждаются в переработке и приведении в соответствие современным требованиям.

В 2008 г. в Институте ЯЛИ были начаты работы по проекту, получившему поддержку РГНФ «Создание информационной системы по фольклорному рукописному архиву ИЯЛИ КарНЦ РАН». Главными задачами проекта являются: создание электронной версии рукописного фольклорного фонда путем сканирования оригиналов, разработка электронного каталога северно-русского и прибалтийско-финского фольклора и создание сайта «Фольклорный архив Института ЯЛИ КарНЦ РАН».

⁴ Фонограммархив...: [Электронный ресурс]...

Сканирование позволит не столь интенсивно использовать оригиналы и даст возможность работать с ними на компьютере, что значительно улучшит качество работы исследователя (быстрота поиска, возможность производить различные операции с текстами и т.д.). Цифровые документы не подвержены влиянию времени, их состояние не будет ухудшаться – фактор, чрезвычайно важный для обеспечения их сохранности. Оцифровка облегчит и задачу копирования необходимых текстов в электронном виде или путем печати на принтере.

Сканирование документов производится на двух сканерах Mustek A3 USB (две модели 600 Pro, одна модель 1200). Были выбраны наиболее подходящие параметры сканирования: 300 точек на дюйм, обеспечивающие оптимальное соотношение скорости и качества сканирования. Создание электронной версии рукописной коллекции ставит новые задачи. Оцифрованная рукопись должна отражать полную информацию, т.е., не только сами листы с записью фольклорных произведений, но и номера томов, тетрадей, изображения обложек, титульных листов, листов учета использования коллекции и т.д. Поэтому в названиях файлов отражены: номер коллекции, номер тома или тетради, порядковый номер листа: koll-2_002 – коллекция 2, лист 2; определены единообразные названия файлов, содержащих изображения обложек, описей, вспомогательных документов. Например, koll-7_oblozhka – коллекция 7, обложка, koll-2_list ucheta – коллекция 2, лист учета. Имена файлов даются без пробелов для того, чтобы можно было просматривать материалы не только на компьютерах, но и на других устройствах. К электронной версии каждой коллекции прилагается текстовый файл, содержащий описание проделанной работы: номер коллекции, даты записей, район записи, имена собирателей, фамилии основных исполнителей, а также сведения, имеется ли копия коллекции, какие листы отсутствуют, заметки о техническом состоянии листов, название проекта, по которому выполнено сканирование, дата выполнения оцифровки и фамилию исполнителя работы.

Завершающей частью работы по созданию электронной версии рукописной коллекции является составление описи. Внутренние описи коллекций имели следующую форму:

№ единицы хранения	Название или первая строка произведения	Жанр, тема	Листы в оригинале	Листы в копии	Примечания
1	Старик и ветры	Сказка волшебная	1–12	1–10	Нет карточки в картотеке
2	За Дунаем за рекой	Песня солдатская	13–14	11	

Новая форма описи дополнена сведениями об исполнителе, месте и дате записи, собирателе, о публикации, в нее вносятся имена электронных страниц (файлов), по которым можно найти нужный материал в электронном фонде, хранящемся на сервере. (Пример на стр. 12).

При составлении новых описей нередко находятся не учтенные произведения, поэтому введена первая графа, дающая сведения о количественном составе. Только после выполнения этой трудоемкой работы можно считать завершенной создание полной электронной версии архивной коллекции и производить ее запись на DVD-диск или размещать на сервере для хранения и использования в работе. Полная опись дает возможность вносить содержащиеся в ней данные в электронный каталог.

Создана внутренняя локальная сеть, объединяющая компьютеры Фонограммархива Института ЯЛИ. На сервере размещаются электронные версии рукописных коллекций в виде растровых изображений, а также текстовые расшифровки звуковых записей, набранные на компьютере. Поиск материалов будет осуществляться с помощью электронного каталога по следующим полям: жанр, место записи, исполнитель, собиратель, год записи, ключевое слово и т.д. В предыдущие годы предпринимались попытки создать электронный каталог, который по своей структуре и содержанию повторял бы существующие реестры (описи) со всеми их данными. В настоящее время оцифрованный рукописный архив вводится в базу данных, которая позволяет выводить тексты. Через программу, которая находится в стадии доработки, пользователи смогут искать сведения и получать по запросу необходимые материалы.

ОПИСЬ КОЛЛЕКЦИИ № 2
Ед. хр. 1–86
Пудожский район Карелии

№ п/п	№ ед. хранения	Название или первая строка произведения	Жанр, тема	Ф.И.О. исполнителя, возраст, национальность, место рождения, род занятий	Место записи: деревня, сельсовет, район, область	Ф.И.О. собирателей	Дата записи	Листы в оригинале	Листы в копии	Листы в электронной версии коллекции	Примечания
1	1	Про Добрыню (Неудачная женитьба Алеши)	былина	Шпагина Домна Андреевна, 78 л., неграм.	Д. Заозерье Колодозерского с/с	Дмитриченко В.Р.	Июль 1938	1–6	2–3а	001–007	Оубл: Былины Пудожского края. №67
2	2	Про царя да Огалеевича (Егорий и змей)	Духовный стих	–<<–	–<<–	–<<–	–<<–	7–9	4–5	008–011	–

Оцифрованные звуковые записи также будут размещены на сервере в общей базе данных. Таким образом, пользователь сможет получить звуковые записи и их текстовые расшифровки. Кроме архивов научных материалов сейчас появляются и оцифрованные архивы другого рода, например, персональные архивы сотрудников Института ЯЛИ. В дальнейшем возможно развитие создаваемой по данному проекту электронной версии фольклорного архива и превращение ее в электронный научный фонд Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН, который будет выполнять функции хранения большого объема документов, ведения их учета и поиска.

Одной из задач проекта является создание сайта по фольклорному архиву Института ЯЛИ КарНЦ РАН. Это актуальное направление деятельности, поскольку пользователи могут получать через Интернет необходимую информацию об одном из крупнейших в стране фольклорных фондов. Исполнители проекта (редактор В.П. Кузнецова, Web-программист Н.Б. Луговая, Web-дизайнер Н.В. Вдовицына) разработали структуру и дизайн сайта фольклорного архива. Главная страница озаглавлена «Фольклорный архив Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН». В.П. Кузнецовой и Е.В. Марковской подготовлены тексты по истории архива, описанию фондов, список публикаций материалов (новые издания представлены более подробно: с обложкой, аннотациями и выходными данными). На сайте будут размещены сведения об экспедициях, выполняющихся проектах, архивных новостях и о семинаре по полевым работам. Меню сайта позволяет найти образцы фольклорных произведений в разделах «Рукописная коллекция» и «Звуковая коллекция», а также выйти на сайт Фонограммархива. И звуковая, и рукописная коллекции имеют одну общую базу данных. В этих разделах имеется поисковая система, позволяющая находить по выпадающим спискам нужный жанр и район, где записано произведение. Каждое выбранное произведение содержит паспортные данные, ссылку на публикацию, шифр Научного архива. Есть версия для печати.

В 2009 г. в базу введено более 200 произведений разных жанров: былины, баллады, духовные стихи, сказки, песни, причита-

ния, новины, былички, календарный фольклор. Представлены пока только северно-русские материалы, записанные в Заонежье, Пудожье и Поморье. База данных постоянно пополняется, наша задача развивать ее дальше, дополнить разделами по карельскому, вепсскому и ингерманландскому фольклору.

Иванова Л.И., Миронова В.П.

КАРЕЛЬСКИЙ ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ВИДЕОМАТЕРИАЛ ФОНОГРАММАРХИВА ИЯЛИ КАРНЦ РАН

В фондах Фонограммархива Института ЯЛИ хранятся звуковые записи фольклорно-этнографического материала, охватывающего традиции народов, проживающих на территории республики Карелия и сопредельных областей. Помимо звуковых записей на хранении в Фонограммархиве Института ЯЛИ находятся киноматериалы, история собирания которых берет свое начало с 1960-х гг. Со второй половины XX в. киносъемка в Карелии только начала развиваться. Дефицитной была киносъемочная техника, не хватало материалов и опытных операторов. В первых сюжетах исследователи старались запечатлеть самые яркие моменты. К ним, в первую очередь, относится обрядовый фольклор. Несмотря на то, что первые фильмы (сняты ли они русскими или финскими операторами) носят явно постановочный характер, в них наиболее ярко отразились элементы обряда, быта и культуры народов, проживающих на территории республики.

Видеотека Фонограммархива, как показывает имеющаяся опись материалов, в основном состоит из русскоязычных записей. С 9 декабря 1961 г. по 17 января 1962 г. состоялась экспедиция в с. Варзуга Терского района Мурманской области. Село расположено около Полярного круга, в 20 км севернее Белого моря. Оно было центром крупного колхоза, занимающегося рыболовством и разведением северных оленей. Сотрудник Института ЯЛИ Д.М. Балашов совместно с исследователем Пушкинского Дома С.Н. Азбелевым провели съемку реконструированного обряда поморской свадьбы, в которой принимали участие местные жители. Среди них члены семей Мошниковых, Заборщиковых, Чуриловых, Поповых и другие. Показана бытовавшая в 1930–40-е гг. свадьба, включающая сватовство, преподнесение женихом невесте кольца и обмен подарками, прощание невесты с подругами, расплетение

косы и благословение иконой невесты. Фильм заканчивается сборами молодых к венцу. Весь реконструированный обряд происходит в доме невесты. Речь действующих лиц фильма неразборчива, дикторский голос за кадром комментирует происходящее действие. Вторая часть фильма отражает зимние календарные праздники (выпечку «козуль», ряжение, по-поморски «шелюханье», катание с гор). Фильм был снят на кинокамеру Пушкинского Дома.

Несколькими десятилетиями раньше, в начале 1920-х годов, в окрестностях г. Суоярви финским исследователем народной культуры А.О. Вайсененом, по постановке и сценарию У.Т. Сирелиуса был снят фильм о карельской свадьбе. Съемку проводил Ш.В. Маттила, научным консультантом был Вяйно Салминен. Местные жители приняли активное участие в работе над фильмом. Практически сразу фильм стал известен финляндскому зрителю, 27 февраля 1921 г. состоялась премьера в г. Хельсинки. Фильм продолжительностью 1 час 20 мин. состоит из двух частей. Действие начинается с вида красивейшего и богатейшего дома невесты, реального дома семейства Бомбы, с резными наличниками, полотенцами, балконом и многочисленными дворовыми постройками. Постановка сопровождается музыкой Армаса Лауниса, это первый музыкальный фильм в истории финской кинематографии. Фильм сопровождается титрами, большая часть которых представляет собой отрывки из эпических песен. Современное переиздание выпущено при финансовой поддержке культурного центра Юминкео (г. Кухмо, Финляндия). Зритель имеет возможность посмотреть фильм на пяти языках: финском, шведском, английском, немецком, французском.

Фильм о карельской свадьбе долгое время был недоступен для российских исследователей и любителей народной культуры. Несколько лет назад его копия была получена в дар от наших финских коллег из культурного центра Юминкео. Фильм представляет большой интерес: его съемки были проведены в то время, когда карельская свадебная традиция еще бытовала среди местного населения. Этот факт позволил наиболее точно отразить основные ключевые моменты обряда.

К реконструкции свадебного обряда неоднократно обращались и финские, и карельские исследователи, и даже носители тради-

ции. Так, например, на рубеже веков известный финский деятель культуры Маркку Ниеминен в д. Панозеро Калевальского района сыграл свадьбу своего сына согласно карельской свадебной традиции, с соблюдением старинных обычаев. В реконструкции обряда в качестве научного консультанта принимала участие известный фольклорист А.С. Степанова. Полная запись находится в Финляндии. На волне возрождения интереса к народным традициям и языку студенты факультета прибалтийско-финской филологии Петрозаводского госуниверситета решили сыграть свадьбу по старинным карельским обычаям.

Первые видеозаписи на карельском языке были сделаны сотрудниками института совместно с журналистами Карельского телевидения. В 1986 году для тележурнала «Советская Карелия» был снят сюжет об известной причитальщице из д. Мяндусельга Медвежьегорского района Прасковье Савельевой. Организатором этих съемок явилась фольклорист А.С. Степанова, которая долгие годы записывала материал от этой исполнительницы. Ее репертуар включает все фольклорные жанры, она хорошо знает карельские обряды и магию. Сюжет знакомит нас не только с личностью исполнительницы, но отражает самую яркую грань Прасковьи Савельевой как талантливой причитальщицы. Копия этого документального фильма предоставлена Институту ЯЛИ Карельской государственной телекомпанией.

Во второй половине 1990-х годов были произведены первые экспедиционные видеозаписи. В 1996 г. был зафиксирован фольклорный материал В.П. Кузнецовой и С.В. Куликовым в с. Куганаволок Пудожского района. На видеокамеру были записаны детский фольклор, заговоры, народная лечебная магия, элементы свадебного и пастушеского обрядов, былички и поверья. С 1997 г. под руководством В.П. Кузнецовой была начата работа по экспедиционным проектам, поддержанным Российским гуманитарным научным фондом. В полевых работах, целью которых была видеозапись фольклора, участвовали Е.В. Марковская, инженеры кабинета звукозаписи ИЯЛИ А.А. Лапин и В.Б. Бовин. В 1997 году состоялась экспедиция в с. Великая Губа Медвежьегорского района, где были отсняты элементы свадебного обряда с причитаниями, богаты по тематике заонежский песенный фольклор. Во время работы

в Великой Губе на пленку удалось зафиксировать исполнение нескольких волшебных сказок «Девочка-печеночка», «Снегурочка», «Теремок», а также многочисленные былички и заговорную магию. В этом же году видеозапись проводилась в заонежских деревнях Вороний остров, Палтега, Лисицино, Кузаранда, Софроново, Широкие Поля, Толвуя, Шуньга.

В 1997 году состоялась экспедиция к вологодским вепсам в д. Пяозеро и д. Шимозеро Бабаевского района Вологодской области, в которой принимали участие И.Ю. Винокурова, В.П. Кузнецова и инженер А.А. Лапин. Был записан интересный материал о вепских народных праздниках, о приготовлении обрядовой праздничной пищи, отсняты элементы архитектуры вепских деревень, а также исполнение лирических песен и частушек, игра на гармонии.

В 1998 году В.П. Кузнецова, Е.В. Марковская и В.Б. Бовин совершили выезд в с. Кузаранда, с. Великая Губа Медвежьегорского района, где записали на видеопленку исполнение кадрильных и свадебных песен.

Тогда же в Вытегорском районе Вологодской области названной группой собирателей на видеокамеру было записано много примеров из заговорной традиции, а также многочисленные образцы песенного фольклора.

Впервые сотрудники института самостоятельно обратились к видеозаписи карельской фольклорно-этнографической традиции в 1998 году. В рамках проекта РГНФ (рук. В.П. Кузнецова) был записан репертуар от жительниц с. Куйтежа Олонецкого района А.Ф. Семуковой и Е.М. Тупициной. Беседа проходила на ливвиковском наречии карельского языка, удалось зафиксировать причитания, элементы свадебного, похоронного, пастушеского обряда, рассказы о народных праздниках, разнообразный песенный фольклор. Большое внимание было уделено знахарству и колдовству, заговорной магии, поверьям и быличкам. Надо отметить, что большое значение при фиксировании заговорной традиции имеют личные отношения (аспирантка М. Михайлова родом из д. Куйтежа), а также владение карельским языком. Все это способствовало созданию благоприятной атмосферы для беседы с информантами. Отсутствие скованности, непосредственное поведение рассказчика делают любую видеосъемку ярче и в то же время естественнее.

На следующий год группа сотрудников института в составе Р.П. Ремшуевой, В.П. Кузнецовой и оператора В.Б. Бовина выезжала в д. Мяндусельга Медвежьегорского района для повторной записи фольклорного материала от сказительницы Прасковьи Савельевой.

В 2001 г. состоялась экспедиция на Кольский полуостров к проживающим там саамам. В.П. Кузнецова, Е.В. Марковская и В.Б. Бовин записали традиционный фольклор этого северного народа, начало изучению которого в институте ЯЛИ положил Г.М. Керт.

В 2001 г. состоялась повторная экспедиция к вологодским вепсам (рук. В.П. Орфинский). Сбор осуществляли И.Ю. Винокурова, оператор В.Б. Бовин.

В 2007 г. впервые была совершена поездка к вепсам, переселившимся во время столыпинской реформы в Сибирь. Любопытно, что вепсы, долгое время проживающие в окружении иноэтничного (русского и бурятского) населения, сумели сохранить свой язык, культуру и традиции, а в настоящее время активно стремятся к их возрождению. По материалам выезда был подготовлен фильм В.Б. Бовиным.

Записи на различных наречиях карельского языка регулярно стали проводиться в течение последних десяти лет. Большая заслуга в этом принадлежит финским коллегам из г. Кухмо (Пекка Хутту-Хилтунен, Маркку Ниеминен, Янне Сеппянен, Тайто Хофрен, Мари Калберг, Риитта Хуттунен), которые не только проводят видеозаписи на своей аппаратуре, но также предоставляют все копии для Фонограммархива Института ЯЛИ. По профилю своей научной деятельности они являются музыкантами, этномузыкологами, этим объясняется наибольший интерес к записям музыкального фольклора. Запись на видеокамеру беседы с информантами производится в основном без перерыва, фиксируются автобиографические рассказы, рассказы об истории деревень, воспоминания о войне и колхозной жизни, а также различные фольклорные жанры и этнографический материал.

Материал записывается в том виде, в котором он сохранился в памяти носителя, без каких-либо подсказок и напоминаний собирателя. Основной целью такой видеозаписи можно считать фикса-

цию процесса постепенного угасания традиционных жанров и попытку носителя восстановить в памяти материал, который вышел из повседневного употребления.

Участниками международных фольклорно-этнографических экспедиций с российской стороны являются в основном сотрудники сектора фольклора Л.И. Иванова, В.П. Миронова, С.В. Туюнен, а также сотрудники других секторов Н.В. Чикина (сектор литературы) и Е.В. Марковская (сектор этнологии). Обследованы поселки Кестеньга, Зашеек Лоухского района; Калевала, Шомба, Куусиниemi, Юшкозеро Калевальского района; Ругозеро, Лендеры Муезерского района; Паданы, Сельги Медвежьегорского района, Пороозеро Суоярвского района; Ведлозеро Пряжинского района. Представлены все фольклорные жанры, особый интерес в этом отношении представляют записи эпических песен, ейг, причитаний, заговоров, которые в последнее десятилетие встречаются очень редко.

В 2004 г. во время поездки в Калевальский район удалось сделать уникальные записи от Хелми Рекиной, жительницы д. Юшкозера, единственной в наши дни исполнительницы карельских ейг.

Большая комплексная экспедиция, охватившая территорию Калевальского, Лоухского районов и Мурманской области, состоялась в 2006 году. За время этой поездки были сделаны уникальные записи от саамов с. Лавозеро. В них нашли отражение традиционные обычаи и обряды, а также древний песенный жанр луввт. Удалось зафиксировать процесс изготовления национальной одежды, обуви из оленьих шкур, украшений и т.д.

Участники этой экспедиции посетили также д. Шомба Калевальского района, где записали на видеокамеру исполнение карельских эпических и свадебных песен, а также магическую и лечебную обрядность от Марины Вдовицыной. Такие записи для современных собирателей фольклора являются редкими.

Все записи велись на двух языках: карельском и финском. Для жителей Беломорской Карелии такой двуязычный диалог не представлял особых трудностей: носители севернокарельского наречия и финского языка без труда понимают друг друга. Иная ситуация была в Мурманской области у саамов, вопросы финских исследователей саамам переводились на русский язык, а затем ответы на

финский. На саамском языке записывались только непосредственно сами фольклорные произведения, часть из которых исполнители переводили на русский язык, чтобы исследователям был понятен смысл фиксируемого материала.

Коллекция, собранная во время международных экспедиций, довольно объемная, она включает в себя более ста часов видеозаписи. К большому сожалению, материал лишь оцифрован, но не обработан в плане научной систематизации. В настоящее время он представляет собой большое количество дисков с заметками на обложках. Для использования необходимо создать подробную опись, работа довольно трудоемкая, требует знания финского и карельского языков.

Собранный материал может быть полезен не только исследователям народной культуры и языка, его можно использовать в образовательном процессе со студентами и школьниками, в оформлении музейных экспозиций, создании Интернет-сайтов, научно-популярных фильмов.

**ОБ АРХИВЕ ЛАБОРАТОРИИ ЛИНГВОКРАЕВЕДЕНИЯ
И ЯЗЫКОВОЙ ЭКОЛОГИИ КАРЕЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

В 2003 г. в рамках Федеральной целевой программы «Русский язык» 2002–2005 гг. при кафедре русского языка историко-филологического факультета Карельского государственного педагогического университета была открыта Лаборатория языковой экологии и лингвокраеведения (далее – ЛКЭ). Основная цель работы ЛКЭ – изучение русской речевой культуры Карелии. Деятельность лингвистической лаборатории ориентирована на потребности времени и региона, при этом учитывается полувековой опыт работы кафедры русского языка КГПУ в изучении словесной культуры края. В настоящий момент ведется научная работа по нескольким направлениям: лингвоэкология, концептология и лингвокраеведение (диалектная морфология, лексикология и лексикография).

Архив ЛКЭ по лингвокраеведческой тематике состоит из нескольких фондов:

- полевые записи диалектной речи (рукописный фонд, электронная база данных и электронный каталог фонда диалектных текстов)
- картотеки диалектных слов и выражений (картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей», картотека «Словаря русских говоров Карелии с историческими и этнокультурными данными»)
- банк данных «Лексического атласа русских народных говоров»
- ономастическая картотека (картотека топонимов и антропонимов)
- видеотека
- фонотека
- фототека.

1. Полевые записи диалектной речи

В архиве лингвистической лаборатории хранятся данные, собранные в диалектологических экспедициях за последние сорок лет. Ежегодно в районы Карелии выезжает 4–5 отрядов по 3–6 человек каждый. Сбор диалектного материала осуществляется под руководством сотрудников кафедры русского языка. Студенты, проживающие в районах Карелии, собирают материал самостоятельно.

Рукописный фонд, сформированный по географическому и хронологическому принципам, состоит из 395 тетрадей по 96 стр. Сведения об обследованных пунктах, времени проведения экспедиций, количестве тетрадей с записями диалектной речи представлены в таблице.

Район	Населенные пункты	Годы	Кол-во тетрадей
Республика Карелия			
Беломорский	г. Беломорск, с. Нюхча, д. Шижня, с. Шуерецкое, с. Вирма, д. Лапино, д. Воренжа, с. Сумпосад, п. Хвойный, с. Колежма, д. Карасозеро, д. Сумозеро	1980–2008	62
Калевальский	п. Кепа	1990	1
Кемский	г. Кемь, с. Гридино, п. Агвенпорог	1996–2006	6
Сегежский	д. Вожмогора	2001	1
Муезерский	п. Реболы, п. Волома	1997	2
Суоярвский	п. Суйстамо, п. Пийтсиёки		3
Сортавальский	п. Каоламо, п. Хелюля, п. Леппясельга	1989, 2002	2
Олонецкий	д. Обжа, д. Тукса, с. Тулокса	1989, 1997	5
Пряжинский	д. Святозеро, д. Ведлозеро, д. Падозеро	1994, 1997	4
Медвежьегорский	д. Ламбасручей, п. Чёлмужи, д. Ямка (о. Киж), д. Шуньгский Бор, д. Койкинцы, д. Карельская Масельга, д. Сергиево, д. Лобское, с. Толвуя, с. Шуньга, с. Великая Губа, д. Тихвин Бор, п. Габсельга, д. Вороний Остров, п. Повенец, с. Паданы, п. Пиндуши, д. Кажма, д. Данилово, д. Пáбережье, д. Падмозеро, д. Черкасы, п. Ледмозеро, д. Федотово	1965–2008	77
Кондопожский	г. Кондопога, д. Мережनावолок, с. Янишполе, д. Колмуksа, с. Спасская Губа, д. Кончезеро	1993–2006	11

Район	Населенные пункты	Годы	Кол-во тетрадей
Республика Карелия			
Прионежский	д. Суйсарь, д. Таржеполь, д. Лехनावолок, д. Ладва, д. Ладва-Ветка, д. Машезеро, д. Тихий Наволок, д. Ялгуба, д. Шуя, п. Пяжиева Сельга, п. Деревянка	1981–2008	100
Пудожский	г. Пудож, д. Куганаволок, д. Реболахта, д. Качनावолок, д. Ручьи, д. Канзанаволок, д. Пога, д. Каршево, д. Авдеево, п. Онежский, д. Кубово, д. Гакугса, д. Колодозеро, п. Поршга, п. Шала, д. Устье, д. Красноборск, д. Усть-река, д. Семёново, д. Кривцы, д. Колово, д. Алексеево, д. Каршево, д. Нигижма, д. Римское, д. Колгостров, д. Бураково (Авдеевский с/с), с. Песчаное, д. Северская, д. Заозерье, д. Щаниково, д. Погост, д. Дубово, д. Ножово, д. Ярчево, д. Бочилово, п. Онежский, д. Лахта, д. Ершово, д. Водла, д. Корбозеро, д. Стешевская, д. Кулгала, д. Чуяла, д. Гладкино, д. Кушаково	1966–2008	97
Вепская волость	с. Шелтозеро	1992	1
Ленинградская область			
Лодейно-польск.	д. Шамокша, п. Токари	2002	3
Подпорожский	п. Важины		1
Вологодская область			
Вытегорский	д. Ундозерский Погост, с. Марково (Девятинский с/с), д. Сергеево, д. Мошниковская, д. Ясково, с. Девятины, д. Ивачёво, д. Ерчино, с. Белый ручей	1967, 1972, 1975, 1998	15
Устюженский	д. Иванцево	1974	1
Бабаевский	д. Аксентьевское	1974	1
Грязовецкий	Заболоцкий с/с, п/о Юрова	1998	1
Архангельская область			
Каргопольский	д. Тамбич-Лахта	2002	1

- На первой странице тетради оформляется паспорт:
- сведения о населенном пункте: официальное название пункта с указанием административной принадлежности к району;
 - сведения о собирателе;
 - сведения о руководителе экспедиции;
 - время сбора материала;
 - № тетради.

На 2–3 страницах оформляются сведения об информаторах (см. образец 1):

- фамилия, имя, отчество;
- год и место рождения с указанием года, с которого информатор живет в данном населенном пункте;
- образование;
- род занятий, профессия;
- номера страниц тетради, на которых содержатся тексты, записанные от данного информатора.

Образец 1. Оформление сведений об информаторах.

Иванов Иван Иванович, 1935 г.р., род. в д. Водла, образование 3 класса, работал вальщиком леса	Стр. 4–25
Иванова Мария Ивановна, 1936 г.р., род. в д. Водла, образование 3 класса, работала сучкорубом	Стр. 25–35
Петрова Дарья Ивановна, 1938 г.р., род. в д. Кумбасозеро Архангельской обл., в Водле с 1956 г., образование 3 класса, работала продавцом	Стр. 36–46

При сборе диалектного материала используется нескольких методов:

- 1) фиксация спонтанной устной речи непосредственно в тетрадях (только микротексты – 2–3 фразы) или на магнитной пленке или цифровых носителях и последующая их расшифровка;
- 2) опрос диалектоносителей в форме направленной беседы; в последние годы опрос информаторов осуществляется по «Программе Лексического атласа русских народных говоров» (далее –

ЛАРНГ), проекта Российской Академии Наук. Программа содержит свыше 20000 вопросов по 20 темам (природа, человек, трудовая деятельность, материальная культура, питание и т.д.).

Диалектный текст оформляется в упрощенной транскрипции (см. образец 2). В тетради также даются комментарии собирателя, рисунки, схемы. В задачи собирателя входит фиксация и обработка материала, отражающего фонетические, лексические, морфологические, синтаксические особенности диалектной речи. Кроме того, записываются различные фольклорные тексты: сказки, частушки, пословицы, поговорки и т.д. В экспедициях также осуществляется сбор ономастического материала (антропонимии и топонимии): названий географических объектов, коллективные и индивидуальные прозвища людей, клички животных и т.д. В последние годы в Лаборатории идет интенсивная работа по созданию *электронной базы данных*. Полевые записи прошлых лет, выполненные от руки, заносятся в компьютер, при этом сохраняются знаки фонетической транскрипции (см. образец 3).

Образец 2. Диалектный текст.

Вас'а фч'эра пр'и ход'и'л / дак //
Ма'ма / крыл'ц'о на мо'ж'э
с'в'эст'и / фс'о покос'и'лос' /
дак ја т'эб'э зг'элају
крыл'ц'о // Ко'ла на рыб'айку
јэзг'и'л / дак н'и ч'эво н'э попа'д'ат
Зг'эс'то р'э'чка јэст' / дак
ом'э'л'э'ло он'а'т' / дак
н'и ч'эво н'э попа'д'ат // Ма'до
ј'до'чка зг'э'лат' / да х'от'
кот'у ма'ј'д'ит' //

Пуд., д. Водла, 2002 г. Запись А.С. Монаховой, г. Москва

Образец 3. *Диалектный текст.*

моја ма́ма вуд'ен'ика ви́д'ела / з дл'и́нным'и волоса́м'и // н'езадо́бно по́сл'е
потону́л ма́л'чик // знава́ла гр'и́шу // помахáл по бо́лoту как мен'а ув'и́д'ел
// она́ была́ ночны́м сто́рожом // а он э́ј / ја то́л'ко фстава́ју / а э'то ты'
л'эшко в'и́д'ела // он фс'а́к'и́ј // он то́л'ко чело́в'е́ком быва́т // то́л'ко м'ен'а
ув'и́д'ел / как помахáл по бо́лoту / ша́гү таку́ш'ш'и // фс'егда́ с соба́ч'ко́ј
ч'о́рној // соба́ч'ка је́го от но́к н'е отхо́д'ит //
л'ес ч'о́рны́ј / л'ес пра́в'едны́ј / одда́ј мою́ скот'у́нушку // она́ н'е
ру́гана / она́ н'е тур'о́на / она́ н'е бран'о́на // одда́ј / одда́ј / одда́ј //
ра́н'ше ч'у́д'илос' // расказа́ывала моја́ св'е́кро́ва / о́тч'им по́м'ер /
н'ехоро́ша см'э́рт' // о́тч'им бол'е́л туб'еркул'бсом // он п'и́л /
фы́рскнул / и фс'а вода́ на на́с / и по́м'ер сра́зу // пошла́ скот'у́ну по́йт'
/ пр'ишла́ на сара́ј / о́тч'им сто́ит // о́х ты н'ечу́стаја с'у́ла / куда́
пр'ишо́л // хоз'а́ин в'ет' / к с'еб'э́ пр'ишо́л //
как говор'и́ца / м'о́ртвы́ј у воро́т н'е сто́ит / а сво́јо вы'ворот'ит //

Пуд., с. Куганаволок, 1998 г. Запись студентки ФФ КГПУ Кузиной О.А.

В 2008 г. началась работа над созданием *электронного каталога* фонда диалектных текстов. Дается следующее описание содержания тетради: место и время сбора материала, сведения о собирателе, руководителе экспедиции, информаторах, темы сбора (см. образец 4). Описано более 100 тетрадей.

Образец 4. *Описание содержания полевой записи.*

Белом. р-н с. Нюхча
2007

Собиратель: Стафеева В.А.

Руководитель: Приображенский А.В.

Информатор: Кузнецова Надежда Григорьевна, 1943 г.р.,
род. в д. Нюхча, образование 3 класса, работала кладовщиком.

Печь, лодки, ягоды, грибы, о наводнении, рыболовство, бытовые разговоры, староверы, война, сбор ламинарии, колхоз, домашняя утварь, мебель, погода. **С. 1-30.**

Информатор: Кичигина Любовь Меркурьевна, 1932 г.р., род. в д. Нюхча, образ. 3 класса, работала поваром.

О себе, как варили соль, бытовые разговоры, ономастика, история деревни, домашние животные, семья, финская война, баня, грибы, церкви, одежда, война, домашняя утварь. **С. 30-86.**

2. Картоотеки диалектных слов и выражений

Диалектная лексика, собранная в экспедициях, оформляется на карточки по определенному образцу: лексема в начальной форме, грамматическая помета, фонетическая транскрипция, иллюстрация, значение, № тетради, страница, место хранения, год записи, место записи (см. образец 5). Даются комментарии собирателя, рисунки, схемы или ссылка на странице в тетради. Картоотека насчитывает более 60 тысяч слов. Материалы картоотеки до 2004 г. включены в 6-томный дифференциальный «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» (далее – СРГК).

Образец 5. Оформление карточки для картоотеки СРГК.

<p><u>Лес праведный</u> [л'ес прáв'едны́]</p> <p>л'ес ч'óрный / <u>л'ес прáв'едны́</u> / оддáј мо́у скот'инушку // она́ н'е ру́гана / она́ н'е тур'óна / она́ н'е бран'óна // оддáј / оддáј / оддáј // (заговор). Т. 1, с. 56. (леший) Карт. КГПУ, 1998 Куганаволок, Пуд.</p>	<p><u>Такущий</u>, ая, ее [таку́ш'ш'и́]</p> <p>а э'то ты' л'éшко в'úд'ела // он фс'áк'и́ј // он то́л'ко чело́в'еком бывáт // то́л'ко м'ен'á ув'úд'ел / как пома́хал по боло́ту / шагу́ <u>таку́ш'ш'и́</u> // Т. 1, с. 56. (большой по размеру) Карт. КГПУ, 1998 Куганаволок, Пуд.</p>
---	---

Лексический материал, собранный в 2004 г. и позже, содержится в отдельной картоотеке. Эти материалы войдут в «Словарь русских говоров Карелии с историческими и этнокультурными данными» (новый тип словаря). В словарь, кроме того, будут включены сведения из этнографических, фольклорных и др. источников. В 2008 г. начата работа над созданием такой картоотеки диалектных слов в электронном виде и на карточках (см. образец 6). Данные сведения сверяются с материалами СРГК.

Образец 6. Оформление карточки по материалам этнографической литературы.

Малега	Сельга
‘невысокий поросший лесом холм’ В подсеки обращались обычно невысокие поросшие лесом холмы (<i>малеги</i>) и возвышенные послеледниковые гряды (<i>сельги</i>). СРГК – Логинов 2006: 52.	‘возвышенная послеледниковая гряда’ В подсеки обращались обычно невысокие поросшие лесом холмы (<i>малеги</i>) и возвышенные послеледниковые гряды (<i>сельги</i>). СРГК 5: 52 Логинов 2006: 52.

Логинов 2006 – Логинов К.К. Этнолокальная группа русских Володозерья / К.К. Логинов; [отв. ред. А.К. Байбурин]; Ин-т языка, литературы и истории Карельск. НЦ РАН. М.: Наука, 2006. 276 с.

3. Банк данных ЛАРНГ

Сведения, полученные в экспедициях, также оформляются для «Лексического атласа русских народных говоров». В 1990-е годы на лексемы составлялись карточки в 2 экземплярах: первый – для Словарного сектора Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), второй – для архива Лаборатории (см. образец 7 и рисунок 1).

Образец 7. Оформление карточки для ЛАРНГ.

2151 26 зуба'тка Така ёна зуба'тка, никак не сладишь. С. Колодозеро 2002	2135 26 неваро'вый Цо-то я сёдни совсем неваро'вая. С. Колодозеро 2002
2001 26 ба'ско Ой и ба'ско ты нарядиласи. С. Колодозеро 2002	584 26 бе'лые му'хи Вот и бе'лые му'хи полетели, скоро зима. С. Колодозеро 2002

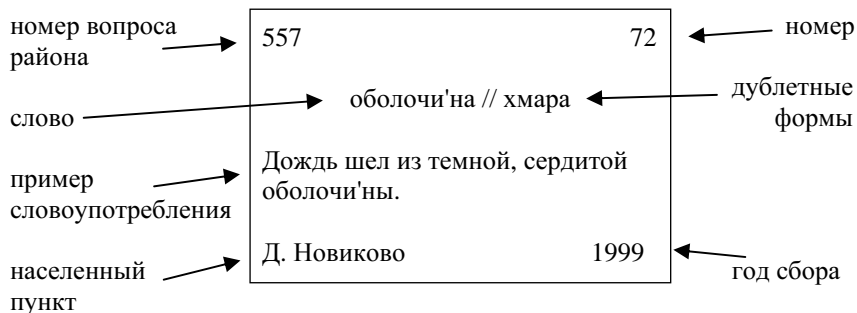

Рис. 1. Содержание карточки для ЛАРНГ

Последние три года материал оформляется в электронном виде: данные Картотеки СРГК 1960–2004 гг. по темам «природа», «человек» занесены на электронные «карточки» (см. образец 8). Предварительно указываются место и время сбора материала, название вуза, сведения о собирателе, программа, в которой осуществлялся ввод материала.

Образец 8. Электронная карточка ЛАРНГ.

Номер населенного пункта – 11.

Название – Республика Карелия.

Название района – Беломорский район.

Название населенного пункта – д. Воренжа.

Год сбора материала – 2002.

Название вуза – Карельский государственный педагогический университет.

Фамилия и инициалы собирателей – Степанова М.

Какое программное обеспечение использовалось.

? ЛСЛ 18017

& 11

% 1

! нафасо`ниться

Наряжаться.

* Хорошо наделся человек, у нас называли: нафасонился опять, в клуб пошел или куда.

По теме «природа» составлено 3500 карточек, по теме «человек» – более 1200. Начата компьютерная обработка данных картотеки СРГК по теме «трудовая деятельность человека», также обрабатываются материалы последних экспедиций по этим темам.

4. Ономастическая картотека

Электронная картотека топонимов насчитывает более 10 тысяч названий. Сбор топонимического материала начала Л.П. Михайлова в 1980-х годах. Во время последних диалектологических экспедиций и практики в Национальном архиве Карелии студентами под руководством Л.П. Михайловой и А.В. Приображенского был собран объемный топонимический материал по Беломорскому, Кемскому, Лоухскому, Кондопожскому, Пудожскому, Прионежскому районам (более 3 тысяч названий). Основное внимание уделяется сбору микротопонимии – названий сельскохозяйственных угодий, небольших болот, островов, озёр, частей населенных пунктов и проч. Во время сбора топонимии в экспедиции используются опросники З.В. Рубцовой и В.Л. Васильева. Предполагается топонимические материалы, а именно микротопонимы, образованные от диалектных слов, включить в «СРГК с историческими и этнокультурными данными».

Под руководством И.А. Кюршуновой студенты изучают ономастическое пространство Карелии – Заонежье, Пудожский край, Приладожье, составляют ономастические энциклопедии деревень. Продолжается активное исследование исторической региональной ономастики Карелии (см. образец 9). И.А. Кюршуновой подготовлен к печати «Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв.». Проводится сопоставление современных полевых материалов с данными, представленными в памятниках письменности Карелии XV–XVII вв. Дополняется ономастикон по Писцовым и переписным книгам Заонежья, XVII век (более 2500 употреблений), по документам Кексгольмского лена, XVI–XVII вв. (более 1000 употреблений).

Образец 9. Оформление антропонимической карточки.

Беляйко Дер. на Шале <u>Беляйка</u> Жеребцова, ... в ней ... <u>Беляйко</u> Жеребцов – крестьянин п. Шальский КЗПОП, 1582/83 гг. ИК-221	Жеребцов Дер. на Шале Беляйка <u>Жеребцова</u> , ... в ней ... Уприско <u>Жеребцов</u> , <u>Беляйко Жеребцов</u> – крестьяне п. Шальский КЗПОП, 1582/83 гг. ИК – 221
---	---

Пояснения:

- 1) В левом верхнем углу записывается антропоним.
- 2) Приводится контекст, в котором употребляется данное именование.
- 3) Ниже даются пометы о социальном положении именуемого (*крестьянин, земец, бобыль и т.д.*), профессии (*калачник, ведерник, палач, бачар и т.д.*), месте проживания (*двинянин, толвуянин, кемлянин, вологжанин, белозер, белозерец и т. д.*).
- 4) В левом нижнем углу указывается погост, где зафиксировано данное именование.
- 5) В правом нижнем углу указываются сокращенное название документа и дата его написания (условные обозначения согласовываются с преподавателем или сверяются со списком сокращений, приведенных в Словаре XI–XVII вв.), ср.:
Сокращение – КЗПОП, 1582/83 г. – Писцовая **книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/1583 г.** Заонежские погосты.
- 6) Ниже приводятся сведения, где опубликован документ, номер страницы. Если документ является рукописным источником, то приводятся сведения, где он хранится.
- 7) Именование записывается столько раз, сколько оно упоминается в документах.

5. Архив аудио-, видео-, фотодокументов

Фонд насчитывает 6 видеокассет по 180 мин. с записями 2002 г. в деревне Водла Пудожского района и около 90 аудиокас-

сет, записанных в разные годы в диалектологических экспедициях в восточных районах Карелии. Начата работа над созданием *электронного каталога* фонда видеоматериалов. Дается следующее описание видеокассеты (см. образец 10): номер кассеты, место и время сбора материала, сведения о собирателе, руководителе экспедиции, информаторах, темы, по которым осуществлялся сбор материала.

Образец 10. *Описание содержания видеозаписи.*

Видеокассета 3

Пудожский р-н, д. Водла

2002 г.

Собиратель: Монахова А.С., Кульпина (Гусева) Е.Р.

Информатор: Петрова А.Ф.

сказка *Лиса и заяц*, *Жили-были старик да старуха (о лисе и рыбе)*,
Сестрица Аленушка и братец Иванушка.

Информаторы: Башкирова Н.Г. (слева) и Льдина А.Г.

Башкирова Н.Г.: семья, похороны, свадьба (свадебные песни).

Башкирова Н.Г., Льдина А.Г.: колыбельные песни *Бай да побай*,
Баю-баюшки-баю и др., вечерки, песня *Понапрасну Ванька*
ходишь (начало), частушки, гадания на Святки, праздники
Масленица, Великий четверг, песня *А мы просо сеяли*, приметы.

Информатор: Фофанова Н.Ф.

о себе, роды.

Информатор: Тарасова А.И.

о себе, как выходила замуж.

Собранные в диалектологических экспедициях сведения служат основой научных публикаций и докладов, диссертационных, дипломных, курсовых работ. В архиве Лаборатории, к примеру, хранится более 70 дипломов, посвященных изучению лексики, фонетических, морфологических особенностей говоров Карелии. Школьному учителю будут полезны методические разработки по лингвокраеведению, содержащиеся в приложениях к дипломным сочинениям студентов. Материалы архива ЛКЭ войдут в «Хрестоматию говоров Карелии».

В дальнейшем необходимо продолжить работу по камеральной обработке, систематизации имеющихся в архиве Лаборатории материалов:

- создание электронной текстовой базы данных, электронной картотеки ЛАРНГ и «СРГК с историческими и этнокультурными данными»;

- разработку справочного аппарата архива;

- осуществление записи имеющихся аудио-, видео-, фотодокументов на цифровые носители, расшифровку аудио-, видеоматериалов, составление реестров полевых записей.

В будущем планируется размещение материалов архива на сайте Лаборатории лингвокраеведения и языковой экологии.

ПРОБЛЕМА АРХИВАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (на примере фонда Э.Г. Карху)

 Эйно Генрихович Карху (1923–2008)¹ известный литературовед, критик, переводчик, специалист по истории литературы Финляндии и Карелии, финско-русским литературным связям, карело-финскому фольклору, доктор филологических наук. Работал в Институте языка, литературы и истории с 1956 по 2004 гг.

Итогом работы любого литературоведа является публикация его материалов. Литературное наследие Э.Г. Карху состоит из 14 монографий и свыше 300 статей. Он подготовил ряд антологий и коллективных изданий, переводил с финского и шведского языков художественную литературу. В числе главных работ – двухтомная «История литературы Финляндии», первый том «Истории литературы Карелии» – «Карельский и ингерманландский фольклор»².

Традиционно архивные материалы литературоведов, хранящиеся в архивах, включают в себя переписку автора, газетные вырезки, неопубликованные рукописи, фотографии и т.п. Все это позволяет познакомиться с жизнью и творчеством писателя.

С появлением новых технологий появились и новые способы хранения архивных материалов. В данной статье речь пойдет о фонде Э.Г. Карху, хранящемся в Фонограммархиве Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Идея создания архива принадлежит Маркку Ниеминену, руководителю фонда «Juminkeko» («Юминкеко»), г. Кухмо (Финляндия). Всю свою жизнь Э.Г. Карху занимался исследованием литературы и творчества писателей. М. Ниеминен предположил, что

¹ Подробнее о жизни и творчестве Э.Г. Карху см.: Писатели Карелии: Биобиблиографический словарь. Петрозаводск, 2006. С. 26–29.

² Ученые Карельского научного центра Российской академии наук: Биографический словарь. Петрозаводск, 1999. С. 263.

когда-нибудь будут изучать жизнь и творчество самого Эйно Генриховича. Это предположение подтвердилось еще при жизни Э.Г. Карху. В частности, на ежегодной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы», прошедшей 14–16 апреля 2004 года в г. Санкт-Петербурге, прозвучал доклад В.В. Цоффка под названием «Российский литературовед Эйно Генрихович Карху как ученый-пушкинист»³. М. Ниеминен предложил отсканировать рукописные материалы, имеющиеся у Э.Г. Карху, и записать их на электронные носители, в данном случае на компакт-диски.

Поскольку любая работа ученого-литературоведа начинается с посещения библиотеки, то в рукописном архиве Э.Г. Карху имеются записи, сделанные при их посещении. Следует учитывать тот факт, что Э.Г. Карху начинал свою научную деятельность в 1950-е годы. Тогда финская литература находилась преимущественно в библиотеках г. Ленинграда (ныне г. Санкт-Петербург). Там Э.Г. Карху изучал литературу на финском и шведском языках. В те годы не существовало такой техники как ноутбук, цифровой фотоаппарат и других современных средств копирования статей, книг и т.п. Поэтому весь имеющийся материал переписывался вручную. Так в рукописном архиве Э.Г. Карху, хранящемся ныне в фонде «Юминкеко», появилось 253 тетради (это были как общие тетради по 96 листов, так и ученические по 12 листов) и картотека. Картотека состоит из 2990 карточек.

Работа по созданию электронной версии архива длилась два года (2004–2006). Сканирование осуществлялось в Финляндии в фонде «Юминкеко» сотрудницей архива Пиркко Мяхёнен. После того, как все тетради и картотека были отсканированы, в 2005 году оцифрованная версия архива была перевезена в Россию. Для облегчения пользования архивными материалами необходимо было составить опись. Здесь и возникла проблема описания электронной версии. Опись составлялась автором данной статьи. Поскольку аналогов таких фондов в Финляндии и России тогда не было, то нам пришлось самим выбрать методи-

³ Цоффка В.В. Российский литературовед Эйно Генрихович Карху как ученый-пушкинист // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы шестой ежегод. междунар. науч. конф. 14–16 апр. 2004 г. СПб., 2005. С. 230–238.

ку составления описания. Было принято решение частично сохранить систему, существующую в архивных описаниях, т.е. «фонд», «дело», «опись».

Усложняло работу то, что часть материалов на шведском языке, который автору статьи незнаком. Многие имена финских писателей, ученых также были неизвестны составителю, и это усложняло описание. К тому же, поскольку архив представляет собой рукописный материал, возникла проблема с расшифровкой почерка, хотя Э.Г. Карху чрезвычайно аккуратен, и материалы были в хорошем состоянии.

Фонд Э.Г. Карху называется, как и одна из его главных работ, «Suomen kirjallisuuden historia» («История литературы Финляндии») и состоит из 132 компакт-дисков. В фонде 4 дела.

Дело 1 – это отсканированная картотека. Она представляет собой библиографию произведений на русском, финском и шведском языках. Исследование литературы Финляндии, по мнению Э.Г. Карху, невозможно без знания шведского языка, т.к. он является вторым государственным языком наряду с финским. Опись картотеки отличается от описи тетрадей. К картотеке был составлен именной указатель, и уже по фамилии идет указание на номер папки/файла и на номер карточки. Например:

Sukunimi, nimi / ФИО	Kansion n:o / № папки	Kortin n:o / № карточки
Aaltonen H.	22	003
Agricola, Michael	21	056
Aho, Antti Juhani	21	057
Aho, Juhani	21	057
	23	109
Ahvenberg J.	12	099
Alkio, Santeri	22	006
Allardt Ekclund, Karin	16	042
Alpi, Eero	22	007
Anti V.	22	009
Anttila, Aarre	14	010, 011
Anttila, Selma	22	008
Areurman A.	17	005

Дела 2 и 3 – это отсканированные тетради. Практически каждая тетрадь имеет название. Например, «О. Мандельштам», «Топелиус. Сочинения на шведском языке», «Современная буржуазная философия» и другие. Сканирование каждой тетради начиналось с обложки, затем страницы тетради. Тексты в тетрадах на финском, шведском и русском языках. Ниже приводится часть содержания описи дела 3.

Vihkon n:o / № тетради	Vihkon nimi / Название тетради
43	Gunnar Castren. Juhani Aho
44	Финская литература (12). Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
45	А. Блок «Проблемы реализма»
46	Библиография
47	M.N. Nicolson. Mountain Gloom and Mountain Glory. 1959.
48	Skrifter utgifna af Svenska Litteratursällskapet i Finland (то, что хранится в ГПБ в Ленинграде)
49	Scandinavica. An international journal of Scandinavian studies. Edited by James McFarlane. Academic Press. London-New York-San-Francisco.
50	Мысли о финской лирике XX века
51	R. Koskimies. Der nordische Denadent. Чуковский.
52	Выписки из журналов

Дело 2 называется «Литература Карелии». Оно состоит из 6 тетрадей. Это конспекты книг, мысли Э.Г. Карху о карельской литературе.

Дело 3 называется «История литературы Финляндии». Состоит из 247 тетрадей. В тетрадах содержится литературный и фольклорный материалы. Например, письма Б. Брехта и Р. Руско; конспекты книг; размышления Э.Г. Карху о финской лирике XX века. Некоторые произведения переписаны полностью, например, трагедия И. Векселла «Даниэль Юрт» на русском языке. Описание содержания тетради приведено здесь на примере тетради 209.

Vihkon n:o / № тетради	File-nimi tai n:o / Название файла или номер	Sivun sisältö / Содержание страницы
209	Kansi / Обложка	Erik Amburger. Ingermanland. (См. М. Хаавио с конца). Ivar Kempainen.
	001–010	Amburger E. Ingermanland. Köln-Wien, 1980.
	011	Оттиски статей М. Хаавио
	012–014	Haavio M. Kansanrunouden keruu ja tutkimus. Helsinki, 1931. 104 s.
	015–016	Karjala. I–V. Hämeenlinna, 1981.
	017–020	Iivar Kempainen
	021	Симанский В.К. Красносельский лагерный сбор 1765 года // Военный сборник. 1906. № 7. С. 1–44.
	022–023	Леметти И.М. Советская Ингерманландия. Л., 1935. 55 с.

Знакомясь с архивом Э.Г. Карху, можно проследить, как у него рождался тот или иной труд. Рабочие идеи по Э. Лейно и неоромантизму позднее мы прочитаем в его книгах. Материалы по Ф.М. Достоевскому и финляндской периодике до 1914 года, найденные в Публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, также будут использованы в будущей книге⁴.

Содержание тетрадей – это итог работы Э.Г. Карху не только в библиотеках, но и в архивах Ленинграда. Там было запрещено копирование или фотографирование материалов, поэтому приходилось все переписывать. Так, например, у Э.Г. Карху появились выписки из Военно-морского архива. В тетрадях исследователи найдут ценные пометки автора. Дело 4 – это авторская статья – введение Э.Г. Карху к его архивным материалам.

К сожалению, при работе с архивом Э.Г. Карху выявились недостатки, допущенные при составлении описания картотеки.

⁴ Карху Э.Г. Достоевский и финская литература. Петрозаводск: Карелия, 1976. 135 с.

Именной указатель был составлен на каждый компакт-диск и не сведен в один. Это несколько осложняет работу, т.к. информация о том или ином авторе может содержаться на нескольких дисках. Необходимо просматривать именной указатель к каждому диску.

В заключение хотелось бы отметить, что благодаря совместной работе с фондом «Юминкеко», был создан ценный фонд материалов Э.Г. Карху. Это первый и единственный фонд такого рода, хранящийся в Фонограммархиве ИЯЛИ. Знакомство с данными архива позволяет выявить ценные данные о книгах и хранящейся в них информации, проследить цепочку создания Э.Г. Карху того или иного произведения и просто отдать должное трудам ученого.

*МЕЛОДИКА И ПРАКТИКА
ПОЛЕВЫХ РАБОТ*

ФОЛЬКЛОР И ЭТНОГРАФИЯ

О ЗНАЧЕНИИ «АВТОТЕКСТОВ» ДЛЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Это выступление стимулировано следующими обстоятельствами: во-первых, двумя книгами, основанными главным образом на архивных материалах, а точнее, на основе одного архива – Карельского научного центра РАН. Первая «Носители фольклорных традиций (Пудожский район Карелии)»¹ и вторая «Исполнители фольклорных произведений (Заонежье. Карелия)»²; во-вторых, сначала личными встречами в 1983 году с исполнительницей из Заонежья А.С. Койбиной, а затем, уже после ее смерти, обретением ее дневника (разумеется, сделанной мной копией с него), предоставленным мне ее дочерью Н.М. Абакумовой. Вот тогда в моем сознании и появилось понятие «внетекстовые» источники, употребляемое мною условно, – тексты другого ряда, те, что находятся за пределами, вне текста фольклорного произведения, оказываются его комментарием.

Названные книги, составленные Т.С. Курец, – необычны в жанровом отношении: это не публикации текстов и не истории идей. Это собрание расположенных в алфавитном порядке разновеликих по объему биографий носителей фольклора двух регионов Карелии и – уже особо в отдельной части – репертуар каждого информанта и жанровая идентификация записанных от него текстов. Тем самым народная традиция Заонежья и Пудожья на сегодняшний день – это не только десятки собраний фольклора разных жанров и их исследования, но еще и сотни имен носителей и хранителей фольклора: 381 из них в Пудожье и более 320 в Заонежье. От первого сказителя Заонежья Ильи Елустафьева из деревни Шляминской, рожденного в 40-е годы XVIII века, и Ко-

¹ Носители фольклорной традиции (Пудожский район Карелии) / Изд. подгот. Т.С. Курец. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2003. 408 с.

² Исполнители фольклорных произведений (Заонежье. Карелия) / Изд. подгот. Т.С. Курец. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. 372 с.

нона Неклюдина с Зяблых Нив Кижской волости (70-е годы XVIII века), с которыми собиратели, разумеется, не встречались и от которых не дошло ни одной записи, но о которых поведали их ученики и потомки, сохранившие в памяти их репертуар, – до Аси Бочановой из Великой Губы (1971 года рождения) – таков временной диапазон книги о Заонежье. От старейших сказителей – мастера сказки Осипа Ивановича Дмитриева (1852 г.р.) из деревни Рагнозеро и былинщика Федора Андреевича Конашкова (1860 г.р.) до нескольких представителей семьи Ершовых из деревни Якушева (1965, 1967 гг.р.) – период, отраженный в книге о пудожских носителях фольклора. Биографии, порой превращающиеся в пространные жизнеописания, тщательно и кропотливо, по крупицам воссоздаются Т.С. Курец на основании отдельных, самостоятельных свидетельств. (Это извлечения из описаний и отчетов участников фольклорных экспедиций, наблюдения, даже отдельные штрихи, принадлежащие собирателям, информации, упоминания или факты из печати и особенно из газеты «Олонецкие губернские ведомости» (1838- 1916), сохранившиеся письма исполнителей, воспоминания современников)

Совершенно особое место в этих чрезвычайно разноплановых биографических материалах занимают автодокументы, или, как их называют современные исследователи, «эго-тексты», т.е. тексты от имени «я» повествователя. В литературной практике такими являются изданные мемуары и дневники, которые принадлежат главным образом известным или выдающимся людям. В народной культуре эту функцию, как правило, выполняют рассказы о себе, своеобразный симбиоз автобиографии, мемората и дневника. Каждый, кто хотя бы раз участвовал в собирании фольклора, знает, насколько важно информанту сначала рассказать о себе. Редкая встреча собирателя с исполнителем обходится без подобного рассказа. К слову, такие устные «автотексты» простых людей как особый дискурс никогда не были предметом специального изучения.

Таким «автотекстом» является и оказавшаяся в моем распоряжении толстая, исписанная карандашом тетрадь в линейку, названная А.С. Койбиной Дневником. Оставляю за рукописью право называться так, как ее обозначил автор, – дневник. К сожалению,

даты, когда он начат и окончен, нет. Снимая с него компьютерную копию и вчитываясь в текст, сделала предположение, что начала она его в последние годы жизни, поощряемая своим племянником, поэтом Виктором Сергиным, с которым А.С. была особенно дружна. Что же касается жанра, то, строго говоря, это не дневник, а своеобразный сплав элементов дневника, мемуаров, духовной автобиографии, записной книжки, писем и, что особенно важно, самозапись сохранившихся в памяти фольклорно-этнографических фактов³.

Место и роль этих документов трудно переоценить. Во-первых, потому, что сквозь призму восприятия конкретного, рядового человека отражается время, события истории страны в целом и региона, в частности: революция, коллективизация, Отечественная война, оккупация, концлагерь, послевоенные годы; складывается картина жизни во всех ее позитивных и негативных проявлениях. А в ней, как в зеркале, сложившийся повседневный быт и уклад, труды и дни, обряды, представления и верования, будни и праздники, промыслы и ремесла, семейные отношения, отцы и дети, сезонные занятия, связи с внешним миром, наконец, самобытный с множеством диалектизмов язык – самостоятельный источник изучения для лингвистов.

«Родилась и выросла в д. Сибово, замуж вышла в Сибово. У отца было четыре дочери, я младшая. Дом был хороший, дак мужа в дом взяли. А потом многих мужчин-то забирали в 1937 году, и он в эту «кашу» попал, а я с пятерыми осталась. Сестра курьершей работала в Петрозаводске, хлопотала, письма писали. ... А потом дали бумажку, что неповинен был, а в «шайку» попал. Так и не вернулся, умер. Ростила ребят без всякой помощи. ...Работала в колхозе, пенсию маленькую дали: сначала 8 руб.50 коп., потом 12 руб., теперь 28 руб....» (А.П. Сигова, 1898 г.р.)⁴.

Во-вторых, эго-тексты – это, как правило, автохарактеристики, откровения и детали которых приобретают характер некоего комментария творческого плана – мотивов, обстоятельств и условий

³ См.: Лойтер С.М. «Я, Анастасия, дочь крестьянина...» // Лицей. 2009. № 4. С. 19.

⁴ Исполнители фольклорных произведений (Заонежье.Карелия)... С. 228.

исполнения того или иного текста, объяснений и сведений, касающихся его бытования.

«Я всю жизнь любила петь. У нас там в деревне песенно было. Сестра отца такая песенница была, такой голос хороший... Не с песней бы жить, дак подохла бы давно, не выдержала. Вот, бывала, как еду на лошади на работу, песни пою, а потом давай плакать...» (П.С. Мошникова, 1908 г.р.)⁵.

Е.Ф. Санникова из заонежской Толвуи с 14 лет причитывала на могиле матери: «Шестеро осталось, так было вопу. Столько вопила, что замертво с могилы соймут»⁶.

Среди всех этих откровений своей незаурядностью и талантливостью выделяются записанные Е.В. Барсовым рассказы о себе Ирины Федосовой⁷. Как уже говорилось, «автотексты» – только один из пластов того целого, которое в книгах Т.С. Курец сопряжено с именем и личностью исполнителя. И весь этот уникальный материал имеет непосредственное отношение к таким важным проблемам фольклористики, как преемственность традиции, процесс и «механизм» ее передачи, особенности бытования и сохранения: кто от кого услышал, что запомнил, как продолжил. Иными словами к тому, что составляет область вариативности элементов фольклорной культуры, разветвленности традиции, к тому, как происходит формирование вариантов, версий, редакций, изводов. Подобные сведения, описания и высказывания указывают фольклористам путь сличения, сопоставления вариантов и установления генетической связи. Они делают убедительной точку зрения Ю.А. Новикова, высказанную им в монографии «Сказитель и былинная традиция»⁸ и поставившего вопрос «о нецелесообразности употребления... понятия «школы сказительского мастерства», введенного в научный оборот В.И. Чичеровым⁹. Как известно, в результате изучения былин Заонежья В.И. Чичеров назвал три «школы» былинного сказительства: школу Ильи Елустафьева, школу Конона Неклюдина и космозерскую школу. Полемизируя с концепцией

⁵ Исполнители фольклорных произведений (Заонежье.Карелия)... С. 147.

⁶ Там же. С. 221.

⁷ Там же. С. 252–257.

⁸ Новиков Ю. А. Сказитель и былинная традиция. СПб., 2000. С. 253–266.

⁹ Чичеров В.И. Школы сказителей Заонежья. М., 1982. 196 с.

В.И. Чичерова, Ю.И. Новиков пишет: «У подавляющего большинства выдающихся старинщиков Олонецкого края не было сознательной ориентации на одного учителя, на традиции одной сказительской «школы»; варианты каждого певца восходят к разным источникам. Крупнейшие сказители Прионежья стали «звездами первой величины» именно потому, что в своем творчестве аккумулировали лучшие достижения местной традиции...»¹⁰. И это подтверждают биографические материалы самого крупного и знаменитого сказителя Заонежья Трофима Рябинина, безоговорочно отнесенного Чичеровым к елустафьевской «школе». Сам сказитель среди тех, у кого он учился петь былины, называет не только Илью Елустафьева, но и своего дядю Игнатия Иванова, который, по его словам, «был самым лучшим певцом былин во всем их крае», и зятя Василия Сарафанова, и крестьянина из Гарниц Ивана Агапитова Завьялова, и стариков Ивана Кокойкина и Федора Трепалина, и крестьян из Заонежья, с которыми «раз 40 на своем веку ходил на ловлю в Ладожско озеро», и рагнозерского (а это уже не Заонежье, а соседнее Пудожье – С.Л.) «старика Федора Рахкоя»¹¹.

Анастасия Степановна Богданова-Зиновьева, чью жизнь и исполнительство запечатлели две колоритные автобиографии и свидетельства более десяти собирателей (почти 20 страниц текста), признавалась, что училась не только у беззубой старушки Гавриловны, «Шапши», но и у Домны Васильевны Суриковой, от которой записывал еще А.Ф. Гильфердинг, и у портного из с. Песчаное с Пудожского берега Максима Ржанова¹².

Некоторые биографии и содержащиеся в них факты или детали позволяют убедиться в том, как влияют на формирование репертуара и отдельного варианта не только постоянные контакты (семейные или по месту жительства) носителей фольклора, но случайные встречи и даже публичные выступления.

Представленные в книгах автодокументы, или «автотексты», охватывающие более двух столетий, создают картину существования той или иной фольклорной традиции в разные периоды: ее

¹⁰ Новиков Ю.А. Сказитель и былинная традиция... С. 351.

¹¹ Исполнители фольклорных произведений... С. 191–195.

¹² Там же. С. 58–66.

полнокровного бытования, того, как начиналось угасание, а затем «совершалось» естественное вымирание, скажем, былинной традиции. Очень много имен связано с возрождением плачевой традиции в годы Великой Отечественной войны, когда Заонежье было оккупировано, а многие женщины были отправлены в концлагерь в Петрозаводске. «Пришла к тому месту, где стояло хоромное строенье, села на катушке бревешечко, вспомнила, как скиталась по лагерям, вспомнила о хоромине и завопила по растерянной семье, по сыне, который погиб на фронте» (Д.И. Осова)¹³. Этот, как и многие другие рассказы и тексты, были записаны в конце войны А.П. Разумовой и В.Г. Базановым и составили отдельную книгу¹⁴.

«Автодокументы» – это история фольклорной традиции региона в биографиях исполнителей, и, как оказывается, эта локальная, региональная фольклорная традиция соотносится с общенародными, общезатническими процессами. Биографии явственно запечатлели негативные последствия, когда в фольклористику в 1930-е сталинские годы вторгся диктат государственной идеологии, и началась целенаправленная кампания искусственного создания образа сказителя в советской культуре. С этим связаны и деградация былинного исполнительства, и откровенные фальсификации в разных (вплоть до колыбельной песни) жанрах. Поощряемые правительственными наградами и премиями, принимаемые в члены Союза советских писателей некоторые сказители, выполняя социальный заказ, становятся певцами счастливой жизни в советской стране, славят Сталина, сочиняют плачи, сказы, «новины» о вождах и деятелях революции. Все эти тексты могут быть квалифицированы не иначе, как псевдофольклор¹⁵.

Из биографических материалов представителя четвертого поколения Рябиновых Петра Ивановича Рябина-Андреева, становится ясно, что он один из первых слагателей былин о Ленине, Чапае-

¹³ Исполнители фольклорных произведений... С. 158.

¹⁴ Русская народно-бытовая лирика: Причитания Севера в записях В.Г. Базанова и А.П. Разумовой. М.:Л.,1962.

¹⁵ См.: Былины Пудожского края / Подгот. текстов, ст. и примеч. Г.Н. Париловой и А.Д. Соймонова; предисл. и ред. А.М. Астаховой. Петрозаводск, 1941. С. 182–185; Русские плачи Карелии / Подгот. текста и коммент. М.М. Михайлова; под ред. М.К. Азадовского. Петрозаводск, 1940.

ве, Ворошилове¹⁶. А А.М. Пашкова рассказывает, как с ней проводились беседы о текущей политике, решениях партии и правительства, об участии в вечерах, работе конференции сказителей в 1939 году, поездке в Москву, как она начала сочинять плачи о Ленине, Горьком, Крупской, Чкалове, сказы «Советский Союз», «Раскрепощенная женщина», «Колхозница», былинку о Сталине («Как сошлись удалы добры молодцы / Во Москву ли славну белокаменну/ Ко тому ли вождю Сталину...»)¹⁷. Назову и письмо космозерского сказителя М.Е. Самылина, который по приезде с Петрозаводской конференции 1939 года заявил: «Былинку я напишу о Сталине»¹⁸.

Общеизвестно, что фундаментом истории и теории фольклористики являются тексты. Но не менее важны внетекстовые источники, автодокументы, отражающие локальную историю народной традиции в лицах, лицах носителей фольклора и, в известной степени, лицах собирателей. Они оказываются вместилищем бесценного историко-этнографического материала.

¹⁶ Исполнители фольклорных произведений (Заонежье. Карелия)... С.210–215.

¹⁷ Носители фольклорных традиций (Пудожский район. Карелия)... С.203–213.

¹⁸ Исполнители фольклорных произведений (Заонежье. Карелия)... С. 218–219.

**МЕТОД ПОВТОРНОЙ ЗАПИСИ СКАЗОК
(на примере Осипа Ивановича
и Михаила Осиповича Дмитриевых)**

Метод повторной записи фольклорных произведений был впервые применен еще А.Ф. Гильфердингом, который в 1871–1872 гг. зафиксировал былины от 16-ти исполнителей, опрошенных несколькими годами ранее П.Н. Рыбниковым¹.

Указанный метод неоднократно использовался сотрудниками Института языка, литературы и истории Карельского Научного центра РАН (ИЯЛИ КарНЦ РАН) при записи различных фольклорных жанров, в том числе и сказок.

Достаточно уникальна ситуация, касающаяся отца и сына Дмитриевых, о чем и пойдет речь в работе.

Первая встреча собирателей с Осипом Ивановичем Дмитриевым произошла летом 1928 г., когда С.П. Бородин, Ю.А. Самарин и В.И. Чичеров в рамках экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга» записали от него былинку «Ставер Гоудинович» и три исторические песни. В то время неграмотному жителю д. Раг-нозеро Пудожского района Карелии было 69 лет.

Через десять лет, в феврале 1938 г. сотрудница Карельского Научно-исследовательского института культуры (КНИИК, ныне ИЯЛИ КарНЦ РАН) И. Ломакина зафиксировала от него ту же самую былинку и одну сказку «Про Бан царицу огненную колесницу» на сюжет, обозначенный в СУС² под номером 531 *Конек-горбунок*. Тогда же собирательницей был «взят на учет весь <его> репертуар»³, состоящий

¹ См. об этом: Гильфердинг А.Ф. Онежская губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М., Л., 1949. Т. 1. С. 40–41.

² Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979.

³ Курец Т. С. Носители фольклорных традиций (Пудожский район Карелии). Петрозаводск, 2003. С. 61.

из 40 наименований. Хотя сам Дмитриев «сказок знает, по своим собственным словам, „полусоток” наверняка»⁴.

Летом 1938 г. сотрудник КНИИК В.Р. Дмитриченко записал от Осипа Ивановича былину «Про Илью Муромца» и еще «четыре сказки, ввиду того, что зимой этого года было собрано очень мало материала для того, чтобы заключить о степени мастерства О.И. Дмитриева в области сказки»⁵. Собирателем были зафиксированы тексты «О Светлане», «Про богатыря царя Перегара», «Про крестьянина», «Про Любодея». В отчете об экспедиции В.Р. Дмитриченко сообщил дополнительные сведения: «Былин <Осип Иванович> много никогда не знал, а известен среди жителей района как хороший сказочник, которого раньше приглашали в гости по деревням с тем, чтобы „послушать” его сказок. Сказки длинные, чаще фантастические, у героев самые причудливые имена. Видимо, эти сказки вышли из лубочной литературы. Знает несколько бытовых сказок. Сказывать любит; рассказывая, шутит, делает от себя вставки, чтобы заинтересовать слушателей. Знает формулы, которые говорятся в начале сказки слушателям, с просьбой слушать внимательно, и в конце сказки, где говорится, как бы следовало наказать того, кто плохо слушал (формулы нецензурные). Сказки „выслухал” на сплавах. Отец его сказок не знал»⁶.

Итак, разные собиратели записывали фольклорные произведения от Осипа Ивановича трижды. К большому сожалению, в нашем распоряжении имеются лишь 5 его сказок. Две из них были опубликованы⁷. Теперь мы можем только предполагать, почему собиратели не зафиксировали весь репертуар сказочника. Возможно, это было связано с тем, что в тридцатые годы процесс сбора фольклорного материала был очень трудоемким, поскольку записи делались от руки. В то же время, данное обстоятельство не мешало собирателям именно в те годы зафиксировать почти все произведения, имеющиеся в репертуаре отдельных сказочников (на-

⁴ Научный архив КарНЦ РАН (далее: НА КарНЦ РАН). Фонд 1, опись 1, колл. 5, ед. хр. 21а.

⁵ Курец Т. С. Носители... С. 60.

⁶ Там же.

⁷ См.: Русские народные сказки Пудожского края. Петрозаводск, 1982. № 10, № 11.

пример, от помора Матвея Михайловича Коргуева было записано 115 текстов; от белоруса, сосланного в Карелию, Филиппа Павловича Господарева более 100; от вепса Филиппа Семеновича Смирнова – 54). По словам Т. И. Сенькиной именно «несовершенные формы записи, а впоследствии и смерть <Дмитриева> не позволили записать весь репертуар»⁸. Не стало его в 1939 г.

Сказки Дмитриева вошли в состав второй и пятой коллекций НА КарНЦ РАН.

Повторные записи сказок от самого Осипа Ивановича не производились. Однако спустя почти сорок лет произведения, входившие в его репертуар, были зафиксированы от его единственного сына. Знакомство сотрудников ИЯЛИ КарНЦ РАН с Михаилом Осиповичем состоялось в 1975 г. в д. Авдеево Пудожского района Карелии. Оно «началось с рассказа о подвигах Рахты Рагнозерского»⁹, который, по преданию, основал родную деревню М.О. Дмитриева Рагнозеро. Тогда же и было установлено, что Михаил Осипович является «представителем богатой семейной сказочной традиции»¹⁰. Во время первой встречи сотрудница сектора фольклора Т.И. Сенькина записала от него на магнитофон пять сказок, две из которых были зафиксированы в свое время от Осипа Ивановича. Еще 16 текстов были собраны Т.И. Сенькиной и Т.С. Курец годом позднее, в мае 1976 г. Один из этих вариантов также был ранее записан от Дмитриева-старшего. Таким образом, в НА КарНЦ РАН хранится 21 сказка из репертуара Михаила Осиповича, включая четыре произведенные в 1976 г. повторные записи. Три сказки были опубликованы¹¹. По признанию самого Дмитриева-младшего, он усвоил почти все известные ему сказки от отца: «Все, что знаю – это все от отца»¹².

Две сказки («О Светлане» / «Про жену Светлану» и «Твой друг Любодей») записывались от отца и сына Дмитриевых в 1938, 1975 и 1976 гг. При этом от Михаила Осиповича они были зафиксирова-

⁸ Сенькина Т.И. Об исполнительской манере пудожского сказочника // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1980. С. 76.

⁹ Там же. С. 81.

¹⁰ Там же. С. 76.

¹¹ Русские народные сказки Пудожского края. № 1–3.

¹² НА КарНЦ РАН. Фонд 1, опись 1, кол. 83, ед. хр. 48.

ны дважды. Сказка «Про Бан-царицу, огненную колесницу» была записана и от Осипа Ивановича, и от Михаила Осиповича. В настоящей работе невозможно проанализировать все эти произведения, остановимся только на одном из них.

Сказка «О Светлане» / «Про жену Светлану» восходит к неоднократно издававшейся в России с середины 50-х годов XIX века и до 1918 г. «Сказке о Иване-богатыре, о прекрасной супруге его Светлане и о злом волшебнике Карачуне». Точнее, источником является одна из редакций этого произведения, созданная в 1895 г. писателем-лубочником И.С. Ивиным, печатавшимся под псевдонимом «И. Кассиров».

Напомним, что Осип Иванович Дмитриев был неграмотным, следовательно, он мог только услышать эту сказку. Тем не менее, его вариант очень близок к исходному лубочному тексту, но в наши задачи не входит подробный текстологический анализ. Сообщим лишь, что Осип Иванович сохраняет контаминацию нескольких сюжетов, зафиксированных в Указателе под номерами: 402 *Царевна-лягушка*, 400₁=AA 400A=K 400A,B,C,D *Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену*, 554 *Благодарные животные*, 518 *Обманутые лешие*, 302₂ *Смерть Коцея в яйце*. От лубочной редакции в тексте Дмитриева-старшего сохраняется усложнение эпизодами, связанными с Карачуном, который дважды в ходе повествования совершает похищение героини.

Сказка была усвоена Михаилом Осиповичем практически полностью. Поражает почти дословное воспроизведение фраз, используемых и его отцом. Например, Дмитриев-отец так описывает героиню при первом ее появлении в тексте: «Старушка, ни зуба во рти, и ни глаза во лби»; у его сына в обоих случаях функционирует «старуха ни зуба во рте, ни глаза во лбе». Или: похититель характеризует себя в варианте Осипа Ивановича следующим образом: «Я что ли не худой, я ли не горбатый, а нос ли не сутуловат». У Михаила Осиповича используется описание: «Я ли не горбатый, у меня ли нос не сутуловатый», которое в повторной записи дополняется фразой «али чего во мне не хватат».

В тексте Дмитриева-младшего утрачен лишь один эпизод, повествующий о совершаемых героиней чудесах на балу у царя. Кроме того, в некоторых местах им сделаны незначительные замены. На-

пример, вместо голубей, оказывающих помощь в решении одной из трудных задач, предлагаемых Ивану-царевичу Карачуну, выступают гуси. *Или:* у Осипа Ивановича царь просит, чтобы невестки сшили ему по рубашке; у Михаила Осиповича он заказывает парадный костюм. Примечательно, что в повторной записи сказки от Дмитриева-младшего снова появляется рубашка. Интересно, что в варианте, зафиксированном от Михаила Осиповича в 1975 г., вместо Карачуна, являющегося обладателем внешней души, хранящейся в надежно спрятанном яйце, фигурирует Кошай. В повторной записи сказочником используются оба этих имени, а также усложненный вариант: «Карачун ее унес Кошай Бессмертного» *или:* «Прилетел Карачун Кошай». Отметим попутно, что в тексте «Светлана Прекрасная», записанном в 1931 г. от Ивана Федоровича Ковалева¹³ в Нижегородской области и восходящем к указанному лубочному произведению, функционирует Кошай Бессмертный. Лишь в одном месте ближе к концу повествования героя предупреждает Ивана-царевича о скором возвращении ее дяди – волшебника Карачуна. Далее в сказке сообщается: «А Карачун ударился о землю и превратился в Кошай Бессмертного, старого, худого, длинноногого, горбоносого, а колени были вместе». Указанные факты свидетельствуют о том, что заимствованный из лубочной литературы Карачун с течением времени трансформировался в более близкого фольклорной традиции Кошай, и подтверждают слова ученого Р.Г. Назирова о зафиксированном в XVIII в. соответствующем переименовании¹⁴.

Приведенные выше примеры говорят о том, что повторно записанная от Михаила Осиповича Дмитриева сказка во многом ближе тексту отца, чем вариант, рассказанный им в 1975 г.

В то же время, оба зафиксированных от Дмитриева-младшего текста отличаются от сказки Осипа Ивановича, то есть от источника, к которому непосредственно восходят. Прежде всего, они имеют разный размер: машинописная копия сказки, записанной от Дмитриева-отца, напечатана почти на 22-х страницах, а оба вари-

¹³ Сказки И.Ф. Ковалева: Летописи Гос. лит. музея. М., 1941. Кн. 11. № 12.

¹⁴ Назиров Р.Г. Истоки сюжета «Кашеева смерть в яйце» // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1989. С. 36.

анта Михаила Осиповича – более чем на 25-ти. Увеличение объема обусловлено во многом тем, что у Дмитриева-младшего более образный язык. Например, сказка Осипа Ивановича начинается так: «У царя было три сына: Петр-Царевич, Алексей-Царевич, Иван-Царевич». А его сын использует в зачине присказку: «Не в котором царстве, не в котором государстве, именно в том, в котором мы живем (например вот как в Авдеево), жил был царь, у царя было три сына — Николай, Федор и Иван» (1975 г.) / «Не в каком царстве, не в каком государстве, именно в том, в котором мы живем, как мы в Авдеевой с вами занимаемся, жил был царь. У царя было три сына — Николай, Федор и Иван» (1976 г.). *Или:* ситуация, связанная с перевоплощением героини после первой встречи с царевичем, изображается Осипом Ивановичем следующим образом: «Так что солнышко зашло за леса, уходит старушка в другую комнату и вынимает кольцо с руки, и сделалась очень прекрасная женщина». Дмитриев-младший использует более развернутое описание: «Только солнце село, она снимает кольцо с руки. Он как посмотрел на нее, она такая красавица, такая прелестная, что он рад бы ее сразу схватить, обнять и поцеловать» (1975 г.). Примечательно, что в повторной записи сказки от Михаила Осиповича эпизод с перевоплощением героини отсутствует. В ходе повествования Дмитриев-младший лишь упоминает об этом, говоря, что после пира у царя «домой пришли (Царевич и Светлана — *А. Л.*), пришли, пьяненькие легли спать, и оставалось еще три дня этой старухе такой быть. Она ночью с им хорошей спит; кольцо на руки, кольцо, как солнце садится, она кольцо снимает и полагает в рот».

Итак, как уже было отмечено ранее, от Осипа Ивановича Дмитриева повторные записи сказок не производились. Вместе с тем, от него были вторично зафиксированы былины. При этом собиратели отмечали, что «исполняя былины, Дмитриев каждый раз изменяет текст. Ему как сказочнику, казалось, совершенно не обязательным запоминать в строгой последовательности все эпизоды, требующие к тому же определенного словесного оформления, ритма и т. д. В сказках же можно, по выражению Ремизова¹⁵, «лепить» как

¹⁵ Никита Антонович Ремизов – известный сказитель. См. о нем: Курец Т.С. Носители... С. 238–246.

угодно»¹⁶. Такая же ситуация характерна для Михаила Осиповича. Это подтверждают сделанные от него повторные записи сказок, свидетельствующие о присущей данному жанру изменчивости отдельных элементов и вместе с тем некоторой стабильности, касающейся большинства мотивов и сюжета в целом.

¹⁶ Курец Т. С. Носители... С. 61.

Абросимова Д.Д.

**КАЛЕНДАРНАЯ ПОЭЗИЯ И ОБРЯД:
ЕГОРЬЕВ ДЕНЬ И ПЕРВЫЙ ВЫГОН СКОТА
В ЭКСПЕДИЦИОННЫХ ЗАПИСЯХ
ПУДОЖЬЯ И КЕНОЗЕРЬЯ**

В северно-русском календаре немало праздников, посвященных святым – покровителям скота и дней, в которые проводились обрядовые действия, направленные на его сохранение. Это дни вмч. Георгия Победоносца (6 мая¹), преп. Макария (7 августа), Пророка Илии (2 августа), мчч. Флора и Лавра (31 августа), Воздвижение (27 сентября), Покров (14 октября), Крещение (19 января), Вербное воскресенье (на шестой неделе Великого поста), Благовещение (7 апреля), Великий четверг (на Страстной неделе), Пасха, день свт. Николая Чудотворца (22 мая). Ко дню Георгия Победоносца, который считался «скотным праздником» повсеместно, были приурочены обряды весеннего выгона скота на пастбище. В статье мы рассматриваем эти обряды и бытовавшие в их контексте фольклорные жанры по экспедиционным записям Пудожья и Кенозерья.

Пудожье, располагающееся к востоку от Онежского озера, и Кенозерье – юго-западная часть современного Плесецкого района Архангельской области, связаны между собой географически и исторически: в древние времена здесь пролегал один из путей новгородских переселенцев; позже эта территория входила в состав Олонецкой губернии. Названием Кенозеро в конце XIX в. обозначалась Кенозерская волость Каргопольского уезда и Вершининская волость Пудожского уезда, на западном берегу озера Кенозера. В XIX-начале XX в. между ними существовали торговые связи: на Кенозере проводились ежегодные ярмарки, куда приезжали жители Пудожского уезда². Известно, что в Пудожье нередко нанимали пастухов с Кенозера³.

¹ Здесь и далее даты приводятся по новому стилю.

² Макаров Н.А. Кенозеро в конце XIX – начале XX веков // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kenozerje.by.ru/makarov.htm>.

³ НА КарНЦ, ф. 1, оп. 1, колл. 201, ед. хр. 57.

Обобщая сведения по обрядности первого выгона, мы опирались на статьи, посвященные традициям пастушества на Русском Севере⁴, издания по этнографии и фольклору Карелии и Пудожского района, на частично опубликованные материалы экспедиций в Пудожский и, для сравнения, в соседний Каргопольский⁵ район⁶, Были использованы данные из газеты «Олонецкие губернские ведомости» и краеведческих работ конца XIX в. Основным источником исследования стали экспедиционные записи из Научного архива Карельского научного центра РАН⁷ и Фольклорного архива музея-заповедника «Кижы»⁸, сделанные в Пудожском районе. Автором был собран материал в Плесецком районе Архангельской области (Плесецкий сектор Кенозерского национального парка) во время комплексной экспедиции, которая была организована Петрозаводским государственным университетом (рук. В.П. Орфинский) и Институтом языка и литературы КарНЦ РАН (рук. И.И. Муллонен) в июне 2008 г.

Нужно отметить, что экспедиционные записи не однородны. Пудожские материалы записывались на протяжении нескольких лет: в 1975, 1978, 1979, 1991 и 1993 годах. Они в значительной

⁴ Щепанская Т.Б. «Знание» пастуха в связи с его статусом // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986. С. 165–171; Гуляева Л.П. Пастушеская обрядность на р. Паше (традиция и современность) // Там же. С. 172–180; Мороз А.Б. «Лесной отпуск»: Тайное знание северно-русского пастуха и его репрезентация в крестьянской общине // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы IV научной конференции «Рябининские чтения-2003». Петрозаводск, 2003. С. 206–208; Линецкий А.М. Материалы по этнографии и обычному праву карел Сегозерского района // Археолого-этнографический сб. / Сост. Линецкий А.М. Петрозаводск, 1936–1937 // НА КарНЦ, ф. 1, оп. 32, ед. хр. 237. С. 169–196; Криничная Н.А. Леший и пастух (по материалам северно-русских мифологических рассказов, поверий и обрядов) // Обряды и верования народов Карелии: человек и его жизненный цикл. Петрозаводск, 1994. С. 154–181; Криничная Н.А. О сакральной функции пастушьей трубы // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986. С. 181–189.

⁵ Денисевич К.В. Домовой и домашний скот в поверьях Каргополя // ЖС. 2004. № 3. С. 9–12; Шведов Г. Материалы Каргопольской экспедиции РГГУ 1995 года. Животноводческие обряды // ЖС. 1996. №4. С. 48–49.

⁶ Кенозеро находилось на границе Пудожского и Каргопольского уездов.

⁷ НА КарНЦ, ф. 1, оп. 1, колл. 82, 140, 141, 201.

⁸ ФА Кижы, ф. 1, оп. 3, ед. хр. 1929 и ФНП-175.

степени охватывают территорию Пудожского района, а именно, его западную часть (деревни Римское, Авдеево), юго-западную (окрестности Пудожа, д. Каршево) и северо-восточную (Водлозерье – деревни Куганаволок, Кевасалма, Коскосалма). Кенозерские материалы были записаны во время одной экспедиции, обследовавшей деревни в южной части озера Кенозера (Тырышкино, Зехново, Спицыно, Семеново), северной (Усть-Поча, Рыжково, Ершово, Кузьминка) и центральной (Вершинино, Шишкино).

За время кенозерской экспедиции по теме скотоводческой обрядности были опрошены 15 информантов 1920–1940-х годов рождения. Многие из них держали раньше или до сих пор держат коров, некоторые работали доярками в колхозах, поэтому особенности содержания и обихода скота и связанные с этим обряды были известны им из собственного опыта.

В пудожских экспедиционных записях рассказы о скотоводческих обрядах встречаются в большом количестве. Как в пудожских, так и в кенозерских материалах эти рассказы, помимо сведений об обрядах Егорьева дня или первого выгона, содержат также информацию об обрядах, приуроченных к другим праздникам (например, о постановке скота в хлев на зиму к Покрову). Многочисленны и сведения об обрядах, не имевших привязки к календарным датам: о пропаже и поисках скота, о покупке скота, о первом отеле и т. п. Пудожские материалы содержат много рассказов о пастушестве, пастушеских атрибутах и запретах. В материалах кенозерской экспедиции в связи с иными задачами собирания особенности пастушеского ремесла освещены в меньшей степени, но судя по характеру этих записей, возможно предположить, что сведения по пастушеству как отдельной теме в Кенозерье тоже можно собрать в достаточном объеме.

Среди фольклорных жанров выделяются прежде всего такие архаические и одновременно продуктивные, активно бытующие в настоящее время жанры⁹, как былички, «слова» (молитвы, заговоры), а также поговорки и поверья, приуроченные к Егорьеву дню.

⁹ Дранникова Н.В. Новые материалы к изучению мифологического пространства Кенозерья // Традиционная культура. 2007. № 4. С. 123.

По этим материалам прослеживается основа, характерная для обрядности первого выпуска скота на территории бывшей Олонецкой губернии. Сроки начала и окончания пастбищного сезона в Пудожье и Кенозерье были такими же, как и в других местах: сезон начинался в зависимости от того, когда сходил снег, в Егорьев день, на Николу Вешнего или в июне. Вопреки распространенному поверью, согласно которому понедельник считался днем, неблагоприятным для начала какого-либо дела, в том числе и для выпуска скота¹⁰, в Кенозерье скот выпускали в Егорьев день даже в том случае, если он приходился на понедельник – этот праздник как бы аннулировал тяжесть «несчастливого» дня. В д. Вершинино Плесецкого района была записана поговорка: «Егорий – самый счастливый денек для выгона скота». Длился пастбищный сезон до Покрова, когда коров закрывали в хлева на зиму; после Покрова их уже не выпускали.

На исследуемой территории обряд первого выгона в своей основе такой же, как на всем Русском Севере. Исследователи выделяют обряд домашний, совершаемый хозяйкой со своими коровами на дворе, и обряд общественный, совершаемый пастухом с деревенским стадом в специально огороженном месте за деревней¹¹. К обходу деревенского стада пастухом в более позднее время присоединился молебен с кроплением скота водой; в отдельных местах это привнесение вытеснило более древнюю часть обряда¹².

Основная информация о пастушеских обходах содержится в публикациях конца XIX в., которые дают описания этого обряда, отличающиеся четкостью и обилием подробностей. Этого нельзя

¹⁰ Мороз А.Б. Северно-русские пастушеские отпуска и магия первого выгона скота у славян // Восточнославянский этнолингвистический сборник. М., 2001. С. 233.

¹¹ Пастушеский ритуал носил название «отпуска», или «обхода», в отдельных местах бытовали такие его наименования, как «спуск» (в Лодейнопольском уезде) или «слука» (в Каргопольском). На территории Карелии и Архангельской области «отпуском» называли также пастушеский заговор, который читался в ходе обряда, и рукопись с текстом заговора.

¹² НА КарНЦ, ф. 1, оп. 1, колл. 82, ед. хр. 30; Логинов К.К. Животноводство // Логинов К.К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб., 1993. С. 31.

сказать о полевых записях 1970–2000-х гг., где описания пастушеского отпуска носят более отрывочный и размытый характер. Информанты разделяются на две неравные категории: в большинстве своем это сторонние наблюдатели, знакомые с общественным обходом извне, в самых общих чертах, значительно меньшая часть знала пастушеский обряд изнутри. Такие информанты не желают посвящать собирателя в профессиональные секреты, доступные лишь избранным; их рассказы, как правило, ограничиваются указанием на совершение неких обрядовых действий: «обойдешь кругом, что надо сделаешь и благословишь»¹³.

В отличие от рассказов о пастушеском обходе, рассказы о домашней части обряда описывают совершаемые действия достаточно последовательно, свидетельствуя о хорошем практическом знакомстве с ними рассказчиков. Такая односторонность сведений, наблюдаемая по экспедиционным материалам, иллюстрирует высказываемую исследователями мысль о том, что пастушеская и домашняя скотоводческая обрядность имели на территории Архангельской и Олонецкой губерний каждая самостоятельную линию развития¹⁴.

Несмотря на параллельное существование этих традиций, переклички между пастушеским и домашним обходом скота настолько явны, что заставляют исследователей говорить о дублировании этими обрядами друг друга¹⁵. Это подтверждают и наши материалы: одни и те же ритуальные предметы и действия фигурируют в описаниях как домашнего, так и общественного обрядов. В их основе – троекратный (реже – совершаемый один раз) обход коров в направлении по солнцу или против солнца, который сопровождается использованием магических атрибу-

¹³ НА КарНЦ, ф. 1, оп. 1, колл. 201, ед. хр. 245.

¹⁴ Бобров А.Г., Финченко А.Е. Рукописный отпуск в пастушеской обрядности Русского Севера (конец XVIII – начало XX века) // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986. С. 164.

¹⁵ Мороз А.Б. Пастушеская обрядность в восприятии пастуха и крестьянской общины // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2003. Вып. 2. С. 50; Мороз А.Б. Севернорусские пастушеские отпуска... С. 247; Фишман О.М. Связь пастушеской и свадебной обрядности у карел // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986. С. 192.

тов: железа, огня, воска, иконы, ремня (кушака) и произнесением текста¹⁶. По окончании обхода коровам скармливают хлеб из ржаной муки с запеченной в него коровьей шерстью¹⁷ и прогоняют их через границу, отделяющую «свое» пространство от «чужого», через порог хлева или ворота изгороди на поскотине. Отдельные черты, отмечаемые только в пастушеском обходе – такие, как рассыпание вокруг стада земли с муравейников, привязывание камня, шуки к поясу обходящего, а также использование пастушьих атрибутов («трубы», или рожка)¹⁸ и др. – связаны с особыми функциями пастуха, со спецификой его ремесла. Они не влияют на существующее сходство акционально-предметных рядов общественного и домашнего обрядов выпуска и общий смысл, заключающийся в создании защиты скота от хищников на весь пастбищный сезон.

Очевидно, наиболее важное отличие между домашним и пастушеским обходом заключается в вербальном компоненте обряда – его квинтэссенции, которая содержит в себе весь обряд как бы в свернутом виде. В использованных нами источниках этот компонент представлен 21 заговором на выгон скота: 8 из них записаны в экспедиции в Кенозерье и 13 относятся к территории Пудожья. Все 13 пудожских заговоров опубликованы: 3 в работе Н.Н. Харузина¹⁹ и 10 – в современных научных изданиях²⁰.

¹⁶ Записано в Плесецком районе от Третьяковой В.Н. (1941 г. р., д. Ершово), Антоновой Н.С. (1935 г. р., д. Кузьминка), Лоскутовой А.И. (1945 г. р., д. Вершинино), Силуяновой Л.И. (1935 г. р., д. Семеново), Овчинниковой А.В. (1935 г. р., д. Вершинино), Семеновой А.А. (1928 г.р., д. Зехново). ФА Кижы. ФНП. Также: НА КарНЦ, ф. 1, оп. 1, колл. 140, ед. хр. 260 и колл. 201, ед. хр. 193, 223, 245; ФА Кижы, ф. 1, оп. 3, ед. хр. 1929. Также: Харузин Н.Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда, Олонечкой губернии // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elibrary.karelia.ru/page.shtml?picture=small&id=175&levelID=012&cType=&num=21>; Ипполитова А.Б. Из фольклорного наследия Нигижмы // Живая старина. 2007. № 1. С. 53.

¹⁷ Отмеченные названия этого хлеба – «четвережники», «перепечки» (Пудожье), «винянки» (Пудожье и Кенозерье), «житники» (Кенозерье).

¹⁸ НА КарНЦ, ф. 1, оп. 1, колл. 141, ед. хр. 19 и колл. 201, ед. хр. 223, 245; ФА Кижы, ф. 1, оп. 3, ед. хр. 1929. Также: Харузин Н.Н. Из материалов... // [Электронный ресурс]...; Логинов К.К. Скотоводство, скотоводческий быт и магия // Логинов К.К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М., 2006. С. 80, 82.

¹⁹ Харузин Н.Н. Из материалов... // [Электронный ресурс]...

Среди них наблюдается большая диспропорция между заговорами для домашнего обхода и заговорами пастушескими: из 21 заговора лишь 4 являются пастушескими (это 3 заговора, записанные Н.Н. Харузиным в упомянутой работе, и один, точнее, его фрагмент, записан в Кенозерье от вдовы пастуха²¹). Все остальные заговоры произносились во время домашнего обхода. Это объясняется как отмиранием института пастушества, так и тем, что слова пастушьих заговоров держали в большей тайне, нежели «слова» для домашнего обхода. Известно, что пастух предпринимал большие предосторожности для оберегания слов отпуская от посторонних; слова же для домашнего обхода можно было сообщить другому лицу при определенных условиях (например, человеку младшему либо, напротив, старшему по возрасту²²), и они не теряли в устах сообщившего своей действенной силы.

Среди рассмотренных заговоров три²³ имеют сложную композиционную форму с типичным зачином: «Встану благословясь, выйду перекрестясь»²⁴, – и развитым повествованием. Заговоры такого образца встречаются и в публикациях, касающихся территории других уездов бывшей Олонецкой губернии: Вытегорского (1 текст), Повенецкого (2 текста), Петрозаводского (2 текста), Лодейнопольского (2 текста) и Каргополя (2 текста)²⁵.

²⁰ Русские заговоры Карелии / Сост. Т.С. Курец. Петрозаводск, 2000; Логинов К.К. Скотоводство, скотоводческий быт... С. 68–106.

²¹ Овчинникова А.В. (1935 г. р., д. Вершинино Плесецкого р-на).

²² Записано от Глушецкой С.И. (1947 г. р., д. Вершинино Плесецкого р-на). ФА Киж. ФНП. Также: НА КарНЦ, ф. 1, оп. 1, колл. 201, ед. хр. 245.

²³ Харузин Н.Н. Из материалов... // [Электронный ресурс]...

²⁴ Подробнее об этом: Кляус В.Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М., 1997. С. 455.

²⁵ Харузин Н.Н. Из материалов...; Ребров В. Молитва скоту [Село Десятини Вытегорского уезда] // ОГВ. 1879. № 18. С. 217; Григорьев И.Ф. Паданы Повенецкого уезда // ОГВ. 1905. № 48. С. 2; Петров К. Повенецкие карелы, их домашний и общественный быт, поверья и предания // ОГВ. 1863. № 13. С. 45; Суеверие и предрассудки в простом народе (сообщено из редакции Петрозаводского уезда) // ОГВ. 1885. № 78. С. 690; Матросов Н. Народное поверье // ОГВ. 1910. № 9. С. 4; Елпидинский С. Обход или отпуск скота // ОГВ. 1872. № 52. С. 586–587; Дурасов Г.П. Обряды, связанные с обиходом скота в сельской общине Каргополя в XIX – начале XX в. // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 101–102.

Все произносившиеся во время домашнего обхода «слова» представляют собой краткие, легко запоминающиеся тексты. Большинство из них – это заговоры христианизированные, с просьбами, обращенными к Богу, например: «Господи, благослови скотинку на день Господний, спаси и сохрани от всякой напасти, от всякого лютого зверя»²⁶, – или Егорию Храброму и Михаилу Архангелу: «Егорий Храбрый, Михайло Архангел, спасите и сберегите мою скотинку на все летушко красноё»²⁷. Есть заговоры, которые апеллируют одновременно к Богу и «хозяину» (дворовому или лесному) или только к «хозяину и хозяйке», «лесу праведному», к природным стихиям и явлениям (к воде, «зорям») и сторонам света²⁸. Обращение к лесному хозяину присутствует в пастушеском заговоре, записанном в Кенозерье: «Хозяин-хозяюшка, лесовой батюшко, пойте и кормите, берегите и стерегите, от скотинки не носите и домой пригоните. Будьте мои слова крепки и лепки...»²⁹. Этот фрагмент можно, по-видимому, отнести к наиболее архаичному типу пастушьих заговоров – к «неблагословенным», или «страшным»³⁰. Рассмотренные домашние заговоры произносились хозяйкой в разные моменты обхода скотины: некоторые из них построены на параллелистической формуле-сравнении и являются словесным эквивалентом обрядовых действий. Например, трижды обойдя коров с кушаком в руке, хозяйка обвязывалась им со словами: «Как этот кушачок обвивается кругом рабы Божьей Анны, так

²⁶ Записано от Максимовой З.П. (1938 г. р., д. Тырышкино Плесецкого района). ФА Киж. ФНП.

²⁷ Записано от Овчинниковой А.В. (1935 г. р., д. Вершинино Плесецкого р-на). ФА Киж. ФНП.

²⁸ Записано в Плесецком районе от Максимовой З.П. (1938 г. р., д. Тырышкино), Силуяновой Л.И. (1935 г. р., д. Семеново), Лоскутовой А.И. (1945 г. р., д. Вершинино), Овчинниковой А.В. (1935 г. р., д. Вершинино), Глушевской С.И. (1947 г. р., д. Вершинино), Заляжной А.И. (1927 г. р., д. Рыжково). ФА Киж. ФНП. Также: Логинов К.К. Скотоводство, скотоводческий быт и магия... С. 68–106. С. 76–78; Русские заговоры Карелии. С. 141. № 420.

²⁹ Записано от Овчинниковой А.В. (1935 г. р., д. Вершинино Плесецкого района). ФА Киж. ФНП.

³⁰ Подробнее об этом: Мороз А.Б. Севернорусские пастушеские отпуска... С. 237–240; Дурасов Г.П. Обряды, связанные с обиходом скота... С. 103.

бы моя... коровушка... обвивалась кругом своего дому на утренней зари, и на вечерней»³¹.

В заключение отметим еще два обычая, сведения о которых встретились в полевых материалах по изучаемой территории и которые не могут быть отнесены ни к домашней обрядности выпуска скота (поскольку в их проведении участвовало все деревенское сообщество), ни к пастушеской (поскольку пастуху здесь не отводилось роли главного действующего лица, наделенного особым знанием и статусом). В Кенозерье, как и в других районах, например, в Каргопольском³², после завершения домашнего обхода скот выгоняли на пастбище освященными вербами всей деревней сообща. Выгон сопровождался исполнением песни, фрагмент которой был записан от информанта в д. Зехново:

*Выгоняйте-ко скотинку
На широкую долинку
Гоня девки, гоня бабы,
Гоня малые ребята,
Гоня стары старики
И с бородами мужики*³³.

Еще один обряд, сведения о котором зафиксированы в пудожских и кенозерских источниках, – это «засекание засеки» (или «засекание осика»). В кенозерских записях лишь упомянуто его название³⁴. В пудожских записях указываются участники обряда («с каждой семьи, у кого коровы есть»), время и условия его проведения, соблюдение которых должно было гарантировать сохранность скота на время выпаса: весной, при общем веселом настроении, отсутствии раздоров, в атмосфере шуток и смеха³⁵. Тем не менее,

³¹ Записано от Семеновой А.А. (1928 г. р., д. Зехново Плесецкого р-на). ФА Киж. ФНП.

³² Дурасов Г.П. Обряды, связанные с обиходом скота... С. 101.

³³ Записано от Семеновой А.А. (1928 г.р., д. Зехново Плесецкого р-на). ФА Киж. ФНП.

³⁴ Записано от Капустиной Л.С. (1939 г. р., д. Спицыно Плесецкого р-на). ФА Киж. ФНП.

³⁵ ФА Киж, ф. 1, оп. 3, ед. хр. 1929. Ср.: при обходе стада пастухом присутствующим смеяться было, напротив, запрещено. (Логоинов К.К. Скотоводство, скотоводческий быт и магия... С. 81).

рассказ не проясняет, из каких действий состоял сам обряд. Известно, что в Кемском районе в похожей ситуации, а именно перед летним выпасом овец, совершалось нечто подобное: чтобы защитить стадо от молнии во время грозы, на деревьях вырезались кресты³⁶. На основе видимого подобия этих двух обрядов и поводов к их исполнению можно предположить существование аналогии.

Сделаем некоторые выводы. В статье Г.П. Дурасова 1988 г., посвященной домашним скотоводческим обрядам соседнего с Кенозерьем Каргопольского района, отмечается, что «пережитки и представления, связанные с домашним скотом и пастушьим промыслом, стремительно уходят в прошлое», а число информантов, которые могут вспомнить об этих обрядах, быстро сокращается³⁷. С этим можно согласиться лишь отчасти: материалы рассмотренных полевых записей свидетельствуют о хорошей сохранности домашних скотоводческих обрядов. Подобный вывод о состоянии данной традиции был сделан и в публикации по результатам одной из экспедиций РГГУ в Пудожский район последних лет³⁸.

Очевидно, что удаленность и изолированность этих районов, условия жизни и бытовой уклад способствуют сохранению здесь обрядности, в других районах уже отошедшей в прошлое, и фольклорных жанров, применение которых не утратило до конца своей актуальности. Изучение скотоводческой обрядности на данной территории представляет для исследователя несомненный интерес.

Состав обрядовых действий, производившихся в связи с первым выгоном скота в Пудожье и Кенозерье, в общих чертах повторяет схему, характерную для бывшей Олонецкой губернии и, шире, Русского Севера. Зафиксированные отличия в обрядности представляют собой локальные варианты единой традиции. К характерным местным особенностям можно отнести обряд «за-

³⁶ Конкка А.П. Освоение жизненного пространства: Панозерские карсикко // Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2003. С. 225.

³⁷ Дурасов Г.П. Обряды, связанные с обиходом скота в сельской общине Каргополья в XIX – начале XX в. // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 100–107. С. 105.

³⁸ Топорков А.Л. Первая Пудожская экспедиция РГГУ // Живая старина. 2004. № 2. С. 45.

секания засеки»; чтобы окончательно прояснить значение этого обряда и его возможные связи, необходимы дальнейшие исследования.

Необходим также поиск и изучение новых образцов заговоров на выпуск скота. Их изучение как ключевого элемента обряда поможет прояснить смысл как отдельных обрядовых действий в составе домашнего и пастушеского обхода, так и соотношение этих обрядов между собой.

Список сокращений

ЖС – Живая старина

НА КарНЦ – Научный архив Карельского научного центра РАН

ОГВ – Олонецкие губернские ведомости

ФА Кижы – Фольклорный архив музея-заповедника «Кижы»

Н. Г. Урванцева

**ОБРАЗ ПЕТРА I В ТОПОНИМИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ
О ПОСЕЛКЕ СВЯТОЗЕРО ПРЯЖИНСКОГО РАЙОНА
РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ**

**(по материалам фольклорных экспедиций студентов
Карельского государственного педагогического университета)**

Святозеро – старинное карельское село, расположенное в 15 км к югу от Пряжи, на берегу северной части озера с одноименным названием. По предположению некоторых ученых первыми жителями этих мест были предки саамов, о чем свидетельствуют названия некоторых деревень Святозерского куста: Сигнаволок, по-карельски Sidniemi, первая часть слова относится к саамскому siida («зимняя изба, стоянка»).

Первое письменное упоминание о Святозере относится к XVI веку. Впервые название села встречается в Писцовой книге 1563 года.

Известно, что Петр I более 10 раз побывал на территории Карелии: это и возвращение из Архангельска, прокладывание знаменитой «Осударевой дороги», посещение Петровских заводов, закладка кораблей на Олонецкой верфи и т.д. Пребывание Петра в Карелии не могло пройти бесследно в памяти народа. Он стал героем многих рассказов, сказок, песен, анекдотов, легенд и преданий.

С посещением Петра I связаны предания о его визитах в Святозеро, согласно которым он останавливался здесь в 1719–1724 гг. для смены лошадей во время поездок в Марциальные Воды и на Петровские заводы. Эта легенда была записана также К. Беловым от сказочника В. Гордеева из д. Пелдожи в 1940 году.

От сказителя Михаила Брендоева (1883 г.р.), который знал до 25 сказок на разные сюжеты, записана И. Яковлевым в 1939 году сказка «Солдат и Петр Первый»¹. Имя Петра I вплетено в сказание под влиянием услышанных от стариков преданий о посещении

¹ Карельский фольклор: Новые записи / Под ред. В.Я. Проппа. Петрозаводск, 1949.

Петром Первым родного села сказителя – Святозера. Тот же сюжет применительно к имени Петра I в вариантах Богдановой из села Вешкелицы Пряжинского района и Шайкина из д. Виллала Олонцкого района.

Название озера и поселка происходит от имени островка со «Святой рощей» из вековых елей, под которыми издавна стояла часовня. По преданию, Петр I заинтересовался столь необычно высокими елями. На что крестьяне ему ответили, что остров святой и лес на нем тоже святой, и тот, кто повредит на нем хотя бы одно дерево, будет наказан. Петр решил убедиться в этом и стал рубить одну из елей, но лезвие топора только скользило по стволу. Петр изумился необычайной крепости деревьев «Святой рощи» и будто бы почувствовал недомогание. Однако был исцелен, дав обет построить часовню Петра и Павла, который и был исполнен.

В комментариях к сборнику «Северные предания» Н.А. Криничная связывает подобные тексты с традиционным, характерным для преданий петровской эпохи мотивом: ломка устаревших морально-этических представлений, в котором произошло напластование мотива поклонения роще, характерного для былички, и мотива поклонения святому месту, присущего легенде². «В предании отражено усиливающееся в Петровскую эпоху преодоление языческих верований, связанных с культом деревьев»³.

Во многих преданиях о Святозере сюжетобразующую функцию несет мотив основания села. А.И. Максимов рассказывал: *«Знаете елочный остров? Так вот раньше там часовенка стояла среди елочек. Сейчас уже нет ее там, а те, кто постарше, часто про нее вспоминают, говорят, что красивая была. Слышал я, что когда Петр I из Петрозаводска в Петербург ехал, остановился в нашем селе. Попил воды из озера государь и приказал назвать озеро Святым. А людей своих на елочный остров отправил, чтобы они ставили там часовню. Так почти три века эта часовня и стояла»*⁴.

² Северные предания (Беломорско-Обонежский регион) / Изд. подгот. Н.А. Криничная. Л., 1978. С. 153.

³ Предания Русского Севера / Сост. Н.А. Криничная. СПб., 1991. С. 275.

⁴ Зап. 9.07.1990 г. в пос. Святозеро Пряжинского р-на студентки КГПИ В. Толстихина, Е. Германова, О. Стеганцева, В. Гаврильчук от А.И. Максимова, 1919 г.р., карел, образование среднее специальное, пенсионер.

Очень часто царь в преданиях «выступал в роли активного носителя традиций, связанных с тем или иным ремеслом»⁵. Для народного мировосприятия характерно представление о Петре I как о плотнике. Так, например, Полина Ивановна Евсеева вспоминала: «Слышала я еще от своей бабушки. Ей 90 лет было. Петр I приезжал на остров, что напротив вас там есть. Там раньше часовенка была. Так ее Петр строил. Маленьким топориком стал рубить сосну для часовенки, замахнулся и сказал: «Это будет святое озеро». Отсюда и пошло название Святозеро»⁶.

В сознании Зинаиды Федоровны Смысловой (1931 г.р., карелка) прочно закрепилась память о Петре-труженике, строителе: «Про Петра I говорили старики, как он часовенку строил. Вон на том острове дело было. Но про то сказать боле ничего не могу»⁷.

Подобно «культурному герою» царь в топонимических преданиях становится создателем предметов материальной культуры – часовни Петра и Павла на елочном острове⁸.

Во многих преданиях присутствует мотив чудесного исцеления, характерный для волшебной сказки. Петр I лечит связозерской водой руку, глаз, ногу. Вот как об этом рассказывала М.С. Белова: «А было это, девоньки, во времена Петра I. Ехал он в наше село, а по дороге руку-то и поранил. И подсказали ему старые бывалые люди рану-то в озере обмыть. И стала рука заживать не по дням, а по часам. Поправился царь, тут и время уезжать приспело. И тогда приказал Петр I назвать Святым наше озеро за целебное свойство воды его, а село с тех пор Святозером именуют»⁹.

Валерий Шпаков утверждает, что «Было это, когда Петр I, проезжая мимо нашего села, остановился в нем, чтобы погово-

⁵ Криничная Н.А. Предания в контексте эпического творчества / Н.А. Криничная // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1987. С. 12.

⁶ Зап. 5.07.1978 в пос. Святозеро Пряжинского р-на студентка КГПИ С.Р. Романова от Полины Ивановны Евсеевой, карелки.

⁷ Зап. 7.07.1986 в пос. Святозеро Пряжинского р-на студентки КГПИ Г. Гаева, А. Карху, Г. Брукан от Зинаиды Федоровны Смысловой, 1931 г.р., карелка, образование 4 класса.

⁸ Криничная Н.А. Предания в контексте эпического творчества... С. 269.

⁹ Зап. 4.07.1990 г. в пос. Святозеро Пряжинского р-на студентки КГПИ В. Толстихина, Е. Германова, О. Стеганцева, В. Гаврильчук от М.С. Беловой, 1916 г.р., карелка, неграмотная, пенсионерка.

рять с крестьянами, которые в это время хлеб молотили. Тут попала ему соринка в глаз. Кто-то из людей подсказал ему промыть глаз водой из местного озера. Так и сделал Петр I. Все как рукой сняло! Приказал он тогда назвать озеро Святым, а поселок наш с тех пор именуется Святозеро»¹⁰.

Зинаида Федоровна Смыслова рассказывала, что Петр I сам выступал в роли врача: *«А что Святозеро так вот назвали, так то всякому известно. Это ведь мужику одному щепка в глаз попала, горемыке. И Петр, умница, велел промыть водой озерной. Он и промыл. Щепка-то и вышла, глаз-то поправился. Вот и назвал Петр это озеро святым. А деревню нашу Святозером».* В предании есть установка на достоверность: *«А раньше-то деревня звалась Вороновым. Это и в книгах должно быть записано».*

Почти все информанты отмечают целебные свойства воды. А.Е. Сорокина (1907 г.р.) убеждена, что Петр I проезжал мимо села, *«удивлялся он красоте здешней, а пуще всего воде в озере»¹¹.*

Светлая вода Святозера – главная реалья в тексте, записанном от В.Ф. Поляковой: *«Петр Первый, когда проезжал здесь в Олонец, остановился тут. Когда поднесли ему воду в ковши, то он ничего не увидел и подумал, что ковши пустой:*

– Что же вы без воды даете?

– Как без воды? С водой.

– Ну, раз така вода – озеро святое. Оттого и пошло»¹².

О чистоте воды говорит Надежда Ульянова: *«Проезжал в старину Петр I мимо нашего села и остановился у одного дома, чтоб напиться. Вышла к нему навстречу старушка, подала ему ковши с водой. Не заметил воды Петр I – такая чистая была: «Что же ты пустой ковши подаешь мне?» – рассердился царь. «Как же, батюшка, такая вода в нашем озере», – отвечала ему старушка. «Святая вода. Пусть и озеро Святым называется» — решил Петр I»¹³.*

¹⁰ Зап. в июле 1990 г. в пос. Святозеро Пряжинского р-на студентки КГПИ В. Толстихина, Е. Германова, О. Стеганцева, В. Гаврильчук от Валерия Шпакова, 1975 г.р., карел, образование неполное среднее, рабочий.

¹¹ Научный архив КарНЦ РАН (далее: НА КарНЦ), ф.1., оп. 1, кол. 165, ед. хр. 22.

¹² НА КарНЦ, ф.1., оп. 1, кол. 165, ед. хр. 37.

¹³ Зап. 5.07.1990 г. в пос. Святозеро Пряжинского р-на студентки КГПИ В. Толстихина, Е. Германова, О. Стеганцева, В. Гаврильчук от Надежды Ульяновой, 1977 г.р., карелка, учащаяся 6 класса.

М.Г. Моисеева, 1907 г.р., известная редким даром причитывания, пела:

*Святозерская светлая вода,
Завивала кудри девица-душа¹⁴.*

«Вода очень светлая у нас в Святозере, очень светлая была вода. А вот теперь не такая вода»¹⁵.

Ф.И. Ильин считает, что *«Петр Первый приезжал сюда ершей ловить, а ерши большие, таких нигде больше нет, значит, святое озеро. Ну и поселок называли Святозером»¹⁶.*

В цикле преданий о Петре распространен мотив «появления царя в крестьянских избах»¹⁷. Таково, например, предание, записанное от Марии Ивановны Зориной, 1908 г.р.: *«Петр I ехал на коне и остановился у молодки ночевать. А она в положении была. Она рожать стала, он вместо врача был. Родила она сына. Крестил он его. Хороший крест дал – серебряный или золотой. И назвали его Петром. Бабка Полежаева, покойница, говорила. И название Петр I дал: Святое озеро – Святозеро»¹⁸.* В этом тексте царь выступает в роли повитухи и крестителя младенца.

Записанные студентами КГПУ варианты преданий всегда заканчиваются тем, что Петр назвал деревню Святозером. Например, предание, записанное от бывшего директора святозерской школы, участника Великой Отечественной войны В.А. Манниева: *«Был Петр Первый здесь во время шведско-русской войны. Зашел он в один дом возле речки, а в доме много ребят было. Петр наклонился к маленькому ребенку в люльке, и ребенок схватил его за бороду. Мать испугалась, стала говорить, что ребенок маленький, еще несмысленный, не понимает ничего. Тогда Петр Первый взял в одну руку свечку, а в другую золотой рубль. Ребенок потянулся к рублю. «Если бы ребенок несмысленнейшим был, то потянулся бы к*

¹⁴ НА КарНЦ, ф.1., оп. 1, кол. 165, ед. хр. 37.

¹⁵ Там же.

¹⁶ НА КарНЦ, ф.1., оп. 1, кол. 165, ед. хр. 18.

¹⁷ Северные предания.... С. 224.

¹⁸ Зап. 5.07.1986 в пос. Святозеро Пряжинского р-на студентками КГПИ Г. Гаевой, А. Карху, Г. Брукан от Марии Ивановны Зориной, 1908 г.р., родилась в г. Старая Русса Новгородской обл., русская, пенсионерка.

свечке (к свету)», – сказал Петр. Петр подарил ему этот золотой рубль, а село назвали Святозеро»¹⁹. Этот текст – почти дословное повторение предания «Петр Первый и неразумное дитя», записанного в селе Нюхча Беломорского района²⁰.

В образе Петра I – основателя селения, давшего ему название, вырисовываются черты культурного героя, ремесленника, врача, повитухи и т.д. Для его изображения в топонимических преданиях о Святозере информантами использовался «основной арсенал средств, характерный для фольклорной традиции. Здесь сформировался основной набор стереотипов, которые со временем реализовывались во множестве эквивалентных и достаточно отдалившихся друг от друга мотивов и функций»²¹.

¹⁹ НА КарНЦ, ф.1., оп. 1, кол. 165, ед. хр. 29.

²⁰ Северные предания... С. 161–162.

²¹ Криничная Н.А. Предания Русского Севера... С. 26.

**«НОВАЯ» ЗНАХАРКА А.И. РОДЬКИНА ИЗ СЕЛА ОШТА
ВЫТЕГОРСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ**

Село Ошта является центром одноименной сельской администрации, расположенной в крайней северо-западной части нынешнего Вытегорского района Вологодской области. Эта территория входила в неофициальную этнографическую провинцию бывшей Олонецкой губернии, именуемую Обонежьем. В XV-XVI вв. Ошта была крупным погостом, даже какое-то время – местом расположения воеводской администрации Обонежской пятины Великого Новгорода, в 1950-х гг. – районным центром. В годы Великой Отечественной войны село было стерто с лица земли огнем финской и советской артиллерии, а при послевоенном ее возрождении население составили приезжие русские и вепсы из ближайшей округи. Люди в Оште, словно в городе, плоховато знают друг друга даже на соседних улицах. Сбор полевых этнографических материалов для данной статьи проводился в июле 2008 года в составе крупного отряда во главе с членом-корреспондентом РАН А.Л. Топорковым. Всего на территории администрации удалось обнаружить 6 знахарок, одна из которых проживала в д. Нижняя Водлица, три в Оште, еще две народные целительницы (цыганского происхождения) имели практику в Оште и на территории сельской администрации наездами, приезжая из соседнего поселка Вознесенье Лодейнопольского района Ленинградской области. Обе они бывшие жительницы Ошты.

До начала кардинального переустройства образа жизни сельских жителей, связанного с социалистическими преобразованиями в СССР, целительская традиция в Оште осуществлялась в том же русле, что и в целом в Обонежье¹. Целительские услуги оказывали сельские костоправы, травницы, повивальные бабки, знахари-«шептуны». В области

¹ Логинов К.К. Современные и традиционные «маги» и народные целители в Обонежье. – Научный архив Карельского научного центра РАН (далее: НАКНЦ), Фонд 1, опись 6, дело 712. 179 л.

духовного целительства крестьяне тогда могли рассчитывать на безотказную помощь духовенства. Согрешения против заповедей Божьих признавались главной причиной заболеваний духовных и физических, а избавление от грехов возлагалось, естественно, на служителей Православной Церкви. Четыре из семи основных таинств (крещение, исповедь, причастие и елеосвящение) с точки зрения Церкви и прихожан имели самое непосредственное отношение к исцелению души и тела. Народ также верил, что можно исцелиться посредством искренней и усердной молитвы святым иконам, купания в святых источниках в Ош-те, соседней Мегре, на Пятницком Бору, паломнического посещения святынь в обонезских или более удаленных монастырях (на Соловках, Валааме и т.д.). Имело ли при этом место самое элементарное самовнушение или нечто другое, неважно – исцеление зачастую достигалось вполне реальное. Для избавления от «присушки», разного рода «порчи» люди обращались к местным колдунам и ведунам.

*Анастасия Ивановна
Родькина.
Фото К.К. Логинова*

С конца 1930-х гг. система традиционного целительства начала стремительно разрушаться. Сначала закрыли все церкви, а представителей духовенства выслали за пределы Вытегорского района. В 1950-х гг. в районе не осталось ни одной действующей церкви или часовни, а священников перестали пускать на территорию района даже для совершения таинств церковного крещения или отпевания. В угасании целительских традиций определяющую роль сыграли также успехи школьного образования и официального здравоохранения. Свою лепту внесло совершенствование автотранспорта и местной дорожной сети: с поездками в районную больницу, отстоящую от Ошты на каких-то 60 км, проблем не стало. Целительские знания многих традиционных магических специалистов оказались социально не востребованными. Носители этих знаний в силу возраста уходили из жизни, не сумев найти себе восприемников. Ретрансляции традиции не способствовала также и скученность выходцев из вепских и русских деревень преимущественно в одном многолюдном поселении городского типа. Даже земляки, обосновавшись на разных улицах, встречали друг друга достаточно редко. Так что и отсутствие постоянного доверительного общения не способствовало передаче и восприятию целительских знаний. Былая ситуация изменилась настолько, что «знахарками» стали называть даже женщин, магические познания которых ныне ограничиваются умением заговаривать сугубо младенческие болезни: грыжу, золотуху, родимец. А ведь в былые времена подобными знаниями располагала буквально каждая опытная женщина в большой крестьянской семье.

Современное знахарство на территории Оштинской сельской администрации охарактеризовано автором в специальной статье, выход которой ожидается в 2009 году в выпуске 4 журнала PAX CONORIS, издаваемом в Астрахани. Здесь хотелось бы особо исследовать целительскую практику Анастасии Ивановны Родькиной, единственной из знахарок Ошты, которую нельзя отнести к разряду традиционных сельских знахарок по ряду причин. Главная из этих причин в том, что она, в отличие от всех других оштинских знахарок, не стала наследницей семейно-родовых заговоров. Она могла бы стать обычной восприемницей традиционных знахарских знаний. Анастасия Ивановна происходила из крестьянской семьи

Ереминых из близкой к Оште д. Курвоши. В семье не пили вина, не курили, много и честно трудились, не проявляли склонностей к стяжательству. Только таких людей, обладавших всеми названными качествами, местные знахарки как раз и избирали себе в воспитанницы, посвящали в магические знания предков.

Мать А.И. Родькиной славилась в округе как хорошая причитальщица, ходила по свадьбам и похоронам, традиционной знахаркой не была. Тем не менее, сказать, что семья совершенно была чужда сакральным знаниям, применявшимся в народном знахарстве, тоже нельзя. Когда брата Анастасии Ивановны в 1945 году отправляли на разминирование окрестных территорий, по настоянию матери она переписала своей рукой текст «Воскресной молитвы» и «Письма Бога» в маленькую, 10 на 15 см, книжечку². Эту книжку мать вложила в нагрудный карман гимнастерки сына. Возвращение его с разминирования живым и невредимым, видимо, и убедило будущую знахарку в могуществе «слова Божия». На данном месте позволим себе некоторое отступление от основной темы исследования.

Ортодоксальная православная молитва «Да воскреснет Бог...» (она же «Воскресная молитва») в народном восприятии жителей Обонежья представлялась магическим текстом, оберегающим человека от любой беды. Аналогичные свойства в народе приписывались и духовному стиху «Сон Пресвятой Богородицы». Переписанными от руки эти два текста вместе или поодиночке многие брали в опасный путь, иногда даже носили с собой в одежде или прикрепленными к нательному кресту постоянно. Сакраментальной разницы между этими двумя молитвами жители Обонежья не находили. При этом они прекрасно понимали, что в православном молитвеннике «Да воскреснет Бог...» имеется, а «Сна Пресвятой Богородицы» там обнаружить не удастся. Как представляется, в старину выбор в пользу «Воскресной молитвы» делали те, кто находился под более серьезным влиянием церкви, чем основная масса северно-русского крестьянства. «Письмо Бога» – это более редкий образец апокрифического творчества. Такие тексты в южном Обонежье во времена первой Мировой войны распространяли странники (возможно, старообрядцы), продавая воинам, уходящим

² НАКНЦ, ф.1, оп. 6, д.719, л. 44.

на войну в действующую армию. Один из вариантов текста был зафиксирован автором от выходцев из соседнего с Оштой села Мегра в экспедиции 1999 года и опубликован³.

Мать Анастасии Ивановны Родькиной, сторонясь народных заговоров (именно такое поведение одобрялось церковью), хранила у себя в доме за иконой не только «Воскресную молитву», но и ортодоксальный «псалом 90-й» («Живый в помощи Вышняго в крове Бога...»). Этот псалом в народе (с одобрения Церкви) было принято читать над умирающими людьми, чтобы облегчить их предсмертные страдания. Поэтому не случайно, наверное, именно тексты молитвы и 90-го псалма, написанные рукой матери, Родькина сохранила у себя в доме. Не случайным в этом свете представляется и то обстоятельство, что основные сакральные функции Родькиной как знахарки заключаются в обеспечении облегчения перехода в мир иной оштинцам, душа которых никак не может отделиться от бренного тела. В том числе и тем, кто занимался знахарством, но не смог передать магические знания восприимчикам или начитать заговоры на веник, который собственноручно топится в болоте⁴. Казалось бы, родительницу Родькиной вполне можно отнести к разряду православно-народных целителей, чья деятельность во многом близка к целительству в рамках Православной Церкви. Этому, однако, мешает то, что молитв и псалмов она знала совсем немного. Целители же такого толка хорошо разбирались в применении большого числа молитв, используемых для целительства души и тела⁵. Анастасии Ивановне тоже удалось стать таковою, но не в качестве восприимницы опыта своей матери, а пройдя своеобразный путь обучения от разных лиц в больницах городов Вытегры, Вологды и Ленинграда в перестроечный и постперестроечный периоды⁶.

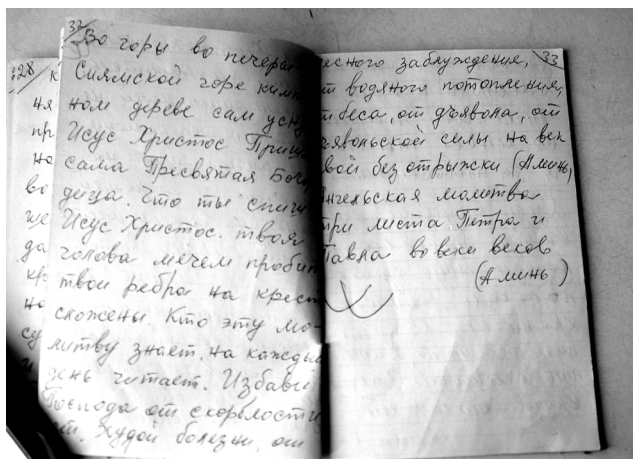
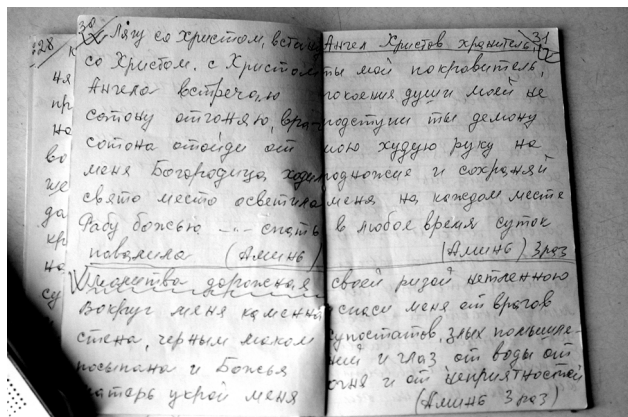
³ Логинов К.К. «Рекрутская» обрядность в Водлозерье // Рябининские чтения - 2007: Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 76 (прим).

⁴ НАКНЦ, ф.1, оп.6, д.719, л. 46.

⁵ Достигалось это в Обонежье за счет владения рукописным сборником «Повись о святых, какой святой цим может помогать мирянам» (Олонекские губернские ведомости. 1903. № 135), либо прочных дружеских или родственных связей с сельским духовенством.

⁶ НАКНЦ, ф.1, оп.6, д.719, л. 46.

При работе с А.И. Родькиной удалось выяснить, что ортодоксальные и апокрифические тексты, используемые знахаркой, хранятся у нее под подушкой – частью на отдельных листах, частью – в специально заведенной тетради. Все это автору было позволено зафиксировать на цифровой фотоаппарат. Запись бесед велась также на цифровой диктофон и в полевой дневник, что называется, «под карандаш». Совокупность зафиксированных сведений позволяет нам вполне адекватно оценивать «магический арсенал» знахарки.

Страницы из «знахарской» тетради А.И. Родькиной.
Фото К.К. Логинова

В «знахарской» тетради А.И. Родькиной первые 29 страниц занимают канонические молитвы, а апокрифические молитвы и приговоры умещаются на пяти последних страницах. Канонические молитвы в тетради лишь изредка обнаруживают небольшие неточности, связанные с недопониманием звучания имен некоторых святых или топонимов Нового Завета. Так что приводить их тексты в статье не имеет смысла. Приведем лишь последовательность записи ортодоксальных молитв: «Богородица Дево, радуйся», «Отче наш», молитвы утренние (молитва мытаря, «Иисусова молитва», молитва Святому Духу, «Трисвятое», славословие Пресвятой Троице), молитвы на сон грядущий (Иисусова и прочие), молитва после принятия пищи, молитва ко Пресвятой Богородице, «Символ веры», снова молитва после принятия пищи, тропарь «Нищету Христову возлюбивши», кондак «Светло ликует град Петров», молитва святой блаженной Ксении, 90-й псалом, 50-й псалом, молитва «Огради мя, Господи, силою Честного Животворящего Креста». Молитвы утренние явно списывались с православного молитвенника (даже указана один раз страница размещения молитвы в нем), а молитвы с «питерской» тематикой восходят к записям «от ленинградской бабушки». К сожалению, автору не удалось выяснить, по какому принципу А.И. Родькина наделяет оштинских старушек своими молитвами. Сглаз и «оговор», как и другие знахарки, она снимает «святой водой», а за неимением таковой – водой, на которую трижды начитывает «Отче наш». Потом она предлагает больным умыться этой водой трижды крест-накрест, не вытираться, спать ложиться, благословясь, а процедуру эту повторять три вечера кряду на закате солнца.

Тексты апокрифических молитв в нашей статье стоит привести полностью, соблюдая орфографию и пунктуацию Родькиной, поскольку они носят оригинальный характер, и часть из них в Обонежье нам прежде встречать не доводилось.

Апокрифические молитвы с листов 30–31:

«Лягу со Христом, встану со Христом, с Христом Ангела встречаю, Сотону отгоняю. Враг Сотона, отойди от меня. Богородица ходила, свято место осватила, рабу Божью (имярек) спать положила. Аминь».

«Вокруг меня камена стена, черным маком посыпана, и Божья Матерь, укрой меня своею ризой нетленную, спаси меня от врагов, супостатов, злых помышлений, от глаз, от воды, от огня и от неприятностей. Аминь (три раза)».

«Ангел Христов хранитель, ты мой покровитель, покаяние души моей не подступи ты демону мою худую руку на подножие и сохраняй меня на каждом месте в любое время суток. Аминь».

Апокрифические молитвы с листа 32-33:

«Во горы, во Печоры, во Сиямской горе кимпарном дереве уснул сам Иисус Христос. Пришла сама Пресвятая Богородица. Что ты спишь Иисус Христос. Твоя голова мечом пробита, твои ребра на крест сложены. Кто эту молитву знает, на каждый день читает. Избави Господа от скорблости, от худой болезни, от лесного заблуждения, от водяного потопления, от беса, от дьявола, от дьявольской силы на век свой без отрыжки Аминь. Ангельская молитва три листа Петра и Павла во веки веков (Аминь)».

Апокрифические молитвы и приговоры с листа 34:

Сначала перед дорогой смотреть в зеркало (и говорить – Л.К.): *«Ангел мой пойдем со мной ты впереди я за тобой! (Аминь)».*

«Я иду в путь дорогу впереди божья мать позади Иисус Христос по бокам три ангела хранителя первый ангел путь освещает, второй ангел путь очищает, третий ангел врагов отгоняет (Аминь)».

Приведенные тексты по просьбе автора знахарка прокомментировала. Молитву «Лягу со Христом, встану со Христом» она читает с утра «на день грядущий»; «Вокруг меня камена стена» – при отправлении в дальнюю дорогу; «Ангел Христов хранитель» – в качестве обереговой молитвы на каждый день; «Во горы, во Печоры» – на сохранение от всякой беды в любом месте, в любое время суток; приговор «Ангел мой» – перед отправлением в ближнюю дорогу (например, в магазин); «Я иду в путь дорогу» – при отправлении в не слишком дальний путь (например, в соседнюю дерев-

ню). Тексты «Вокруг меня камена стена» и «Во горы, во Печоры был записан А.И. Родькиной в больнице в Вологде. Причем, текст «Во горы, во Печоры» там, видимо, использовался вместо общепотребительного в Обонежье духовного стиха с заговорной формулой «Сон Пресвятой Богородицы» (см. выше). Надо заметить, что, воспроизводя вышеприведенные тексты по памяти, А.И. Родькина постоянно отступала от письменных текстов. Это говорит о том, что известный принцип «не изменять в заговоре ни единого слова, а то он не будет действовать», для нее не является строго обязательным.

Кроме псалмов 50 и 90-го А.И. Родькина хранит у себя под подушкой также тексты «Святого письма счастья» и «Письма счастья». Приведем лишь первый, сохраняя орфографию и пунктуацию оригинала:

«Святое письмо счастья находится в Голландии. Оно обошло 440 рубежей вокруг свет и попало к вам. С получением письма к вам придет счастье и удача, но при одном условии. Письмо послать тому, кто нуждается в нем или тому, кому все желают счастья. Отправить надо 20 писем за 100 часов. После письма к Вам придет неожиданность, даже если Вы не верите в чудеса и параллельные миры. Какая это будет неожиданность, зависит от Вас. Жизнь письма началась в 1554 году. В Россию письмо попало в начале века, 1907 г. Получила письмо бедная крестьянка Трунова, через 4 дня откопала клад с золотом у себя на огороде. В последствие вышла замуж за князя Голицина, а дочь миллионера живет в Америке. В 1931 г письмо попало Тухачевскому. Он порвал его. А через 4 дня его арестовали, потом судили и расстреляли его же подчиненные. В 1941 г. Конан Дойл получил письмо и велел размножить, а через 4 дня выиграл мешок долларов в рулетку. Его сослуживец получил письмо и порвал его. Через 4 дня попал в катастрофу и ему ампутировали обе руки. Хрущеву письмо подкинули на дачу, он выбросил его, а через 4 дня его свергли его же друзья по партии. Пугачева отправила 20 писем и через 4 дня получила приглашение от фирмы «Студия Бонн» и за 4 месяца получила на свой счет 2 миллиона долларов. Примеров много. Ни в коем случае не рвите письмо. Отнеситесь к нему серьезно. Это нить между прошлым и будущим. И так, 20 писем за 100 часов. Резуль-

тат через 4 дня после отправки последнего письма. Письмо пришло из Полкобада».

«Письмо счастья» отличается от данного текста лишь деталями: «Само письмо находится в Равскнутте (Голландия). Оно обошло 444 раза вокруг света и пришло к вам...» и т.д. (по приведенному тексту). «...Путь письма начался 1854 году (далее опять очень близко к данному тексту, но бедная крестьянка названа в нем Грушевой, а Тухачевский – «генералом». Причем, указана другая дата получения письма Тухачевским – 1938 год. Примеры «счастья – несчастья» приведены те же самые. Эти «письма» постоянно циркулируют по почте России. К сожалению, в сознании А.И. Родькиной они в какой-то степени ассоциируются с «Письмом Бога» (см. выше), в качестве молитв, обладающих охранительными свойствами, к тому же приносящими людям счастье.

Автором записаны некоторые приговоры от А.И. Родькиной, отсутствующие в её «знахарской тетради»⁷. Приведем их ниже.

Приговор на принятие домашнего скота или выпуск его из хлева на пастбище: «*Хозяин и хозяйюшка, с малыми детушкам, примите и кормите, и пойте, и домой верните мою коровушку (называют кличку коровы) каждый божий день»*; приговор «на ночь грядущую»: «*Господь Бог, Иисус Христос в дверях, Богородица, Божья Матушка в сголовях, по бокам Божьи ангелы. Аминь, аминь, аминь!*»; второй приговор «на ночь грядущую»: «*Владычица Господня, отгони врагов от окошек, от дверей, от постелюшек, от доченьки моей. Аминь!*»; приговор «на ночь и любое время суток»: «*Благослови, Господи, на темную ноченьку и на все время Господне*»; приговор в дорогу: «*Я в пути, господь Бог впереди. Аминь*» (три раза); второй приговор в дорогу: «*Ангел мой, пойдём со мной, ты впереди, я за тобой*». Ни один из этих приговоров не является в строгом смысле слова заговором, хотя все они произносятся в ситуации перехода из одного места в другое, из одного времени суток в другое.

Единственным полноценным заговором, который А.И. Родькина сознательно хранит в своей памяти без записи на лист бумаги, является текст следующего содержания: «*Уличный хозяин батюш-*

⁷ НАКНЦ, ф.1, оп.6, д.719, л. 44–45.

ка, уличная хозяйка матушка, ваши милые детушки, в чем я провинилась, в чем я провинилась, простите меня рабу Божью (имярек). Аминь, аминь, простите меня». Заговор используется в случаях, когда причина болезни видится в провинности перед духом-«хозяйном» улицы за крепко сказанное не ко времени слово. Если причину болезни видят в мести домовых духов, то используется заговор, в котором меняется только название духа: «Домовой хозяин батюшка...». Заговор этот Родькина восприняла от своей соседки, самой сильной знахарки современной Ошты, Л.М. Смолей в порядке обмена на молитвы «Вокруг меня камена стена» и «Во горы, во Печоры».

Превращает ли знание одного единственного древнего заговора А.И. Родькину из «православно-народного целителя», в традиционного целителя «народно-православного» толка? Наверное, нет. Ее «магический арсенал» и вся ее целительская практика являются собой редкий пример, того, как в перестроечный и постперестроечный период начало возвращаться в Россию целительство «православно-народного» толка. И все это происходит в отсутствие в селе священника и часовни, в которой бы местные старушки могли обсуждать вопросы православной веры.

Лис Т. В., Червякова Н. В.

ФОЛЬКЛОРНАЯ ПРАКТИКА СТУДЕНТОВ КГПУ В ВОДЛОЗЕРСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ПАРКЕ. ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Водлозерье, несмотря на свою удаленность и труднодоступность, привлекало внимание исследователей фольклора еще в XIX веке. В конце XIX века здесь побывали собиратель былин А.Ф. Гильфердинг, этнографы Вера и Николай Харузины, записавшие местные предания, лирические песни и заговорные тексты. От водлозера Андрея Сорокина Гильфердингом была сделана запись былины о Садко, которая так и осталась единственной записью этого текста. В XX в. началось систематическое исследование водлозерского фольклора. В 1928 г. здесь работала экспедиция братьев Соколовых «По следам Рыбникова и Гильфердинга». Участники экспедиции собрали большой объем фольклорных текстов различных жанров, и после выхода в свет сборника «Неизданные материалы экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых»¹ можно сказать, что большая часть записанных текстов опубликована. С конца 1930-х гг. в Водлозерье работали экспедиции Института ЯЛИ КарНЦ РАН². Благодаря этому в водлозерской коллекции Научного архива КарНЦ РАН представлена вся полнота жанров водлозерского фольклора.

Однако и до настоящего времени этот район остается интересным для фольклористов. Удаленность от центров, труднодоступность территории и замкнутость жизни водлозеров оказались теми факторами, которые способствовали сохранению традиционной культуры Водлозерья в XX веке.

¹ Неизданные материалы экспедиции Б.М. и Ю.М.Соколовых. 1926–1928. По следам Рыбникова и Гильфердинга / Изд. подгот. В.А. Бахтина. М., 2007.

² Кузнецова В.П. Исследования фольклористов на Водлозере // Природное и культурное наследие Водлозерского национального парка. Петрозаводск, 1995. С. 211–216.

Фольклорная экспедиция КГПУ на Водлозеро проходила в июле 2008 года. Целью экспедиции было определить состояние фольклорной традиции в дер. Куганаволок, выявить сохранность отдельных ее элементов и наметить перспективы дальнейшего изучения региона. В экспедиции участвовали преподаватели и студенты историко-филологического факультета КГПУ, а также сотрудники Водлозерского национального парка. Поскольку большинство участников экспедиции были студентами-первокурсниками, мы ставили перед собой не только исследовательские, но и образовательные задачи. Со студентами проводились занятия по истории и культуре Водлозерья, методике полевых работ. Для участников экспедиции были организованы обзорная экскурсия по Водлозеру с посещением деревень Варишпельда, Канзанаволок, Коскосалма, а также посещение этнографического музея в Куганаволоке и выставки, посвященной шитью лодок-водлозерок в д. Канзанаволок. В поездках состоялись встречи с жителями деревень, расположенных на островах Водлозера, студенты смогли познакомиться с реалиями быта традиционной деревни без электричества, телевидения и проч. В ходе экскурсии участники экспедиции познакомились с заветной традицией Водлозерья – побывали в старинных часовнях, где сохраняется большое количество приношений-заветов, меднолитые складни, распятия и иконы, увидели разнообразные по форме и назначению заветные деревья – промысловые, сельскохозяйственные, кладбищенские, дорожные, побывали у последнего сохранившегося на Водлозере дерева-часовни в районе Варишпельды, а также увидели заветные острова северного Водлозерья – Курьостров, Киньгостров, Валгостров. Этот опыт, а также знакомство с деревнями, уроженцами которых являлись наши информанты, ныне живущие в д. Куганаволок, приблизил студентов к реалиям жизни Водлозерья, а труднопроизносимые географические названия обрели для них «плоть и кровь» и уже не отпугивали своей непонятностью.

Собственно собирательская работа проводилась с ориентацией на программы-вопросники, составленные сотрудниками фольклорной лаборатории РГГУ под рук. А.Б. Мороза, однако, основным методом сбора материала была свободная беседа. Использовался

также вопросник, составленный для фольклорно-этнографической экспедиции Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Сбор полевого материала проводился в основном в д. Куганаволок, самой населенной водлозерской деревне, где проживает около 500 человек. Остальные деревни – Кевасалма, Бостилово, Коско-салма, Канзанаволок – это практически уже вымершие населенные пункты, где проживает по 1–2 семьи.

В ходе практики было опрошено 27 информантов, из них всего 5 мужчин; средний возраст информантов – 70 лет. Среди респондентов – уроженцы различных водлозерских деревень, таких как Канзанаволок, Пильмасозеро, Путилово, Гумарнаволок, Охтомостров, Пога, Куганаволок. Запись материалов производилась на кассетные и цифровой диктофоны. Всего записано более 20 часов аудиоматериала. В ходе практики велся полевой дневник, содержащий краткое описание собранного материала.

Наиболее богатым и разнообразным оказался материал по следующим темам: народная демонология, родильная и похоронная обрядность, прозвищный фольклор. Фиксировалась местная топонимика. В ходе практики было выявлено, что достаточно продуктивными на данный момент жанрами являются былички и бывальщины, поверья, частушки; распространен и фольклор малых жанров: приметы, запреты, предписания. Как известно, Русский Север славится фольклорной традицией народного православия, однако в дер. Куганаволок нами были зафиксированы лишь отдельные тексты, характеризующие народную эсхатологию и представление о Божьей каре за осквернение святых мест. То же самое можно сказать и в отношении промыслового фольклора, хотя рыбный промысел как в прошлом, так и сейчас составляет основу хозяйства водлозеров, материалов по этой теме записано крайне мало. Практически ничего не удалось записать по свадебной и календарной обрядности.

В ходе экспедиции зафиксирован полный вариант водлозерской кадрили, а также новые, ранее не фиксировавшиеся собирателями материалы по заветным островам и деревьям Водлозерья, в частности, по группе заветных деревьев в южной части озера в районе дер. Пога. Предшествующими исследователями также мало записывались тексты об эсхатологических представлениях водлозеров.

В этом отношении записанный материал о конце света также можно считать удачей экспедиции. Некоторые наиболее интересные тексты публикуются в приложении к настоящей статье.

Камеральная обработка собранных материалов проводится на базе фольклорной лаборатории кафедры литературы КГПУ. К настоящему времени расшифровано около 70% записанного материала. В дальнейшем планируется оцифровка материалов и введение их в компьютерную базу данных. Собранные материалы составят отдельную, водлозерскую коллекцию банка данных фольклорной лаборатории. Кроме того, планируется использование собранных материалов в геоинформационной системе Водлозерского парка.

В качестве перспективных направлений предстоящей в Водлозерье полевой работы можно выделить, во-первых, расширение круга информантов за счет включения респондентов среднего и младшего поколения. Это позволит проследить устойчивость и способы трансмиссии фольклорных текстов. Во-вторых, планируется сфокусировать внимание на изучении отдельных нарративных традиций (например, устных рассказов о войне, рассказов о вещих снах и т.д.), продолжить сбор материала по народной демонологии, попытаться разработать тему народного православия и промысловой магии и заняться фиксацией текстов детского фольклора. Кроме того, как показал опыт прошедшей практики, весьма перспективной для выявления различных жанров песенного фольклора является работа с небольшой группой информантов (2–3 человека). Планируется также сфокусировать внимание на специфике функционирования фольклорных жанров в традиции.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Водлозерская кадриль

Я бежала по поженке,
Да прибежала ко часовенке,
Да на часовенке два голубя сидит,
Да один голубь часы говорит,
Да другой голубь приговаривает:
Пильмосозёрушка – картёжники, (д. Пильмасозеро)

Да загорянушка – немьтики, (д. Загорье)
Да голянишки не умеют торговать, (д. Голья гора)
Да только знают нашу репу воровать.
Лузынатушка – ка... киланчики, (д. Луза)
Калакундэна – калаканчики, (д. Калакунда)
Да варешпёла – кошели, кошели, (д. Варешпельда)
Да Коскосалма – черныши, черныши, (д. Коскосалма)
Канзанаволочана – безбожники, (д. Канзанаволок)
Да пелгостровушка – верёвочники, (о. Пёлгостров)
Да Рагунова – катанёжники, (д. Рагуново)
А Путилова – голзуны, голзуны, (д. Путилово)
А Половина – шелгачи, шелгачи, (д. Половина)
А чуюльчана – лапотаюшки, (д. Чуюла)
Великострова – непытаюшки, (д. Великостров)
Охтомострова – бесенятушки, (д. Охтомостров)
А маткалахтяна – монахи, (д. Маткалахта)
Однозубые рубахи.
Я бежала по поженке,
Да прибежала ко часовенке,
Да на часовенке два голубя сидит,
Да один голубь часы говорит,
Да другой голубь приговаривает:
Узывались, узывались да,
В Куганаволок собралися да,
В Куганаволок собралися да,
Водлозёрами назвалися.

(Зап. Лис Т.В., Добродей И.И.
от Белкиной Натальи Алексеевны,
1966 г.р., уроженки д. Путилово).

О заветных деревьях

[Недалеко от Поги, как бы напротив Поги есть остров большой, там сенокосы раньше были] Пагостров, Пагостров. [А вот по самому берегу южному там такие большие деревья, как заветные деревья стоят, там затеси на них. Я хотела у дедушки спросить]. А дедушка не знает. [Не знает?]. Дедушка не знает. Это Палгостров. [Пагостров?] Это длинный остров. [Косили там?]. Но, косили. Мы еще косили, корову держали, ну, вот это Пагостров. И там вот тоже вот это Воропай был раньше, он с лешим znalся, вот. Он все ходил на

этот Пагостров, с лешим знался. И вот он как с ним сидели, курили на пеньках, как разговаривали, вот он все с лешим знался, вот этот Воропай. И вот там эти деревья на берегу, тоже он этого, эты как, заветны-то. [Я на них внимание-то сразу обратила. Еще все хотела, думаю, дохожу до дедушки спрошу, а тоже... <нрзб>]. Не-не, дедка не знат мой, дедка этого не знат, он не оттуда, дак он не знат. А эты деревья тоже заветные. Там вот этот, этот Воропай да все ходил вот на этот Пагостров, дак он все с лешим знался, дак вот он что-то там. Там было что-то <...> раньше все деревни были полны людей, дак оны знали. [Но Пагостров сам-то заветным не считался?]. Сам не считался Пагостров заветным <...>. Вот тут у нас сосна-то была <...> тоже заветна ведь. Пала ведь и никто ее не шевелил. И так не шевелит, кажется, до сей поры. А сейчас вот <...>. Вот она заветна, эта сосна <...>. Перед кладбищем там большая-больша сосна. И вот эта сосна она пала <...>. И вот этого в Кевасалме у часовни стояла больша тоже сосна, большая сосна. Но, а, нету это, Катя, <...> она эту сосну до половины дорубила. Не знаю, к чему она ее срубила. И потом эта здорова така была соснища-то у самой часовни <...>. Ну вот, и она эту часовню этого подрубила, а потом она стояла-стояла и пала. Также никто не шевелил, даже сучка никто не трогал. Она, кажется, по сей поры лежит, эта сосна, вот, тоже заветна. [Дак она подрубила, а с ней самой что?]. А померла потом, ну, померла. [А говорят, под нее во время войны, что часовенка-то была закрыта, под нее заветы приносили, под корни складывали?]. Дак кто что делал, дак тот носил туда <...>. Там часовенка, там вообще лес весь заветный <...> на этой горушке. И рябинки, вот это весь лес там заветный. (Зап. Добродей И.И., Лис Т.В., Червяковой Н.В. от Мининой Валентины Владимировны, 1936 г.р., уроженки г. Мурманска).

О заветном острове

Есть острова, вот остров какой-то есть: то ли Ильин остров, то ли не знаю, где вот нельзя рубить лес практически, что как бы на нём кто бы ни рубил на нём лес, ну всегда что-то случалось нехорошее: заболевает там или ещё что-то. Даже вот молодые парни были, кто-то вот, помню, помню, мне рассказывал, что как только,

остров, просто ходит – нормально себя чувствует; как только по дереву – давление сразу такое, что падает. Вот где-то там: Канзанаволок, туда вот, в те края, вот там где-то есть такой остров. (Зап. Голубева И. и Иванченко Н. от Коровяковской Тамары Анатольевны, 1959 г.р., уроженки д. Пильмосозеро).

Про богатый улов

[Как получить богатый улов?]. В прошлом году, если у Богушка хорошо попросить, и, кстати, я просил. Э, такой случай, мы, значит, с напарником смотрим сети. Две сети посмотрели. Ну, там, ну, ничего нету, не с чем домой ехать. И так: «Ну, Богушка, ну, пожалуйста, сунь там, пихни или рыбину». Значит, это, ну так, как бы в шутку – не в шутку. «А, приедем, в часовню я свечку поставлю». Всё: сразу три рыбины в следующую сетку. Опять, нету-нету. Я говорю: «Ну, Богушка, я две свечки по... ещё свечку поставлю». Супер. Опять рыба пошла. Ладно. Ну, <смеётся> тут уже, <смеётся> действительно. И это, напарник-то смеётся: «Ну, ты, тут это, начинаешь, как колдовать. Так я ему говорю: «Я не колдую, а попросил по-хорошему и вот видишь». Утром пурга, [Николай Михайлович, золотую рыбку не просили?]. <Смеётся>. Утром пурга такая, и вспомнил, что надо сходить-то, раз пообещал. И, вот, значит, в эту горку бреда, там по пояс-то снегу. А тут две сети осталось. Ну, и всё равно, рыбы надо, не так и много рыбы-то. А тут кому-то тоже надо было, вот, это. Ну, уже не помню. Ну, нужна была очень рыба. Значит, поставил две свечечки, как мог там, это, помолился, перекрестился. Ну, думаю: «Давай ещё треть положу свечку». Зажёг. «Ну, Богушка, уж давай, если ты есть, хотя бы по рыбине вот в эти сетки в наши в две, по хорошей». Пришёл и напарнику-то, это в домику рассказываю, что, вот, так и так: «За вчерашний день всё же, Дима, я поставил. И за сёдняшний поставил, будет ли что». Смотрим: сетка пустая. Ну, всё. И тут такая ряпусина, под самый конец, ряпусина и судак, здоровый, килограмма на четыре – на пять. Но только-только, вот, это, ну, запутался. Весь живой такой. Ну, буквально, наверное, полчаса-час назад попал, пока я ходил в часовню. Вторую сетку: то же самое, что всю просмотрел, ну, нету. Дак уже конец. Ну, я говорю: «Вот, Димка, на эту сетку нет». Вдруг такой толчок, бац – и

щука тоже, килограмм на пять. Ну, вот. Есть, какие... (Зап. Голубева И., Иванченко Н. от Осипова Николая Михайловича, 1958 г.р., уроженца д. Колгостров).

Конец света

Бог отступился, как наша мама всё, бывало, говорила: «Дитя, Бог отступился уже: видит, что на этой грешной земле ничего ему не сделать, и пусть всё идет к концу». Ну, вот и мама-то мне это и начнет, что: «Вот, значит, дитя, будет конец света, тысяча долгая и тысяча короткая». Я говорю: «Как, мама, понять-то?». – «Ну, вот ссылные вот так объяснили, что тысяча дол... длинная, вот в этой тысяче, идет тысяча, видишь, она уже полтысячи прошло годов-то, так что она уже теперь коротка осталась, а в эту тысячу может не быть еще, а вот потом уже в начале тысяча начнется, вот в той тысяче может быть, и в той может не быть, а вот в той может быть. И когда будет конец света, значит, загорится земля и вода». Я говорю: «Ой, мама, ты что!». – «Да, вот так они объясняли, что загорится земля. Это в Библии написано так: загорится земля и вода, и, значит, люди спасут. Ну, останется семиаршинное бревно, семь аршин – мера такая. И вот, что людей сохранится на этом бревне, что это бревно не будет гореть какое-то, что вот тут люди сохранятся, вот они потом начнут новый свет, эти люди, которые остались. Всё сгорит: и земля, и вода». Я говорю: «Что ты, мама!». – «Ну, вот так они объясняли так нам, что вот так в Библии написано». [Это за грехи именно, да, вот так?]. Да, а кто, верно, безгрешный, вот тут и останется на этом бревне, ну вот. А грехи – теперь ведь у кого грехов нет? Теперь родится и ребенок, наверное, грешный уже. [А почему?]. Ой, да что вы, теперь я не знаю. Теперь ругаются-то, вы слышали? Теперь матки, я матюгаюсь, девочки. (Зап. Гаель Е., Кудельникова А. от Пименовой Анастасии Ивановны, 1932 г.р., уроженки д. Охтомостров).

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

КАЧЕСТВО СОБРАННОГО МАТЕРИАЛА И ВОПРОСЫ СОСТАВЛЕНИЯ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЕЙ

Опыт создания диалектных словарей имеет давнюю традицию лексикографического представления народной лексики, начиная с середины XIX века. К настоящему времени усилиями диалектологов страны подготовлены многие словари, как дифференциальные, так и полные, охватывающие почти всю территорию России. Некоторые из них завершены и вышли из печати (НОС, СРГК, СПГ, СРГНП, СВГ, ССГ и др.), другие продолжают (СРНГ, АОС, ПОС, СОГ, ОСВГ). Лингвисты, культурологи, этнологи, историки, любители слова, занимающиеся изучением народного быта в разных аспектах, получили богатейшие сведения по диалектной картине мира.

Данные областных словарей дополняют друг друга, показывая жизнь слова в географическом пространстве и историческом движении, выявляя особенности лексики каждого региона, обусловленные историческими фактами как внешнего, так и внутреннего характера. При всех имеющихся достоинствах словарей в них обнаруживаются некоторые недочеты, объясняемые прежде всего качеством собранного материала.

В настоящей заметке обратим внимание на некоторые недочеты в работе собирателей и составителей областных словарей, касающиеся как содержательной, так и формальной стороны в работе диалектолога.

СОДЕРЖАНИЕ ТЕКСТА

Важнейшей задачей собирателя лексики является запись текста, отражающего содержательную сторону слова, его значение и употребление. В связи с этим важно не просто фиксировать слово в каком-то минимальном контексте, что чаще всего и бывает на начальном этапе работы, а стремиться выяснить до конца семантику

слова, возвращаясь неоднократно к нему. При этом, безусловно, уже становится возможным задавать прямой вопрос типа «Что такое *вóрда*?» и т.п.

Обратим внимание на материалы некоторых словарей, в которых, к сожалению, вместо толкования значения ставится знак вопроса. Например, для лексиколога важно понимать семантику слова *вóрда*, содержащего общеславянский корень. Словарные статьи АОС и ПОС содержат знак вопроса, что вполне объяснимо недостаточностью иллюстративного материала:

ВÓРДА, -ы, ж. ? У них *вóрды* были. Пин. Арх. (АОС 5: 86).

ВÓРДЫ, мн. (?) *Лапти'шки, навйом верё'вчик, накрутим, штоб бы'ли вóрды, потóm на капы'л*. Иваново Болото Печ. (ПОС 4: 151).

Если во втором случае, в псковской лексике, еще можно понять, что слово *вóрда* каким-то образом связано с изготовлением лаптей, с плетением, что отражает одно из ряда звеньев славянского лексико-семантического комплекса с корнем **ver-*, то в первом примере, фиксирующем архангельское слово, можно лишь понять, что слово есть в пинежском говоре, но не более того. Вывод один: когда мы записываем какую-либо фразу, в которой преобладает неполнозначная лексика, в скобках необходимо делать пометы, отражающие ситуацию (типа *о лыжах, о веревках у лаптей, об оглоблях телеги, саней, о коте* и т.п.). В таком случае составитель словаря сможет дать определение значения слова.

При определении разного рода связей лексемы исследователь, безусловно, обращается к данным других словарей. Что касается слова *вóрда*, то оно, как правило, не отмечено в лексикографических источниках, однако следует учесть материал орловских говоров, где известно родственное образование:

Вордушники, мн. (ед. *ворду'шник*). Пирожки с начинкой. *Вордушникъв натикла*. Верх-11. Орл. (СОГ 2: 83). Однако и орловские лексикографы не смогли более точно дать определение, так как контекст не вполне соответствует отмеченному толкованию. По всей видимости, собиратель, ориентиовавшийся на ситуацию, записал именно указанное значение, но «пожалел себя» в деле более точной фиксации речи. Отсутствие деталей описания не дают возможности понять отличительные признаки в семантике других на-

званий пирожков с начинкой. Надо полагать, что орловские жители пекут самые разные пироги с начинкой (по форме, внешнему виду, величине, по способу приготовления, по качеству начинки, по сорту муки и т.п.). Внимание к этой стороне дела могло бы прояснить в какой-то степени даже этимологию этой загадочной лексемы, не говоря уже о значении.

Отсутствие полноценных записей речи носителя говора – свидетельство серьезной недоработки собирателя, что ведет к соответствующим недостаткам словаря.

О ТОЧНОЙ ФИКСАЦИИ РЕЧИ

К сожалению, почти в каждом словаре можно найти совершенно причудливые слова, не свойственные русскому языку, отражающие особенности почерка собирателя, представляющие собой недопустимые искажения. Приведем несколько примеров попарных статей, относящихся к разным словарям:

1. ОРЕРИЗИ, мн. Старая женская одежда. Вот эти орэризи от матушки остались. Тихв. (СРГК 4: 234). Ср.: **ФЕРЯЗЬ**, м. и ж. 1. Юбка. ... 2. Платье. ... 3. Ситцевый сарафан. ... 4. Поношенная одежда, обувь. Ну, какое-нибудь так барахло, обувь ли там, всякие фэризи. Медв. Убирай свои фэризи, говорит, и уходи. Уст. (СРГК 6: 682).

Странное первое слово в этой паре появилось вследствие того, что собиратель пишет букву **Ф** в виде несколько отдаленных друг от друга букв **ОР**, особенно это заметно в строчных буквах.

2. Озшуться, шуюсь, шуешься [?], Церемониться. Не озшуйся, любезный. Тихв. Новг., Медников, 1848. (СРНГ 23: 101). Ср.: **Озмоваться**, муюсь, муешься, несов. Церемониться, ломаться. Не озмуйся, любезный. Тихв. Новг., 1858. Новг., Даль [с вопросом к слову] (СРНГ 23: 95).

При сложности понимания второго слова из данных двух, связанной, вероятно, с процессами преобразования внешнего облика слова по каким-то причинам, все же ясно, что именно оно бытовало в тихвинских говорах, а не первое, искусственно созданное. Дело опять в почерке: букву М пишут как Ш. Легко ли составителю словаря в этом разобраться?

3. Следующий материал явно свидетельствует опять-таки о написании буквы М вместо Ш.

МОМУ'ШКА, ж. Часть русской печи около стены. Положи горшок на момушку. Пуд. (СРГК 3: 255). Ср.: **ШОМУШ**, м. То же, что шолнуша. Шбмуш – проход за печкой. Пуд. (СРГК 6: 902); **ШОМША**, ж. То же, что шолнуша. Дык шбмша-то не тёпла, шбмша – место за печкой. Пуд. (СРГК 6: 902); **ШОЛНУША**, **ШОМБУША**, **ШОВНОША**, **ШОМНЕША**, **ШОМНУША**, **ШОРМУША**, ж. Пространство между печкой и стеной, используемое в хозяйственных целях. У нас скота много было, так шбмныша большая была, с полу до потолка полки, все заставлены, там крынки с молоком стояли, квашню поставят. Онеж. (СРГК 6: 901).

Совершенно очевидно, что первого слова не существует в пудожском говоре.

4. Вместо буквы М могут писать и букву Ж, что подтверждается следующими примерами, из которых первое слово относится к фантомам:

Балжаш, а, м. [удар.?). Шутник, озорник. Черепов. **Новг**, 1893. (СРНГ 2: 82). Ср.: **Бáлмошь**, и, м. и ж. 1. Дурь, блажь, глупость, сумасбродство. Ржев. **Твер.**, 1853. **Пск.**, Осташк. **Твер.**, Холмог. **Арх.** Бálмашь кака-то залезет в башку. **Барнаул**. 2. Самодур, сумасброд. Черепов. **Новг.**, 1904. **Барнаул**. (СРНГ 2: 83).

Обращает на себя внимание повторяющаяся запись череповецкого слова при почти совпадающих толкованиях.

5. **Порибон**, м. ~ *Порибон дать* 'пойти, направиться куда-либо' Прионеж. КАССР, 1966 (СРНГ 30: 60). В данном случае одно слово разорвано на две части: собиратель не вник в суть сказанного, воспринял чисто формально услышанное, сопоставив слово с фразеологическими единицами с компонентом *дать* (типа *дать стрелача*). Собиратель ограничился лишь одной фиксацией, считая, что ему стало все понятно, хотя при этом необходимо устанавливать словарные связи. Если бы диалектоносителю был задан вопрос о том, что такое (несуществующий!) *порибон*, то он наверняка был бы удивлен: отсутствие такого слова стало бы очевидным. Не хватило одного шага собирателю в его работе. В русских говорах известен глагол *рибондаты* 'бежать': «Соседка куда-то *рибондает*, торопится» Подп., «Рибондают ребятишки мимо». Выт., «Глянь, парень-то *рибондает*»

Медв., 'бежать медленно, с трудом': «*Рибондает* – старый человек медленно бежит» Подп., «*Рибондает* – старушка бежит, либо ребёнок, а дорога не передится». Там же (СРГК 5: 525). Глагол *рибандать* отмечен в СРГК с шестью значениями, а в СРНГ – с четырьмя, первое из которых – 'бежать тихо, трусцой; бежать' Вытегор., Лодейноп., Петрозав., Повен. Олон., 1885, Петерб.; 'бежать, вихляя ногами' Север. Барсов (СРНГ 35: 99).

Как видим, несуществующее сочетание *порибон дать* вписывается в семантическую парадигму глагола *рибандать*, и ошибочно внесено в словарь вместо лексемы *порибондавать* или *порибандать*, обозначающей начало процесса. Второй вариант предпочтительнее, так как для словообразовательной системы глагола в русских говорах Карелии и ближайших территорий характерны суффиксы *-андать*, *-айдать*, что объясняется субстратным влиянием¹.

6. Сеноглазый 'наглый, бесстыжий': «Сеноглазый – это такой человек, ему хоть глаз коли, ему все равно, бесстыжий, это и есть сеноглазый». Люб., «Бесстыжая, сеноглазая, зачем ты говоришь такое, тебе морду набить надо, ты такая сеноглазая». Там же (СРГК 6: 61). Отмечаем с полной уверенностью, что такого слова нет в речи жителей Любытинского района Новгородской области, так как автор этих строк с детства знаком именно с любытинским говором. На самом деле перед нами неправильная фиксация слова **ссяноглазый** в указанном значении. Параллельно в любытинских говорах употребляется выражение *сся'ные (твои) глаза́*, поговорка «*Хоть сси в глаза́ – всё божья роса́*» – о бесстыжем человеке (АЗ). Очевидно, что все эти слова и выражения связаны с глаголом *ссять* 'мочиться' (АЗ), ср. *сся'вина* 'моча' Оп. Новг., Тихв. Ленингр., *сся'ка* 'то же' Под. Новг. (НОС 10: 145).

Неправильная фиксация слова позволяет исследователю, особенно начинающему, идти по ложному пути в решении вопроса о мотивированности слова: можно думать, что слово *сеноглазый* первоначально имело значение 'такой, у которого глаза цвета сена', а затем фантазировать по вопросу семантического преобразования лексемы. Зайти

¹ Дубровина З.М., Герд А.С. Изобразительные и звукоподражательные глаголы прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Карелии // Советское финно-угроведение. 1979. № 4. XV. С. 243–247.

можно далеко, совершенно искажая действительную картину и выдумывая несуществующие в языке словообразовательные модели.

Вывод один – собиратель должен строго и точно делать запись, не допускающую разночтений.

О ТОЛКОВАНИИ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

Примером немотивированного, а в связи с этим и неточного толкования слова может служить наречие *волевуцу* 'вволю, сколько хочется' с иллюстрацией: «*Плачу волевуцу, сижу на печке*». Пест. Новг.(СРГК 1: 221). Надо полагать, что в соответствии с морфологическим принципом русской орфографии данное наречие должно иметь несколько другой вид, а именно – *воливуцу*. Иначе говоря, здесь речь идет и о неправильной записи заголовочного слова.

Пользователя словарем (в данном случае СРГК) должна насторожить логическая противоречивость содержания иллюстрации и толкования значения слова: вряд ли, за каким-либо редким исключением, бывает у человека сильное желание плакать (не по причине же, обозначенной во второй части иллюстрации), обычно оно не возникает по воле человека (артисты не в счет). Данный пример свидетельствует о невнимании собирателя и составителя к словарным связям данной лексемы с корнем *ли-ть*. Исследователь, пользующийся словарем и усомнившийся в точности представления семантики в словаре, может (и должен) сознательно установить эти связи, обратившись к таким словам, как *уливуций* 'проливной', Тихв. (СРГК 6: 604), *заливуцую* 'в большом количестве, непрерывно', Лен. (АОС 4: 53), *заливуций* дождь 'проливной дождь, ливень', Пск., Осташк. Твер., Кириш. Ленингр. (СРНГ 10: 208); в значении 'горько, заливаясь слезами (плакать)' в псковских говорах отмечены: *взаливунную*, Печ., *взаливную*, Дн., Остр., Палк., Печ., *взаливенную*, Дн. (ПОС 3: 146). Эти данные говорят о переходе предложно-именного сочетания в *в уливуцу(ю)* в наречие *воливуцу* при одновременной мене звуков (*о* вместо *у*), что и послужило основанием для выделения мнимого корня *вол'-а* и соответствующего неверного толкования. На наш взгляд, подача слова и толкование его должны быть иными: [**Вуливуцу**], **воливуцу**, нареч. 'горько, заливаясь слезами (плакать)', Пест. (СРГК 1: 221). В квадратных скобках, как правило, дается не отмеченный в го-

ворах этимологически исконный вариант. На своем алфавитном месте должен быть представлен фонетически преобразованный вариант: **Воливущу** см. **вуливущу**.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Каждый словарь использует определенную систему помет с целью определения его грамматического статуса. В областных словарях они, как правило, минимальны. Записанный в экспедициях материал не всегда позволяет дать принятую составителями словаря систему грамматических помет. Внимание собирателей к этой стороне дела иногда вообще отсутствует. Например, при наличии употреблений прошедшего времени глагола, их фиксации, собиратель часто и не стремится получить необходимые формы настоящего времени. При глаголе *помахать* остаются неясными формы настоящего времени: *помахет* или *помахает* и т.п.

ПОМАХАТЬ, сов., неперех. [помаха'т']
а э'то ты л'эшко в'уд'ела // он фс'ак'иж // он тóл'ко челов'эком бывáт // тóл'ко м'ен'á ув'уд'ел / как помахáл по болóту / шаг'у такúш'ш'и // Т. 1, с. 65.
(пойти, побегать быстро, размашистым шагом).
Карт. КГПУ, 1998 Куганаволок Пуд.

Выделяются материалы, в которых бывает трудно определить, например, род имени существительного. А специальные вопросы грамматического характера должны быть продуманы таким образом, чтобы информатор не создавал искусственных форм.

ЛЕ'ШКО, с. [л'е'шко]
знавáла Гр'ушу // помахáл по болóту как м'ен'á ув'уд'ел // она́ была́ ночны'м стбóжом // а он jej / ja тóл'ко фставáју / а э'то ты л'эшко в'уд'ела // он фс'ак'иж / он тóл'ко челов'эком бывáт // тóл'ко м'ен'á ув'уд'ел / как помахáл по болóту / шаг'у такúш'ш'и // фс'егдá с собáчкој ч'óрној // собáчка јевó от нок н'е отхóд'ит // Т 1, с. 65.
(леший)
Карт. КГПУ, 1998 Куганаволок Пуд.

Как видим, в данном случае существительное употреблено в тексте как несклоняемое, что вызывает исследовательский интерес. Помета «с.», указывающая на средний род, указана с опорой на окончание, других же оснований для этой пометы нет. При, казалось бы, неплохом материале карточка «лэшко» не совсем точно отражает и грамматическую характеристику слова.

Обратим внимание на некоторые «образцовые» записи. В них мы пытались показать необходимость полной фиксации текста, отражающего содержание разговора, смысл слова. При этом текст представляет собой соединение отдельных диалоговых фраз. В карточку, к сожалению, невозможно вместить все попутные замечания, которые проясняли бы речевую ситуацию. Однако важно записать как можно более полный текст, даже если он состоит из обрывочных фраз, что является характерным признаком диалектного синтаксиса.

<p>Водяни'к, а, м [вуд'ен'ик] и [вод'ен'ик] моја ма́ма <u>вуд'ен'ика́</u> в'и'д'ела / з дл'у́нным'и волоса́м'и // н'езадо́лго посл'е потону́л ма́л'чик // Т 1, с. 56. (А какой водяник?) – моје́му бра́ту показáлс'а <u>вод'ен'у́к</u> / вы́плыл / как челов'е́к / го́лыј / почеса́л во́лосы / во́лосы дл'у́нны / покупа́лс'а и уплы'л // Т 1, с. 74. (водяной) Карт. КГПУ</p>	Куганаволок Пуд.
---	------------------

Иногда говор характеризуется наличием произносительных вариантов, в этом случае следует отметить сосуществующие формы, как это и представлено в предшествующей карточке.

В заключение отметим, что работа диалектолога-собираателя требует основательной теоретической подготовки не только по языкознанию, но и по этнографии, психологии, педагогике. Важна целенаправленная установка на добывание точного, четкого словесного материала. От работы участника экспедиции, от зафиксированного им материала зависит качество областных словарей.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АЗ – авторские записи.
- АОС – Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовой. М., 1980–2001. Вып. 1–12.
- НОС – Новгородский областной словарь / Отв. ред. В.П. Строгова. Новгород, 1992–2000. Вып. 1–13.
- ОСВГ – Областной словарь вятских говоров. Киров. 1996–2006. Вып. 1–4.
- ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Л., СПб., 1967–2008. Вып. 1–19.
- СВГ – Словарь вологодских говоров / Под ред. Т.Г. Паникаровской. Вологда, 1983–2007. Вып. 1–12.
- СОГ – Словарь орловских говоров / Под ред. Т.В. Бахваловой. Ярославль, 1989–1991. Вып. 1–4; Орел, 1992–2008. Вып. 5–15.
- СПГ – Словарь Пермских говоров: В 2 т. Пермь, 2000–2002.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1994–2005. Вып. 1–6.
- СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры / Под ред. Л.А. Ивашко: В 2-х т. СПб., 2003–2005.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. М., Л., СПб., 1965–2007. Тт. 1–41.
- ССГ – Словарь смоленских говоров. Смоленск, 1974–2005. Вып. 1–11.

Ковалева С.В., Родионова А.П.

МЕТОДЫ ПОЛЕВОЙ ЛИНГВИСТИКИ ДЛЯ СБОРА ЛЕКСИЧЕСКОГО И ГРАММАТИЧЕСКОГО ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

Карельский язык в настоящее время активно развивается, чему способствует возрождение письменности и становление литературной формы, которая наблюдается в новых прозаических и поэтических художественных произведениях. Формирование литературного языка обусловлено также его востребованностью в образовании, культуре, медиа, науке. В то же время, согласно классификации языков, принятой в Красной книге ЮНЕСКО, карельский язык относится к группе так называемых «неблагополучных» (endangered). Они имеют такие характеристики как сокращение числа детей, говорящих на языке, а также наличие общего количества носителей языка менее 1 млн.¹. Роль исследователя сводится не только к тому, чтобы изучать и анализировать развитие языкового строя формирующегося литературного языка, но также к необходимости выработки определенных теоретических заключений и практических рекомендаций. В частности, перед исследователем стоят конкретные задачи по определению: 1) способов и особенностей формирования новейшей лексики; 2) лексических и грамматических новообразований в орфографии. При этом исследование направлено на интегрирование разных сторон изучения языковой структуры, поскольку его объектами являются различные языковые уровни – лексика, морфология, синтаксис.

Карельский язык длительное время функционировал в основном в устной диалектной форме, поэтому одной из главнейших проблем является анализ того, каким образом диалекты вливаются в литературный язык и каково соотношение диалектов и говоров

¹ Официальный сайт ЮНЕСКО: [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.helsinki.fi/~tasalmin/europe_index.html#potentially

внутри одной активно развиваемой литературной нормы. В решении таких актуальных на сегодняшний день задач помогают методы полевой лингвистики.

При изучении современного состояния карельского языка сбору языковедческого материала (каковым являются записи образцов живой речи, анализ письменных текстов и т.д.) сопутствует и социолингвистический. Социолингвистические методы можно разделить на методы сбора, обработки и оценки достоверности полученных данных и их содержательной интерпретации². При сборе информации используются наблюдения и разного рода опросы; а также общенаучный метод анализа письменных источников. Широко применяются также письменное анкетирование, устные интервью, тесты и некоторые другие методические приемы сбора данных, направленные на то, чтобы выявлять определенные закономерности во владении языком и в использовании его говорящими в тех или иных коммуникативных условиях.

В июне 2008 года мы побывали в экспедиции в поселке Пряжа и в Пряжинском районе. Для проведения исследования нами были составлены социолингвистические анкеты, включающие социологическую и лингвистическую части. Анкеты с такой структурой могут иметь цель установить реальный уровень языковых навыков, исследовать явления языковой компетенции и билингвизма, степень аккультурации языкового коллектива, степень функционального развития языка, характер языковой ситуации в регионе и пр.

Анкеты предназначались для проведения так называемого «точечного» обследования, которое даёт информацию о состоянии исследуемого объекта в момент его изучения. Социологическая часть анкет включала так называемый «паспортный блок»: демографические вопросы; вопросы о языковой биографии; вопросы о настоящей языковой деятельности; вопросы о языковом окружении; вопросы, касающиеся языковых умений и навыков на основе самооценки. Практически все вопросы в анкетах были альтернативными, т.е., информант имел возможность выбрать один из вариантов ответа.

² Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. М., 2001.

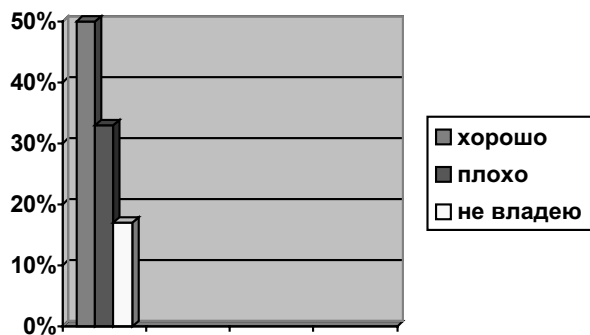
Основной же частью анкет явилась лингвистическая, анализ которой позволяет проследить тенденции развития внутренней структуры карельского языка в современных условиях. В лингвистической части анкет информанты переводили на карельский язык предложения, содержащие общественно-политическую, абстрактную, а также выражающую современные реалии лексику, которая активно используется в средствах массовой информации. Целью такого задания было определение наиболее удачных словообразовательных приемов, выявление этимологической ясности новых слов, выяснение уровня понимания новой лексики носителями языка. Также информантам было предложено прочесть газетный текст и выделить те слова (или словосочетания), которые не вполне понятны или совершенно неизвестны. Для сбора грамматического материала мы просили информантов перевести на карельский язык конструкции, выражающие пространство и время. Данный лингвистический материал может быть учтен и использован, во-первых, в процессе создания новейшей лексики, во-вторых, при составлении грамматик и учебных пособий для школ и вузов.

Практика применения анкетного метода показывает, что в ходе полевого исследования естественным образом происходит своеобразное отфильтровывание наименее удачных вопросов анкеты. Так, например, во время экспедиции в Пряжинский район помимо собственных анкет мы пользовались также анкетами общества *Luudiläinen seura*. Анкеты содержали вопрос: «Известно ли Вам, что людиковский язык является родственным языком древнейшего в мире языка шумеров?». Вопрос зачастую ставил информантов в неловкое положение, провоцируя явное непонимание. Мы решили отказаться от этого вопроса, поскольку в данном случае вставал этический вопрос взаимодействия с информантами.

В ходе исследования мы старались придерживаться таких требований, как массовость и репрезентативность, т.е., исследование разных социальных и возрастных групп. Что касается возрастных характеристик информантов, то возрастная шкала участников обследования колебалась от 20 до 80 лет. С некоторым сожалением стоит отметить, что в подобных обследованиях обычно наблюдается половая диспропорция между информантами, поскольку большинство опрошиваемых – женщины. В связи с этим, хотелось

бы подчеркнуть, что в последние годы получает развитие так называемая гендерная лингвистика, изучающая явления вариативности в языковой системе на разных уровнях в гендерном аспекте³. Одной из проблем исследования становится выбор языка общения мужчинами и женщинами в ситуациях многоязычия. Основанием для развития этого научного направления служит признание того факта, что в каждой культуре существует гендерная картина мира. Некоторые лингвисты считают, например, что речь женщин более консервативна и лучше сохраняет региональные черты. В дальнейшем нам бы хотелось обратить более пристальное внимание на данный аспект, поскольку достаточно часто возникают вопросы (например, на обсуждениях, конференциях и т.д.) о различиях языка мужчин и женщин в условиях контакта языков.

Собранные в ходе социолингвистического обследования данные обычно сводятся в таблицы и подвергаются компьютерной обработке. Затем следуют математико-статистическая оценка полученного материала и его содержательная интерпретация, с помощью которой исследователь выявляет зависимость между использованием языка и определенными социальными и другими характеристиками его носителей. Для формирования более наглядной картины итогов работы такую зависимость можно оформить в виде графиков, диаграмм, таблиц. Так, например, выводы о языковой компетенции опрошенных информантов мы представили в следующем виде:

³ Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой. М., 2002.

Диаграмма наглядно показывает, что 50% опрошенных информантов говорят по-карельски свободно, 33% – плохо или в какой-то степени владеют карельским языком, 17% совершенно не знают карельского языка.

Для определения ценностных ориентаций исследуемых по отношению к языку можно воспользоваться аксиологическим методом. Аксиологический метод позволяет выявить ценностные доминанты коммуникативных процессов. При помощи этого метода мы определили роль карельского языка в жизни информантов. Результаты этой части исследования представлены в следующей диаграмме:

Авторы считают, что такие данные в обобщенном виде могут быть учтены при выработке стратегии языковой политики.

В данном докладе представлены методы социолингвистического исследования, являющиеся в свою очередь синтезом лингвистических и собственно социологических приемов, широко используемых как для проведения исследования, так и для обработки полученных данных.

ОБРАБОТКА ДИАЛЕКТНЫХ МАТЕРИАЛОВ И СОСТАВЛЕНИЕ КАРТ ДЛЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО АТЛАСА РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ

Цель данной статьи – познакомить с работой по сбору, обработке и картографированию диалектного материала для Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ), а также с самим Атласом.

Автором идеи создания Лексического атласа русских народных говоров стал И.А. Попов. Им был разработан «Прспект ЛАРНГ». В 1989-1990 гг. была создана «Программа по теме «Лексика природы». Диалектологические экспедиции по программе атласа стали регулярно проводиться с 1988 года. В 1994 году на основе Прспекта был издан «Проект Лексического атласа русских народных говоров» и «Программа собирания сведений для ЛАРНГ» в двух частях.

Создание ЛАРНГ является актуальной задачей русской диалектологии, так как из общего количества диалектных слов (250 тыс.) изоглоссы определены едва ли для 1% (карты Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ) и др.)¹. Так, в Программе ДАРЯ было представлено всего лишь 154 лексических вопроса. В III томе атласа «Лексика» насчитывается всего 74 карты².

Задача ЛАРНГ – «показать в пространственной проекции основные звенья словарного состава русских народных говоров – лексические и семантические различия в организации тематических и лексико-семантических групп слов, семантическую структуру слова, особенности диалектного словообразования»³.

Участниками сбора материалов для ЛАРНГ стали 3 академических института: Институт лингвистических исследований, Институт русского языка и Институт славяноведения РАН, 54 вуза Евро-

¹ Лексический атлас русских народных говоров. (Проект). СПб., 1994. С. 5.

² Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части России. М., 1996. Вып. 3.

³ Лексический атлас русских народных говоров (Проект)... С. 5.

пейской части России и Урала, главным образом педагогического профиля.

Программа Лексического атласа русских народных говоров включает в территорию обследования не только зону исконно русского заселения и ранней колонизации как в ДАРЯ, но и поздней. Это вся Европейская Россия до Урала (до 60 меридиана восточной долготы). Количество точек на карте атласа соответствует 1064 обследуемым административным районам (опорным населенным пунктам). Хронологические границы Атласа приходятся на 1960–2000-е годы⁴. В это время процессы изменения говоров, утраты в них диалектной специфики протекали и протекают особенно интенсивно (в связи с чем собирание материала проводится по максимально полной программе)⁵.

Программа Атласа включает 5815 вопросов по различным темам. Авторами Программы сделана попытка применить системный подход к лексике говоров, что выражается в изучении определенного круга тематических, лексико-семантических, словообразовательных групп, семантической структуры многих слов. Вопросы в ЛАРНГ поделены на разделы по тематическим группам и лексико-семантическим группам:

1. Природа: растительный и животный мир, ландшафт, метеорология;

2. Человек: анатомические названия, физические особенности человека, характеристика личности, социальные отношения, народная медицина, семья, семейные отношения, традиционная народная культура;

3. Трудовая деятельность: сельское хозяйство, садоводство, огородничество, разведение скота и птицы, пчеловодство, работы со льном и коноплей, ткачество, плотничество, столярное дело, кузнечное дело, гончарные промыслы, суконное производство, рыбная ловля, охота;

4. Материальная культура: сельский дом, хозяйственные постройки, строительные работы, домашний обиход, народный костюм: одежда, обувь, головные уборы, варежки, украшения;

⁴ Лексический атлас русских народных говоров (Проект)... С. 54–56.

⁵ Лексический атлас русских народных говоров: Пробный выпуск. СПб., 2004. С. 7.

5. Питание: еда, напитки и их приготовление;
6. Пути сообщения, транспортные средства: наземные средства передвижения, водные средства передвижения;
7. Лексика других актуальных групп: абстрактная лексика, прилагательные, глаголы, наречия. Рассматривается также семантика слов и их ареалы⁶.

В 2004 году вышел Пробный выпуск ЛАРНГ. Он содержит 36 пробных карт. В рецензиях содержится высокая оценка этого труда как по содержанию, так и по форме⁷. Так, Т.И. Вендина отмечает, что при работе над ЛАРНГ выявляется множество лексических материалов, которые не были учтены диалектными словарями, что не может не радовать специалистов по диалектологии⁸. Вместе с тем, рецензентами высказаны и ценные замечания (малый формат карт, фон)⁹. А.А. Бурькин отмечает, что на части территории Севера Европейской части России номера районов расположены весьма редко, в то время как для центра и юга сетка оказывается весьма плотной. В принципе у пользователя теряется уверенность в том, являются ли территории распространения севернорусских говоров столь однородными в лексическом отношении, что картографируемый материал во всех случаях будет соответствовать данной сетке¹⁰.

С 1990 года по материалам атласа выходят сборники научных трудов «ЛАРНГ. Материалы и исследования». В 15 выпусках, изданных к настоящему времени, опубликованы статьи и материалы участников проекта ЛАРНГ. В работах освещены вопросы карто-

⁶ Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. СПб., 1994. Ч.1–2.

⁷ Напр.: Фалиньска Б. Современные достижения русской диалектной лексикологии // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008. СПб., 2008. С. 531; Ференчикова А. Рецензия на «ЛАРНГ. Пробный выпуск» // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008... С. 557.

⁸ Лексический атлас русских народных говоров: Пробный выпуск... С. 13.

⁹ Ивашко Л.А. Лексический атлас русских народных говоров. Пробный выпуск (Рец.) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2006. СПб., 2006. С. 388.

¹⁰ Бурькин А.А. Лексический атлас русских народных говоров. Пробный выпуск (Рец.) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2006... С. 374.

графирования, семантики и структуры отдельных тематических групп, языковой картины мира и словообразования. Значительную часть книг составляют статьи по диалектной фразеологии, синонимии, истории слов и ономастике. В 2007 году был опубликован обратный индекс диалектных слов к изданиям ЛАРНГ, который включает свыше 36 тысяч лексических единиц¹¹.

Исследования по программе ЛАРНГ охватывают восемь районов Карелии: Беломорский – 11, Кемский – 8, Кондопожский – 21, Лоухский – 3, Медвежьегорский – 18, Прионежский – 25, Пудожский – 26, Сегежский – 15¹². Сбор материала осуществляется студентами КГПУ и ПетрГУ под руководством преподавателей кафедр русского языка во время диалектологической практики.

Нами проводится работа по составлению карты Л52 «Верхний слой древесины, расположенный непосредственно под корой». Это лексическая карта, которая основана на ономаσιологическом принципе (от значения к слову). Картографируется название одного и того же объекта номинации (предмет, явление).

Карта составлялась с опорой на «Инструкцию к оформлению материалов к картам ЛАРНГ» Т.И. Вендиной. В 2008 году на картографическом семинаре по ЛАРНГ карта Л52 была обсуждена, в неё были внесены коррективы.

Карта посвящена лексико-словообразовательным различиям наименований верхнего слоя древесины, расположенного непосредственно под корой.

На первом уровне диалектного противопоставления выделяются различия в корневых морфемах (*болон-*, *мянда*, *пинда*). Второй уровень противопоставления образует ряд лексем, различающихся грамматически (*болонь* – *болона*) и словообразовательно (*болонь* – *заболонь* – *оболонь*). Этому ряду противопоставлений соответствует на карте разная заливка знака.

В ходе работы над картой были отведены от картографирования сомнительные названия и названия, не отвечающие её теме: *белок*, *берёза*, *берёста*, *верхняк*, *вершина*, *горбыль*, *деревина*, *дре-*

¹¹ Попова Н.В., Мызников С.А., Левичкин А.И. Обратный индекс диалектных слов к изданиям ЛАРНГ // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2007. В 2-х ч. СПб., 2007. Ч. 2.

¹² Лексический атлас русских народных говоров (Проект)... С. 81.

весина, загнилка, золотуха, корка, кожура, кора, корневище, корьё, макушина, липучка, мезга, мездра, мякоть, няльдя, обapol, орешник, подкорка, подкорье, сладенька, сок, ствол, шура, а также составные именованя: *верхний слой древесины, верхний слой*.

Предварительный лингвогеографический анализ материала свидетельствует об ареальном противопоставлении лексем *оболонь/облонь* и *болонь/блонь*. Слово *оболонь/облонь* распространено на территории Владимирской, Ивановской, Нижегородской областей, Мордовии. Слово *болонь/блонь* употребляется в Архангельской, Кировской, Костромской, Пермской областях, Республике Марий Эл. На территории Псковской области зафиксированы оба слова – *оболонь* (Дновский, Пыталовский, Псковский, Опочецкий) и *болонь* (Красногородский, Псковский, Порховский).

Следует отметить значительное число необследованных территорий по карте Л52 ЛАРНГ. Практически отсутствуют данные по Оренбургской, Новгородской, Пензенской, Саратовской, Ульяновской, Липецкой областям, Ставропольскому краю, республикам Татарстан и Башкортостан.

Анализ материала, помещенного на карту, показывает неполноту данных ЛАРНГ и по северным территориям. Карта Л52 ЛАРНГ совпадает по тематике с картой № 7 «Молодой, менее плотный слой древесины, лежащий непосредственно под корой, заболонь» С.А. Мызникова, представленной в «Атласе субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада»¹³. Однако карта № 7 показывает более обширный ареал слов *тинда* и *мянда* на территории Карелии, Архангельской и Вологодской областей, чем материалы ЛАРНГ.

Таким образом, перспективами работы над Лексическим атласом и картой Л52 остаются ликвидация «белых пятен» на карте путем активизации сборов в необследованных районах, обогащение материала по северным территориям за счёт «Атласа субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада» С.А. Мызникова.

¹³ Мызников С.А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. 2-е изд. СПб., 2007. С. 62.

Кюришнуова И.А.

СБОР И ОБРАБОТКА АНТРОПОНИМИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

Описание диалектных антропонимических систем, несмотря на возросшее к ним в последнее время внимание (Ю.Б. Воронцова, Н.Г. Гордеева, Т.Т. Денисова, Н.В. Дранникова, А.Ф. Журавлев, И.П. Кокарева, З.П. Никулина, П.Т. Поротников, Т.А. Сироткина, А.В. Суперанская, В.И. Тагунов, В.А. Флоровская, Ю.И. Чайкина, Т.Н. Чайко, Л.М. Щетинин и некоторые другие), не так часто становится предметом специального изучения. Рассматриваются или отдельные группы антропонимов (чаще прозвища или личные имена), или поднимаются отдельные проблемы диалектной антропонимии (напр., связанные с функционированием имен собственных в системе говора, их классификацией). Выбор разнообразных аспектов монографических исследований, особенности, параметры лексикографирования диалектных антропонимов, вероятно, дело будущих изысканий.

В настоящее время в Лаборатории лингвокраеведения и лингвоэкологии на кафедре русского языка историко-филологического факультета КГПУ хранятся антропонимические материалы по разным регионам республики Карелии, собиравшиеся в течение ряда лет (более активно с 1990-х гг.) по программе Всероссийского научно-исследовательского и культурно-просветительского общества «Энциклопедия российских деревень», которая широко охватывает сбор ономастического (естественно, и антропонимического) материала. В частности, используется с некоторыми коррективами вопросник З.В. Рубцовой «Географические, личные и другие имена в российских селах» (М., 1991), а также опыт применения этого вопросника, нашедший отражение в статьях коллективного сборника «Сельская Россия: про-

шное и настоящее»¹ и в диссертационных исследованиях И.П. Кокаревой (1998), Т.А. Сироткиной (1999), Т.Т. Денисовой (2007)².

Однако надо констатировать, что описание антропонимических систем носит пока эпизодический характер. Лакуна в сборе, обработке материала, его исследовании пока достаточно велика. Большой частью данный вид работы проводится студентами во время диалектологических экспедиций по месту жительства, а затем продолжающих эту работу во время написания курсовых и дипломных сочинений³.

Проверка материалов, предоставляемых студентами, позволила разработать ряд консультативных правил, дающих возможность

¹ См. напр.: Сельская Россия: прошлое и настоящее: Материалы VII Российской научно-практической конференции. Тула. 1999 г. М.: Энциклопедия российских деревень, 1999; Сельская Россия: прошлое и настоящее: Доклады и сообщения 8-й Российской научно-практической конференции (Орел, декабрь 2001) / Отв. редакторы Петриков А.В., Рубцова З.В. Вып. 2. М.: Энциклопедия российских деревень, 2001; «Сельская Россия: прошлое и настоящее. Доклады и сообщения 9-й российской научно-практической конференции». Москва, декабрь 2004. Вып.3. М.: Энциклопедия российских деревень, 2004.

² Кокарева И.П. Ономастикон одного ярославского говора (села Исакова, деревень Мятлево и Пустынь Первомайского района): Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 1998; Сироткина Т.А. Антропонимы в лексической системе одного говора и их лексикография в недифференциальном диалектном словаре (на материале говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области): Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1999; Денисова Т.Т. Прозвища как вид антропонимов и их функционирование в современной речевой коммуникации (на материале прозвищ Шумячского и Ершичского районов Смоленской области): Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2007.

³ В Лаборатории лингвокраеведения и лингвоэкологии хранятся дипломные сочинения об ономастике д. Авдеево Пудожского района (И. Богданова, 1997), пос. Тикша Муезерского района (Т. Володина), дер. Мегрега Олонецкого района (М.А. Исакова, 2003), антропонимия Пудожья (О.А. Гаттунен, 2004); пос. Рауталаhti Питкярантского района (Е.В. Олимпиева, 2006); пос. Соддер Пряжинского района (Ю.А. Поварева, 2006); с разной степенью глубины описаны имена собственные, зафиксированные в Шуньге, Толвуе, Великой Губе Медвежьегорского района (Н. Константинова, 2001; О. Вишнякова, 2003; О.В. Усова, 2006). Имеются и курсовые работы разного объема, решающие разные задачи по ономастическим пространствам отдельных населенных пунктов Суоярвского (Лоймола), Сортавальского (Калаамо), Прионежского (Соломенное, Новая Вилга), Кондопожского (Гирвас) районов.

для более полного сбора материала и, как следствие, его более глубокого описания.

Если говорить о сборе материала, то следует выдвинуть важное, с нашей точки зрения, правило – корректность, точность.

Так, толвуйская фамилия **Хабаров** (Заонежье) по записям студента читалась с ударением на втором слоге – **Хабáров**. В данном случае дело не только в нарушенной этикете общения (он, без сомнения, один из основных составляющих деревенской коммуникации), но и в неотмеченных лингвистических фактах, требующих осмысления, описания: в частности, в разнообразии акцентологических типов фамилий, их вариативности, начало исследованию которых положил А.А. Шахматов. О важности изучения акцентологических типов писали А.В. Суперанская, Л.П. Калакуцкая и др. исследователи⁴. Причины их варьирования, преобладание одних типов по разным территориям России – одна из перспектив ономастических изысканий.

Сбор фамилий часто проводится слишком формально. Студент представляет список фамилий жителей поселка, и при этом не отмечает требуемые, согласно вопроснику З.В. Рубцовой, следующие моменты: *возраст, семейное положение, место рождения*. Мы добавляем вопросы, связанные с исчезновением фамилий, когда в семье нет наследника по мужской линии. Уже на сегодняшний день можно констатировать, что та же фамилия **Хабаров**, известная по данным памятников с XVII века, не имеет продолжения. Обязательным становится вопрос: *Помните ли вы девичью фамилию матери, бабушки и т.д.? Есть ли наследники мужского пола с этой фамилией?*

Кроме того, сбор антропонимического материала достаточно хлопотный и непростой процесс. Это касается не только сбора неофициальных антропонимических единиц (прозвищ, диминутивно-квалитативных форм личных имен, неофициальных фамилий), но в некоторой степени и единиц, закрепленных в офи-

⁴ Шахматов А.А. Очерки современного русского литературного языка. М.; Л., 1941. С. 164; Суперанская А.В. Ударение в собственных именах в современном русском языке. М., 1966; Калакуцкая Л.П. Фамилии. Имена. Отчества. Написание и склонение. М., 1994. С.7–10; Ицкович В.А. Ударение в русских именах и отчествах // Вопросы культуры речи. М., 1963. Вып. 4.

циальной (паспортной) системе именованя человека: фамилий, отчеств. Однако работа такого плана совершенно необходима.

И потому другой особенностью сбора антропонимического материала, особенно неофициального, становится создание исключительно доверительной обстановки во время беседы с информатором и поиск таких информаторов. Не все хотят рассказывать о прозвищах, нельзя с вопроса – *какие прозвища есть в вашей деревне* – начинать беседу.

Например, только на третий год выездов в Толую удалось начать собирать материал, касающийся сферы неофициального именованя лиц: жителям были известны и понятны цель и задачи работы. До этого была собрана только официальная антропонимия: фамилии, отчества, личные имена жителей, относящихся к Толуйскому сельскому совету.

Надо сказать, что и официальная антропонимия несет большую лингвистическую, историческую, социальную, культурологическую информацию. Фиксировать ее следует обязательно. Как правило, в этой работе за помощью лучше всего обратиться к работникам сельских советов. Они, в свою очередь, предлагают обратиться к информации, зафиксированной в поземельных книгах определенного населенного пункта, а именно: национальность (она необходима для исследования имен в двуязычных семьях), год рождения (для исследования динамики изменения списка личных имен в данном населенном пункте), статус каждого члена семьи (глава семьи, жена, дочь, свекровь, теща, зять) и т.д.

Достаточно интересным представляется сбор и изучение функционирования отчеств в современном деревенском социуме, особенно когда отчества являются самостоятельной единицей именованя лица. Сам сбор не представляет особых сложностей, особенно для тех, кто выполняет эту работу в своем поселении. В данном случае следует учесть вариативность, которая проявляется при функционировании отчеств в системе говора: **Александрович / Александровна – Саныч / Сана; Алексеевич, Алексеевна – Лексеич, Лексевна; Дмитриевич – Митрич; Иванович / Ивановна – Иваныч / Ивана; Павлович**

/ **Павловна – Палыч, Пална** и т.д., когда фонетический облик отчества часто отличается стяженностью.

Другая особенность функционирования прозвищ – экстралингвистическая: практически в каждом поселении есть жители, которых именуют только по отчеству. Как оказалось, именование по отчеству имеет обычно положительную окраску. Это уважительное обращение к лицам старшего (пожилого) возраста или к лицам, которые занимают особое профессиональное положение (продавец, председатель сельсовета, учитель, шофер) и выполняющий свои обязанности достойно, профессионально. Причем, отчество в данном случае не всегда выступает как обращение; к учителю, председателю сельсовета, зоотехнику, механику чаще обращаются по имени-отчеству, а «за глаза» именуют по отчеству. Позволить обращение по отчеству к «достойным» во всех отношениях жителям могут люди только старшего поколения. Это тоже особый знак для именуемого. Носители отчеств отметили, что понимают доброе отношение односельчан, ценят уважение, расположение. Считают такое обращение традицией, идущей из далекого прошлого.

Интересно, что продолжают функционировать неофициальные именованья по имени, фамилии, отчеству, прозвищу матери или бабушки (Ваня **Кунин / Куняшкин** (диминутивных форм **Куня, Куняша, Куняшка** от личного имени матери **Окулина**), подобным образом Виктор **Дунин / Дунюшкин** (в конечном итоге от **Евдокия**), Анютка **Войтихина** (от прозвища бабушки **Войтиха**, от фамилии **Войтова**), Витька **Полковничихин** (от прозвища бабушки **Полковник**), Надя **Никишина** (от отчества матери **Никифоровна**) и т.д.), но они отмечены в речи старшего поколения. Использование «женских» ономастических единиц наблюдается там, где женщина одна поднимала детей, рано овдовела, коннотации при таком именовании те же, что и при номинации мужским отчеством. Но если это ребенок, рожденный вне брака, то коннотация меняется на пренебрежительную, бранную, передается интонацией, сопровождается бранными словами.

Теперь о личных именах. Официальные личные имена, функционирующие в говорах по разным регионам России, описаны

более или менее полно. Процессы, происходящие в системе личных имен, отмечаются и в ономастикомах Карелии:

1) на популярность имен села (деревни) оказывает влияние именник города (те имена, которые были популярны в городе, становятся таковыми в деревне с периодом примерно в 10 лет);

2) под влиянием городского ономастикона меняется отношение к именам, они получают новую коннотативную окраску. Имена **Иван, Василий, Григорий, Кузьма, Евдокия, Мария, Лукерья, Анастасия, Марфа** и под. получают новую окраску «старушечьих» имен;

3) традиция соответствия имени календарному именику в настоящее время на селе практически исчезла. Только люди старшего поколения помнят, как получали дети имена в прошлом, когда имело место влияние церкви.

Такие сведения следует обязательно записать. Например, ряд информаторов до 1920 года рождения приводят факты, которые дают возможность предположить, что влияние церкви в некоторых регионах Карелии не было столь сильным. На вопрос: *«Помните ли Вы, как давали имена вашим младшим сестрам и братьям, обращались ли Ваши родители при этом в церковь?»*, – получены такие ответы: *«Да, обращались, но если имя не нравилось, то давали другое, меня Геннадием назвали, а должны были Иваном»* (Толвуя, информатор 1921 г.р.). *«Мамушка рассказывала, я родилась (1919 г.р., Паданы), она отправила Наташку в церковь за именем, пусть батюшка скажет, как девку назвать? Наташка прибежала говорит Юлия. Мама говорит: «Ой, какое имя нехорошее, беги еще». Наташка еще 6 раз бежала. Батюшка рассердился и сказал: «Да назовите, как хотите». И назвали меня Анной, как бабушку. А так была бы Юлией или Фросей, или Бог знает какой. Юлия-то сейчас вон в море вышла [т.е. стало популярным – К.И.]»*.

Вопрос – почему такое имя было дано – должен быть обязательным и в том случае, если имелись другие (не связанные с церковью) мотивы именования. Обязательно нужно записывать истории, отражающие курьезные случаи, связанные с невнимательностью, неинформированностью (необразованностью) и родителей, и иногда работников, призванных вести

метрические книги, выдать свидетельства о рождении на селе. Так, в одной семье (в Сегежском районе) два сына, и оба **Александр**ы. Родители были убеждены, что имена **Сашка** и **Шурка** разные. А работник, выдававший свидетельство о рождении, не поинтересовался, есть ли в семье еще дети. Родители, получив свидетельство, в него даже не заглянули. А работник перевел имя **Шурка** в нормативное **Александр**. И только при записи ребенка в паспорт (почему-то этот процесс расходился во времени с выдачей свидетельства о рождении) выяснилось, что в семье два **Александра** – **Сашка** и **Шурка** (как лучшие армейские друзья отца).

Есть одна незакрытая и пока нигде не обсуждаемая тема: это приметы, связанные с дачей имен: например, считается, что **Иван**, **Алексей**, **Елизавета**, **Ксения**, **Варвара**, **Екатерина**, **Татьяна**, **Вера**, по мнению наших информантов (Заонежье, Пудожье), не очень счастливые имена. Так, за именем **Иван** закрепилось значение 'пьяница'; **Алексей** – вечный страдалец (возможно, ассоциируется с Алексеем – Божьим человеком); **Елизавета** по жизни обречена на одиночество; **Ксюшками**, **Аксютками** дразнили рыжих, конопатых и самых некрасивых девчонок в деревне; **Варвара** будет с плохим глазом и плохим характером; а **Катьки** и **Таньки** распущенные девки, которые обязательно «в подоле принесут», **Вере** не будет веры и проч. Зато имена **Николай**, **Егор**, **Григорий**, **Василий**, **Антон**, **Андрей**, **Наталья**, **Мария**, **Анна**, **Любовь**, **Надежда** считались «добрыми», красивыми именами. Не нравятся все имена со звуком [ф]: **Фёдор**, **Филипп**, **Федот**, **Фетинья**, **Фёкла**, **Софья** и т.д. Однако этот материал требует обязательной дополнительной проверки, такие поверья могут быть зафиксированы только в отдельных населенных пунктах, объясняться могут поведением какого-либо лица с определенным именем и субъективным отношением к нему односельчан.

Практически отсутствует изучение диминутивных форм от личных именованных, их коннотативных оттенков, продуктивных формантов и проч. Например, формат **-ушк-** для русских деревень Карелии является наиболее продуктивным (**Елѐнушка** (**Олѐнушка**), **Мртюшка**, **Срнюшка**, **Лѐнюшка**,

Пётюшка), как видим, при этом часто наблюдается перенос ударения на первый слог (**На́дюшка, Ка́тюшка, Та́нюшка, Ма́нюшка, Ма́тюшка**). Скорее всего, оттенок у таких именованных нейтральный. Это и обращения, и именованные «за глаза», когда именуемый не является участником разговора («*Вон, Ду́нюшка куда-то идет*», «*Всё думаю, Ле́нюшка-то как там поживает*» и под. Суффикс **еньк-** используется в этих целях реже. Имена с таким формантом чаще имеют оттенок пренебрежения, жалости: **Оленька, Митенька, Сашенька, Мотенька**. Так «за глаза» говорят о юродивых, калеках, тяжело больных, умерших (из разговора на кладбище – «*Вот Оленька тут лежит, отмучалась бедная, скоко он ю бил и забил до смерти*» (Тихвин Бор, Медвежьегорский р-н); о юродивом «*Мороз-от, а наш Васенька голяком вырядился, опять гулярную одёжу вырвал, как Катеньки не станет, что с ним будет-от*» (Огорельши, Медвежьегорский р-н), «*Ну, Мотенька как выкрутился, жених одноглазый*» (Пудож) и под.

Сбор таких фактов должен продолжаться, поскольку дает возможность выявить специфику регионального ономастикона как фрагмента языковой картины мира.

Однако, пожалуй, эта задача в большей степени подходит при сборе и описании прозвищ, наиболее исследованному в настоящее время виду онимов, функционирующих в современной системе говора.

Отметим общий процесс, характерный практически для всех регионов России – это уменьшение прозвищ с диалектными основами и увеличение отфамильных прозвищ даже у лиц старшего поколения.

Полного забвения так называемых диалектных прозвищ нет, но на настоящий момент их не так много в нашей картотеке:

Например, в Великой Губе из 90 прозвищ с диалектными или просторечными основами – 6 (данные 2003 г.): **Бугай** – прозвище высокого человека, крупного телосложения; прозвище **Губошлеп** носит человек с большими полными губами; а **Колобок** – полный человек маленького роста; **Ряба** – конопчатый человек; прозвище **Тютень** дано ленивому человеку; **Упырь** – упрямому.

- Карточка с прозвищем выглядит следующим образом:
- прозвище с ударением и грамматическими пометами;
 - мотив именованья (отметить, если информаторы не могут объяснить появление прозвища);
 - кому дано прозвище;
 - как зовут человека прозвищем в глаза или за глаза или это самоименование;
 - знает ли именуемый о прозвище;
 - если знает, то как относится к прозвищу;
 - паспортные данные (населенный пункт, район, год) или где и когда сделана запись.

Ба́яник, -а

– прозвище Андриянова Виктора Павловича, перешло от родителей, причины появления никто не вспомнил.

Толвуя, 1998

Ба́ты, грам. – ?

– прозвище дома Комляковых;
– мотив именованья неясен;
– о прозвище знают, не обижаются, поскольку не знают, что стоит за именем.

Кузаранда, (запись сделана в
Петрозаводске в 1997 г.).

Зайчиха, -и

– «Зайчиха – назывка была ба́бке Ко́мляковой Насте да́на»;
– мотив именованья неясен;
– зовут за глаза.

Кузаранда, (запись сделана в
Петрозаводске в 1997 г.).

Заоне́жские те́стеники, Заоне́жских те́стеников

– прозвище заонежан;
– «Ба́бка села в лодку и почерпала в Кузаранду, едет и кричит:
«Заонежския те́стеники, ели тесто с тестом!»

Толвуя, 2003.

Заоне́жские тэстеники, Заоне́жских тэстеников

- прозвище заонежан;
- «Теста много ели / ешта кофя из цикория пили и из ячменя»
Толвуйа, 1998.

Корб́ль Дорб́г, Короля Дорб́г

- прозвище шофера Савина Ивана Петровича, проживающего в с. Паданы Медв.р-на;
- самоназвание;
- считает себя лучшим шофером, т. к. может проехать по любой дороге в любую погоду.

Паданы Медв. р-н, 1989 г.

Кривонóговские Петухи, Кривонóговских Петухóв

- прозвище всей деревни Кривоноговская Толвуйского сельского совета
- «Кривонóговские петухи – прозвище всей деревни, когда на лодке проезжают мимо деревни, так кукарекают».

Толвуйа, 1998.

Кузарáне

- коллективное прозвание жителей Кузаранды

Кузаранда, (запись сделана в Петрозаводске в 1997 г.).

Мокрушкины, -ых

- прозвище всей семьи Николая Васюнова;
- мотив не удалось выяснить.

Водла, Пуд. р-н 1997.

Мурашиха, -и

- отфамильное прозвище Мурашовой Ирины Петровны, проживающей в с. Толвуйа Медв.р-на;
- дано сельчанами и принято носителем прозвища (сама называет себя: «я Ириха Мурашиха»)

Толвуйа Медв. р-н 2001г.

Мышев-зубоскал, -а – Мышь, -а

- за зубоскальство;
- прозвище человека (?) в Заонежье (точно населенный пункт не установлен, записано в Толвуе);
- «Мышев-зубоскал / звали по деревне Мышом / а сыновей Мышата»
Толвуя, 1996.

Мышата

- прозвище детей человека по фамилии Мышев в Заонежье (точно населенный пункт не установлен, записано в Толвуе);
- «Мышев-зубоскал / звали по деревне Мышом / а сыновей Мышата»
Толвуя, 1996.

Петрухины, -ых

- прозвище семьи Романовых в д. Кривоноговская Толвуйского сельсовета;
- мотив неясен: «Были прозвища на каждый дом. Мы Романовы, а звали Петрухины, а почему? ... Кудесили в Иван день, едут, поют: «Мы к Петрухиным пойдём, / Там мы Шуру найдём», сидит с веслом, правит».
Толвуя, 1998.

Полковник, грам. – ?

- Евдокия Григорьевна Калинина;
- любит командовать, имеет громкий голос;
- дано односельчанами (о прозвище знает, не обижается)
д. Волозеро Медв. р-н 2001 г.

Пришалимок, Пришалимка

- Солнышков П.В.;
- за свойства характера;
- «Он всё не в себе, вот и пришалимок, и не шальной и не нормальный»
Толвуя, 2006.

Рядовик, – а

- прозвище Бориса Савинова;
- за полноту;
- о прозвище знает;
- односельчане чаще зовут так «за глаза».
Толвуя, 1998.

Саляга

- за полноту
- прозвище учительницы Ефремовой Нины Алексеевны;
- «Толстая, рожа как репина, сальная, вот и Саляга получилась»;
- придумали школьники; зовут (обычно) «за глаза»;
- о прозвище знает.

Толвуя, 1998.

Сиверик, -а

- за качества характера;
- Прозвище одного из братьев [фамилия?], которые любили после женитьбы погулять от жен. Сиверик уходил на месяц, как ветер сиверик, который на Водлозере дует долго, несколько недель.
- о прозвище знает.

Куганаволок, 1989.

Смык, -а

- прозвище дано за заикание;
- Валентин Александрович Семкин;
- зовут за глаза

Толвуя, 1998.

Суматóха, -и

- прозвище дано сельчанами за качества характера (шумная, крикливая, скандальная, резкая в движениях);
- Сурмина Надежда;
- за глаза;
- о прозвище знает и даже сама так себя иногда называет.

Паданы Медв. р-н, 1989 г.

Сущик, -а

- за удобу;
- Меньшиков Николай

Толвуя, 2006.

Царь Горóх, Царя Гороха

- возил в лес жареный горох;
- прозвище Петра Юшкевича
- «Царь Горох – дед Петя Юшкевич – возил в лес жареный горох, а жена его Царица, сын – Царёнок, внуки – Царята»

Водла, Пуд. р-н, 1997.

Шелóнник, -а

- за качества характера

Прозвище одного из братьев [фамилия?], которые любили после женитьбы погулять от жен. Шелонник каждую ночь возвращался домой, как ветер шелонник, который, по замечаниям жителей Куганаволока, успокаивается, стихает к вечеру;

- о прозвище знает.

Куганаволок, 1989.

По разным причинам требуемые данные получены не во всех случаях, но карточка с любым объемом информации должна храниться в картотеке.

В картотеке имеются и индивидуальные прозвища (отфамильные, характеризующие), и семейные, и коллективно-региональные. Аспекты, связанные с изучением прозвищ, просто безграничны.

Перспективы исследования разных групп антропонимов очевидны. И потому сбору антропонимических единиц следует уделить особое внимание.

О ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЯХ И ОСОБЕННОСТЯХ РАБОТЫ С НИМИ

В разные годы, начиная с 1992 г., я являлась руководителем экспедиционных отрядов, осуществлявших сбор диалектных материалов в разных населённых пунктах Пудожского и Прионежского районов. Лингвистические данные, собранные нами в полевых условиях, содержат богатые сведения о языке, «на котором говорили и в XIX веке, и на протяжении всех десятилетий XX века»¹, и о людях, носителях народного языка.

Наши информаторы – это местные, коренные жители, прошедшие жизнь в родной деревне. Вместе с тем диалектоносители – это люди разного возраста, уровня образования, они принадлежат разным социальным категориям.

Нередко информаторы приговаривают: «*Ницево тепер не знаю, кўкоуки, ницево не помню*», а на деле выясняется, что они – хорошие рассказчики.

Один подобный случай произошёл в дер. Таржеполь Прионежского района, где произошла наша встреча с местной жительницей **Л.В. Евсеевой** (1937 г.р.). Лидия Васильевна начала разговор на предлагаемые темы без особого желания, неохотно отвечала на вопросы студентов, но уже через некоторое время она рассказывала о себе, о родной деревне, где провела всю свою жизнь. В дальнейшем Л.В. Евсеева стала нашей помощницей в сборе местного лексического материала: *Ну вот, мы тут и пришли, убирали сено с лугачи. Надо баня стопить. – Что такое лугача? – Лугача, это значит, сначала накосят, а потом убирают, вот мы убрали, уже у нас на сарае сено, Тоня и говорит: «Папе передай там, что лугача*

¹ Костючук Л.Я. Подвижнический труд диалектологов // Проблемы диалектной лексикологии и лексикографии. К 80-летию Фёдора Павловича Сороколетова / Под ред. О.Н. Крыловой, С.А. Мызникова, В.О. Петрунина. СПб.: Наука, 2004. С. 38.

убрана у нас». Значит уже чисто, нет ничего: ни сена, ни травы, ничего – всё убрали, высушили и убрали. Это лугача – сенокосное угодье. Мы называем – пошли на сенокос. Ну можно назвать пожня, А лугача – это старые, старые называли, но тоже смысл тот же самый. А теперь уже не называют, потому что нет скота, никто не держит, никто не косит, никто не сушит, никто ничего не делает, так что нету и не лугачи, и нет у нас пожни, и нет сенокоса. – А про котики расскажите. – А я ведь показывала вам котики. Что лучше и сказать. Были и котики и коты...

В подобных ситуациях, когда информатор не сразу активно включается в беседу, собиратель должен проявить терпение и такт. Некоторые информаторы ни за что не станут отвечать на вопросы, пока собиратель не расскажет, кто он такой, чем занимается, с какой целью приехал в деревню, что его интересует, у кого он остановился, почему пришел именно в этот дом для беседы.

Нашим самым ценным информатором в Ладве является замечательная рассказчица, хорошо знающая диалект, Анна Васильевна Баженова (1921 г.р.), которая в первый наш визит показала очень гостеприимной. Впоследствии оказалось, что говорить Анна Васильевна может без усталости на разные темы, и не только об одежде, домашней утвари, о соленьях, печениях, варениях, но и том, как шерсть крапсать, обрабатывать лён, ловить рыбу и даже строить дом. Рассказывает о строительстве дома так, как будто сама не один дом поставила, знает, что угол строят «в чашечку и в лапу слагают», «второй ярус назывался теплой, мох залагают в чашечку, потом пазы идут», а в первое бревно полагают деньги, чтобы жить богато», и для чего нужны *стропила, венцы, опалубка, окосочка оконная и дверная, подушка, матица и козлы и плаха* и т.д. Называя какое-нибудь местное слово, Анна Васильевна тут же добавляет легенду, присказку, прибаутку, поговорку, частушку: «*кладофка тагда звалась клить / даже частушка была: / Ой-ой-ой да ой-ой-ой, / Ни приехал ли хромой, / ни взял ли молодой, / Ни положил в клить, / Да не начал бить*». Рассказывая о сарафанах, тут же вводит поговорку (как сама называет): «*...И поговорка была: / Вот женщина идёт: лей-лей-полейкала, пошла, подолом помела, быстро пошла, посарафанила*. Рассказывая о сенокосе, вспоминает, как приговаривали: «*Ой, как лил дожжык, лей, есть на небе сирота,*

слёзы льёт с неба сирота»; про ленивого скажет: «*Не тот ленивый, который топить не хочет, а тот, кто в готовую идти не хочет*». После смерти мужа, вспоминая его, говорила: «*Осталась вдовушка, как нивушка, без изгороди. Изгородь – защита, как муж для жены*»; «*лучше мужа для женщины никто не сделает*», «*с худым худо, а без худого ещё хуже*»; «*Тяпнешь горюшка досыти, если случится беда*», «*муж пьян да умён, своей головой о печку не стучает (другого бьёт или жену)*». Или в другой, не такой грустной ситуации, скажет: «*поклонись и кошке в ножки (угождает тёща зятю), не для зятя, а о своём дитяти*» и др. Конечно, речь такого информатора как Анна Васильевна, представляет для диалектолога большой интерес. А.В. Баженова сама сочиняет песни и частушки и исполняет их на различных встречах с односельчанами.

На протяжении многих лет нашим активным помощником была Т.С. Косолапова, уроженка д. Таржеполь (1921 г.р.). С большой любовью она вспоминала своих родных, с гордостью и почтением говорила о своем доме, построенном более ста лет назад: «*Тут в 4 часа утра смотрю, машина гудит, а тут я келейничаю в этом месте*» (у окна пьёт чай). Говорит о своих козах: «... *А козы лежат во дворе на своём топчане и заглядывают сюда, ну, дрянухи! Они безрогие у меня, вот мы тут с котом и с козами. Козы и скот – наши тренажёры, заставляют ходить, ходить*». Или: «*Ох, вот они (про коз) ах вы солдафоны, иди домой, стрекоза!*». «*У меня картошка не скиснет, козы у меня наварю, комбикорму добавлю, большой подсолю, а маленькой сахарочку подсыплю, хорошо растёт, хорошо!.. У меня в прошлый год у меня был козёл; эта порода появилась бы так, а щас у меня козюшка*».

В ноябре 1992 года я познакомилась с Анастасией Яковлевной и Октябриной Киприяновной Поташевыми. Анастасии Яковлевна родилась в Таржеполе в 1903 году и была ярким носителем прионежского (таржепольского) говора. Остались записи её речи: н'и дожд'а/ н'и в'одра // в'одро / когда сонцо // сум'эжыло фч'ера / сум'эга была // пасмурнаја погода з дождем / сум'эга // сум'ерк'и в'еч'ером / засум'ер'ило/ т'емн'ат' стало // он'и спат' н'е дајут // бул'ендат' тожо маст'ер / (лето 1990 г. – из КСРГК).

Сохранила особенности материнского говора её дочь Октябри-на Киприяновна 1934 г.р. «Я не нахожу другога места краше, как Таржеполь. Вся жизнь моя тут. Скучать мне некогда было, к труду сельскому приучена, умею работать: и косить, и метать, и плу-жить». Октябрина Киприяновна охотно рассказывает о растениях и животных, о тайнах вышивания, шитья и вязания, о праздниках и буднях в родном крае. Эти рассказы содержат бесценный материал об особенностях народной речи жителей Таржеполя: [в́ар'эшк'и / это и јэс'т' д'эл'н'у́цы / а к'эпач'у́ / это в́ар'эшк'и / опшытыјэ/ дл'а домашн'эва хоз'ајства / штобы н'и порвал'ис'/ в́ар'эшк'и н'э назы-вал'и / а д'эл'н'у́цы // пр'иход'и шшэрст'ју / мы выкрапсајэм эту шэрст' // н'э см'эју уб'ират' шэрст'/ пуст' на ерујэ// то јэст' на в'иду// кра́псат' / ч'эсат' шэрст' / кра́псал'и на кра́пках/ а пр'ал'и на пр'ал'ицах//... [у н'их [у мамы и у других людей старшего поко-ления] тогда од'ивал'ис' јупк'и / это она называјэт сарафаны / ка-закам называл'и кофты / д'эвушк'и нос'ил'и / анна колоколова / нос'ил'и / казак'и н'эдл'инны јэ / л'иш бы опушка закрылас'/ ско-шэнны'ј пошиф уэт'их казач'коф спугофкам'и нап'эр'эд'ё // т'омн'эн'к'ијэ / да разныјэ был'и // сгладнаја / это знач'ит одно-тоннаја / згладна называјэца // ју́пка в уборку // капот / это плат'јэ / л'убо јэ / плат'јэ так и называл'и//.

У современного собирателя-студента вызывает трудности тема «одежда, обувь, головные уборы», так как почти не встречаются не только сами реалии, но и старинные названия. Не каждая житель-ница деревни их помнит, поэтому ценна та информация, которая была записана от Октябрины Киприяновны.

О.К. Поташева сама ведёт записи таржепольских слов, которые она помнит, даёт им пояснения с иллюстрациями. Вот некоторые примеры: «*Да, коза не блеет, а кричит, овца блеет, а корова мы-чит, а раньше-то говорили мёнгает, а кошка мяукает или мурлы-чит, а раудаёт – это другое, это когда кошки и коты собирают-ся, начинают равайдать, это у них равайдеса*»; или: «*Кобурки – смысл двоякий, кобурки в клубнике, картошке, а про кусты не го-ворят, а ещё кобурки у сосны, шишки сосновые, еловые, кобурки у картошки, бутоны значит, у картошки после цветения бывают зелёные яблоки*»; «*слова шимы нет, а есть шимоволосый, расте-паннный, с нерасчесанными волосами, это пегач, но можно и ши-*

моволосый, неубранные волосы». Материалы, собранные самим информатором, содержат ценную информацию о местных словах, многие из которых уже вышли из активного употребления, стали архаичными для молодых таржеполов. Записи содержат глагольную лексику: *аймиштаться, бобиштать, равайдать, мугондать, рибандать, булендать-булейдать, пижайдать-пижандать, шигондать, обазулиться, хамкать, кендать, кехтать, наваждаться, порядничать, уморитать, угузывать, лызгануть, налызгаться, лейхать, лочкать, мячкать, мочкануться, рёмзать, речетать, пайковать (беспокоиться), волоштать, плечкануть, обулындеть, шелобанить, шелобаниться, рачить, речконуть, сгноитать, угузывать уморитать*, и именную лексику: *речетеса, равайдеса, кобурки, конгачи, каньги, ропаки, кокиа, хлёс, жихари, жараток, тукачи, шокшачи, кирики, охратья, отреты, лепестенья, розега, лебеница, баской, рохлый, рахманный, пронозный* и др. Среди них – слова в прямом и переносном значениях; встречается также немало устойчивых выражений.

Как правило, нашими информаторами являются люди старшего поколения, которым уже более 60 лет. Как и их родители, они являются уроженцами данной местности, постоянно здесь проживают, занимаются крестьянским хозяйством, почти не выезжают за пределы своего села. Среди представителей среднего и молодого поколения информаторов очень мало, собиратели считают, что более молодой информатор хуже знает местный говор, вряд ли что расскажет и т.д. Однако, при выборе информаторов не должно быть возрастных ограничений, тем более, если человек родился в сельской местности и постоянно в ней живёт. Это можно сказать, например, о Николае Борисовиче Пименове, который родился в 1959 году в Куганаволоке и работает егерем в Водлозерском национальном парке. Его мать хорошо владела диалектом, и он сам понимает и с легкостью говорит по-куганаволокски. Николай Борисович хорошо владеет рыболовецкой и охотничьей лексикой. Он сообщил, что, например, в зависимости от погоды и цветения деревьев меняется название рыб. У леща одиннадцать разных имен. Когда хотят просто назвать леща, говорят *тарабара*, а если говорят «*кряжевый лещ*», то это лещ не твердого хода, самая ценная рыба с начала июня. *Лещ-плотичник*

попадался во время нереста плотицы, это лещ первого хода. *Наростовый* или *черемушник* – это лещ третьего хода в возвратные холода, он ловится во время цветения черемухи. Лопушник попадался в июле только на иллистых топях. Лещ с именем *шаровик* ловится в жаркую пору начала сенокоса с Петрова дня. *Кортек*, или *хвоцевик* шли следом за шаровиком. Если лещ нерестился во время цветения рябины, то его называли рябинником. Шипичник – лещ на цветение шиповника, а *вахкальник* нерестится во время цветения на болоте *калужницы*.

Леща последнего хода с середины августа называли *овсянником*, так как он нерестился к созреванию овсов. Мелкий лещ – это *мешанник*, или *мошник*. А самую ценную рыбу, рыбу четвертого хода, именовали *порешником*. Когда мясо у леща становилось рыхлым, про него говорили, что он стал *дряхлым*. Есть название и у нереста леща – это *путина*.

Если белка получает серый окрас шерсти, то говорят, что белка *выкуняет*.

Несколько лет назад выпускница КГПУ Н. Никонова записала местные слова от А.А. Никонова, уроженца с. Таржеполь, 1958 г.р. и составила словник (это более 200 лексем): *булендатель*, *порядничать*, *кебяли*, *шигондатель*, *стриюцкий*, *баской*, *лепестенья*, *бузандать*, *бузандеса*, *очеп*, *ошосток*, *ряпсак*, *рядовик* и др. Представитель молодого поколения также может сообщить интересный диалектный материал. *Порядничать* – наводить порядок, прибираться; *шигондатель* – быстро двигаться, ехать; *лейхатель* – очень быстро идти; *булендатель* – нести чушь; *баской* – яркий, нарядный, *ряпсак* – толстый, неповоротливый человек и т.д. Если записи не содержат хорошего иллюстративного материала, диалектное слово не попадает в словарь. В Таржеполе мы уточнили значение и употребление некоторых слов у старших информантов. «*Баской* говорят очень старые люди, их уж нет, а мы только иногда. Куды побасила-то, куды в баском платье пошла. Ой парень-то какой баской, платье уж очень баское». Или: *Лепестенья раньше говорили, не такая проворная, не так хорошо одета, ну лепестенья пошла. Оделась как-то плохо, платье велико, не идёт ей, ну оделась как лепестенья. Вся отрицательная*. «*А лейхатель говорят. Я расскажу. Сестры муж служил четыре года, он в Ленинграде возил ге-*

нерала. Он сказал, что жена приедет. Над ним подшучивать. Она звонит, чтобы позвали, он поднял трубку. Хватит, говорит, Что хватит. Я целый день лейхала, лейхала, еле часть разыскала. Вот оно, таржепольское родное слово». А слово шигондать, например, имеет совсем другое значение в речи старых людей. «Шигондать – тихонько идти, не могла быстро идти, это значение чаще, чем что-то тихо искать». «Маму нашу называли чикой, чика Настя лежала в больнице, чикой и сейчас называют двоюродную или троюродную сестру мужа».

В подобных случаях собирателю надо быть очень внимательным и к семантике слова, и к тому, в каких ситуациях его употребляют, определить круг сочетаний каждого из них, учитывать наличие возможных фонетических, акцентологических, словообразовательных вариантов, выявить соотношение этих форм, указать, какая является пассивной, архаичной, какая новой (причём, если одна из них является литературной, то её тоже надо фиксировать), записывать как можно больше примеров.

Следует предостеречь студентов, выезжающих на полевую практику для сбора диалектного материала, от неправильного (неполного) оформления записей для ЛАРНГ, подобные случаи недопустимы. Ср.:

Полисовать (охотиться) «Вот пойдём полисовать, так охотиться». Или:

Полисник – дом охотника.

Белковать – охотиться на белку.

Это слабые иллюстрации, так как они не содержат развёрнутого контекста, дают только общее представление о значении слова. Или ещё некоторые примеры некачественной записи сведений для ЛАРНГ, просто недопустимые, когда собиратель ставит вопрос по списку вопросов в Программе и далее даёт только слово или невыразительный контекст. Например:

Тема Человек: 1. Анатомические названия: Л1001 баской. Баской человек. Вот пошла баская девушка. (В ответе на поставленный вопрос речь должна идти о туловище, о теле человека (без головы и конечностей). Нерадивый собиратель получает и записывает ответ на другой вопрос по данной теме: это вопрос 2001, где речь идёт о внешности человека.

Как видим, ошибка по невнимательности, небрежности, торопливости, выполнение работы для отчётности приводит к непостыжам.

Систематизация материала возможна только после неоднократной беседы, после разговора с разными информаторами. Во время разговора не всегда нужно прерывать беседу, задавать вопросы, подгонять информатора с тем, чтобы записать как можно больше слов, выполнить план и иметь плохой иллюстративный материал.

Сбор материала для разных разделов Программы, для словарей, для картотек предполагает неоднократные беседы, а не допросы, которые иногда лишены всякой логики и здравого смысла.

Вот пример разговора собирателей с Т.С. Косолаповой.

- А как Вы назовёте тело человека?
 - Стан человека.
 - А спину как называют?
 - Не знаю, не помню.
 - А нижнюю часть спины, поясницу как называют?
 - Дак, поясина.
 - А живот как называют?
 - Брюхо?
 - Часть тела от шеи до руки, плечо – как называют?
 - Ой, не знаю. Плечо.
 - А кожу как называют?
 - Да шкура.
 - А голову-то как называют?
 - Голова или как кто чего ударит, так по башке ударит.
 - А затылок называют как?
 - Не знаю.
 - А тылкой, тылкой не называют?
 - Не знаю. Затылок.
- (Роли поменялись).
- А ухо, уши как называются?
 - Да ухо и ухо, не знаю я!

После таких испытаний даже такой добрый, общительный и неутомимый человек, как Т.С., обидится, не захочет больше разговаривать и в результате будет потерян великолепный информатор.

Успех в работе во многом зависит от собирателя: от его опыта, от умения общаться с разными носителями диалекта, умения вести беседу, а такой опыт приходит не сразу, требуется и умение, и большое терпение, и такт, и уважение к информатору. Надо быть очень внимательным и чутким к тому, что и как говорят сельские жители, записывать материал не только на магнитофон, но и в тетрадь. И это должна быть полновесная, очень хорошая запись их речи.

ИЗУЧЕНИЕ РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО ДИАЛЕКТНОСИТЕЛЯ (п. Ламбасручей Медвежьегорского района)

Цель нашего исследования – изучение феномена диалектной языковой личности. Мы рассмотрим особенности речи Натальи Дмитриевны Рындиной (Рисановой), 1930 г. рождения, русской, грамотной (образование 3 класса), проживающей в поселке Ламбасручей с 1975 года. Родилась она в деревне Корытово Типиницкого сельского совета Медвежьегорского района, в 1953 г. вышла замуж за Александра Игнатьевича Рындина, 1928 г. рождения и переехала в деревню Узкие Салмы. Наталья Дмитриевна по профессии является разнорабочей: трудилась в колхозе (Корытово), на лесозаготовках (Узкие Салмы), работала уборщицей в школе, банщицей (Ламбасручей). Воспитала шестерых детей.

Б.П. Ардентов в Заонежском диалекте различает два говора, которые условно называет екающий и якающий¹. Мы будем опираться на это наблюдение Б.П. Ардентова и отнесем речь Н.Д. Рындиной к екающему говору, так как она родилась в языковой среде, где был распространен екающий говор (северо-восточное побережье и его центр). А затем Наталья Дмитриевна переехала в иную языковую среду с якающим говором, и ее речь испытала небольшое влияние этого говора (южно-центральный Великогубский погост)².

По характеру Наталья Дмитриевна добрый, отзывчивый, жизнерадостный человек, который много пережил, но не утратил способности улыбаться, шутить даже в трудной ситуации (обращение по именам: Гал'и'нушка, Над'енька и др.). Она разговорчива, при создании монолога иногда нуждается в поддерживающих репликах слушающего, для нее не свойственно употребление бранной, нецензурной лексики. Наталья Дмитриевна избрана для изучения как носитель языка, как типичный житель села, владеющий диалектом.

¹ Ардентов Б.П. К изучению заонежского диалекта // Уч. зап. Кишиневского ун-та. Кишинев, 1955. Т.Х. С. 74.

² Муллонен И.И. Топонимия Заонежья. Петрозаводск, 2007. С. 6.

Основными источниками исследования являются расшифровки магнитофонных записей, отражающих монологическую и диалогическую речь информанта, собранные автором статьи.

Например: Ой пр'ијехал'и туда вой (вздыхает)// дак он там работал шоф'бром в У'зк'их Салмах// работал там// Вот и пошлó д'ело/ роб'ата коп'ицца// пóтом нам дал'и кóмнату/ фс'б же выд'ел'ил'и/ от Морозовых ушл'и/ а то жы'л'и с Морозовым'и с Вас'ухой да Жён'кой// кóмната мал'енька былá јут'и'л'ись// а н'ик'ём пока н'е работала// јá лад'ила в л'ес и'тти/ а он сказáл н'икудá н'е пойд'óш// нет н'икудá н'е пойд'óш// вот так и/ а јá в положэ'нии бы'ла/ куда и'тти// дак работала/ гд'и' же јá работала// Пóтом јá в шкóлы работала// это уж мы кóгда н'ёр'аши в эту/ што с Крыловым'и то вм'эст'е жы'л'и в этай// то гд'и' рабóтать// од'и'н за одн'и'м шло дак кúды јá работать пойдy// н'икудá// с раб'атам'и и мúчилась// да// ой хой хой (вздыхает)//

В анализе фонетических особенностей диалектоносителя мы возьмем только те случаи, в которых ярко обнаруживаются варианты, отражающие совмещение элементов различных языковых систем, литературного языка и говора. Мы акцентируем внимание именно на этих фактах, хотя понимаем необходимость исследования абсолютно всех фонетических черт речи диалектоносителя для создания полной ее характеристики. В заонежском диалекте имеет место б гласных фонем: и, е, а, о, у, ы, т.е. система гласных та же, что и в литературном языке.

Речь диалектоносителя характеризуется полным оканьем, то есть различием гласных –а- и –о- во всех безударных позициях после твердых согласных. Обратим внимание на гласные первого предупредного слога: *с топорам'и, обкладывал'и, опóрк'и, расколочивал'и, бороновал'и, сторона, хорошо, в окдишко, Коры'тово, кордл', молодух'и, спокойно, в колхóс, род'и'ны, вдовóй, помогала, скол'кто, морошку, портнóй, отмороз'ил, домóв, стоп'и'л'ис', постройк'и, на огорбóд'и, с окóпов, солдатско, на голов'е.*

Многие исследователи отмечают, что оканье характерно для говоров Северного наречия. Отличие окающих говоров от акающих заключается в отсутствии напряженности гласного, приводящее к некоторому его ослаблению³.

³ Русская диалектология / Под ред. проф. Н.А. Мещерского. М., 1972. С. 99; Русская диалектология / Под ред. Л.Л. Касаткина. М., 2005. С. 36–37.

Случаи употребления -а единичны (0,5%): *пiр'агáмы, адi'н (с тáбой), ухаронку, нáск'и, попрашáйничал, нармáл'н, пáтом.*

В 1-м предударном слоге после мягких согласных в соответствии с литературным -и наблюдаются следующие явления:

е: *п'ер'ек'и'дывал'и, кол'есóм, кр'ест'и'л'и, т'ел'эг'и, пос'ер'óдке, п'ер'еворáчивалс'а, кол'есóм, зёрнò, пёрéки'дывали, колéсòм, елòвыје, вéчерáми, завёрнóт, крэ́снуха, д'ер'ев'áнна, д'ер'ев'енка, зав'ернóт, р'еб'óнка, чер'емхóвым'и, в'ер'óвкам'и, ф л'есу́, в в'éдро;*

и: *ищó, т'иб'и', т'иб'é, с'ичáс, к с'иб'é, в л'ису́, р'ив'и'м, п'ир'ижéхал'и.*

о: *јовó.*

а: *п'áкл'и', сл'áдков, б'áда, квáтёт, вчáра, мáтлой, вáдро, т'áп'ер', хухл'акáмы, в'áсной, кв'áт'ет, м'áшок, п'áску, жáн'их, об'арáл'и, в л'áсу.*

В 1-м предударном слоге после мягких согласных преобладает звук 'е, то есть мы видим, что для речи Н.Д. Рындиной характерно еканье (90%), неразличение неверхних гласных в 1-м предударном слоге после мягких согласных (и'е)⁴. Б.П. Ардентов отмечает, что еканье характерно для екающего говора, что исконное «е» отразилось двояко: оно сохранилось как «е» перед мягким согласным, перешло в «'о» перед твердым согласным⁵.

Единичны случаи употребления 'о, 'и, 'а. Хотя иканье (0,2%), как отмечает исследователь Г. Нефедов⁶, явление, свойственное заонежскому диалекту. В речи Н.Д. Рындиной иканье проявляется не очень активно.

Встречаются случаи употребления слов с заонежским яканьем (0,5%), явлением, свойственным большинству южных говоров, характеризующихся неразличением гласных неверхнего подъема по-

⁴ Русская диалектология / Под ред. проф. Н.А. Мещерского... С. 109.

⁵ Ардентов Б.П. Указ. соч. С. 80.

⁶ Нефедов Г.Ф. Севернорусские говоры как материал для истории // Ученые записки ЛГУ. № 33. Серия филологических наук. Вып. 2. / Ред. проф. Г. А. Гуковский. Л., 1939. С. 250.

сле мягких согласных в предупредном и в некоторых заударных слогах⁷.

В области согласных наблюдаются следующие особенности:

1. заднеязычный «г» произносится в соответствии с литературным языком (*рог бараний, играл'и в ухаронку*);
2. в речи информанта отмечен только губно-зубной звук **в** в сильной позиции (*дрова́, во́лосы, вм'эст'е*) и **ф** – в слабой (*фс'áкой, фс'ó, коро́ф, ф колхозах, ф м'арт'áги, ф л'есу*);
3. в словах «цвет», «цветет» сохраняется древнее общеславянское «к» (*на картóшк'и кв'эт, кв'ат'ет, зáкв'ала*); на эту особенность указывает Б.П.Ардентов⁸;
4. **ј** в интервокальной позиции сохраняется: *дстраја пáлка, елòвыје вéтки, како́је болиòде пáбед'је, ржанòје тéсто, боли́мы'је дёрéвнныје сáнки, лéсны'је, узки́је дорòги, пéшеходнаја тропá, муку́ ржану́ју, на с'эв'ерну́ју стóрону, нòваја трáвка*, также встречаются случаи выпадения **ј** с последующей ассимиляцией: *нòво плáт'је, дёрéвнна тòлста пáлка, какá сэм'á, высóк'и, вы'ил'епат*;
5. в 3-м лице ед. и мн. числа глаголов наблюдается долгое **ц**, которое образуется при слиянии частицы с суффиксом инфинитива **т'**: *раз'једу́ца, разм'ину́ца*. Эта форма является обычной⁹.

Анализ основных фонетических особенностей в области гласных и согласных звуков в речи современного диалектоносителя старшего поколения показывает сохранение диалектных черт, свойственных заонежскому диалекту северного наречия. Эти черты проявляются не в каждом случае. Они могут употребляться и в качестве вариантов к литературным формам. Речь диалектоносителя испытывает влияние литературного языка.

Система падежей и распределение имен существительных по типам склонения в диалекте в основном совпадает с литературным

⁷ Русская диалектология / Под ред. проф. Н.А. Мещерского... С. 104.

⁸ Ардентов Б.П. Указ. соч. С. 81.

⁹ Скуратова Н.И. Некоторые особенности глагольной системы говоров Заонежья Карельской АССР // Лингвистический сборник / Ученые записки ПГУ. Петрозаводск, 1963. Т. X. Вып. 3. С. 73–74.

языком. Отличия в системе форм имен существительных касается ряда падежей, в которых представлены или только диалектные флексии, или вариантыные.

Во флексиях Д., П. падежей наблюдается вариантность литературных и диалектных форм имени существительного.

Дательный падеж ед.ч. Предложный падеж ед. ч.

Флексия	Примеры
-ы (тв.в.)	<i>по мамы</i> <i>по папы</i> <i>по комнаты</i>
-и (м.в.)	<i>к то́тк'и</i> <i>Ду́н'и</i> <i>Л'у́с'и</i> <i>к з'емл'и'</i> <i>по́ фс'ей д'ер'евн'и</i>
-е (м.в.)	<i>по молодух'е</i>

Флексия	Примеры
-ы (тв.в.)	<i>на войны'</i> <i>на корз'и'ны</i> <i>в мог'и'лы</i> <i>в стороны'</i> <i>на бл'у́цц</i> <i>в головы'</i> <i>на сковоро́ды</i>
-и (м.в.)	<i>на т'ел'эг'и</i> <i>ф ба́н'и</i> <i>на т'у́рб'и</i> <i>на по́жн'и</i> <i>на Кр'иву́х'и</i> <i>ф п'ичу́рк'и</i> <i>на л'есоза́готовк'и</i> <i>на табур'етк'и</i> <i>на пра́кт'ик'и</i>
-е	<i>в д'ер'евн'е</i> <i>в изб'е</i> <i>в бу́дк'е</i> <i>в са́райк'е</i> <i>ф ко́лзоз'е</i> <i>на П'идас'ел'г'е</i>

Диалектными являются флексии -ы (ударная), -и. Эти флексии широко употребляются в говорах Карелии. По мнению Н.А. Мещерского, В.В. Колесова здесь наблюдается иное, чем в литературном языке, парадигматическое противопоставление. Следует говорить о падежном синкретизме, то есть о совпадении Р., Д., П., единая форма соответствует литературной Р. -ы / -и¹⁰.

Флексии Р. и П. падежей.

Р.п. имеет флексию -а с *ка́мн'а*, с *ко́рн'а*, *пастуха*, с *р'емн'а́*, с *д'ер'ева* и флексию -у до *наро́ду*, с *пр'ихо́ду*, *сн'эгу*, с *до́му*, за

¹⁰ Русская диалектология / Под ред. проф. Н.А. Мещерского... С. 129; Русская диалектология / Под ред. В.В. Колесова. М., 1990. С. 85–86.

n'ján'uju. Флексия -а широко распространена в диалекте, это говорит о влиянии литературного языка на диалект. В современных диалектах окончание -у распространено значительно шире, чем в литературном языке, оно не является исконным. Его появление связано с воздействием на II склонение склонения со старой основой на *-и. Эта флексия возможна и у одушевленных имен существительных¹¹.

П.п. мужского и среднего рода имеет следующие флексии:

- -ý/ -у: *на мху́, в хл'эву, в годú, в лис'у́;*
- -е: *ф плáт'је, ф коры't'е, в áвгуст'е, в Коры'tов'е, ф колхóз'е, на м'эст'е, на л'есоп'эд'е;*
- -и: *в гóрод'и, в клúб'и, в мáрт'и, в пól'и, в дóm'и, ф склáд'и, ф колхóз'и.*

В речи Н.Д. Рындиной преобладают формы П.п. с диалектной флексией -и. По мнению исследователей Н.А. Мещерского, В.В. Колесова, Л.Л. Касаткина окончание -и встречается в части говоров Северо-запада (новгородские, ладого-тихвинские говоры) в П.п. имен мужского и среднего рода. Оно обычно соотносится с литературной флексией -е. Флексия -и объединяет в себе несколько окончаний разного происхождения: -и как окончание мягкого варианта бывших основ на *-о; -и как окончание бывших основ на *-i; -и как окончание, в твердом варианте возникшее под влиянием мягкого. Именно эта связь данного окончания со многими источниками способствует его сохранению, несмотря на большую продуктивность в П.п. окончания -е в разных типах диалектного склонения¹².

Для речи информанта свойственно и употребление имен существительных мужского рода с флексией -у. Имена существительные с флексией -у имеют временное и пространственное значение. Как отмечает Н.И. Скуратова появление флексии -у связано с воз-

¹¹ Русская диалектология / Под ред. проф. Н.А. Мещерского... С. 129; Русская диалектология / Под ред. В.В. Колесова. М., 1990. С. 89.

¹² Русская диалектология / Под ред. проф. Н.А. Мещерского... С. 132–135; Русская диалектология / Под ред. В.В. Колесова. С. 91; Русская диалектология / Под ред. Л.Л. Касаткина... С. 124.

действием на II склонение существительных старых основ на -*и, имевших эту флексию, с влиянием местного падежа¹³.

В современных русских говорах в И.п. мн.ч. значительно шире, чем в литературном языке, распространена флексия -а с основами, осложненными суффиксом -j-: *щанóвьѧ, ушáтъѧ, сп'и'чѧ, к'и'ньѧ*. Такие формы возможны у имен существительных всех трех родов. По происхождению все эти образования не являются собственными формами мн.ч., они восходят к формам И.п. ед.ч. собирательных имен существительных (братия)¹⁴.

По мнению Г.И. Демидовой, имена существительные с флексией -а с основами, осложненными суффиксом -j-, представляют собой продуктивный лексико-грамматический разряд слов в говорах Карелии, включающий в свой состав названия лиц и неодушевленных предметов. Данные формы имен существительных несут признак «усилительной множественности», что было присуще именам собирательным на -ье и -ья, с которыми они связаны по происхождению¹⁵.

В речи Н.Д. Рындиной встречается и литературная флексия -ами, которая преобладает над диалектной флексией -амы. В Т.п. мн.ч. наблюдается соотношение литературных и диалектных форм примерно 16 к 10 (60% литературных форм).

-амы: рукáмы, в'енкáмы, хухл'акáмы, боронамы, ночáмы, чердакамы, п'ирагáмы, пр'ипón'јамы, с разговорами, волнáмы, стóйкамы, трóйнамы.

-ами: л'эхам'и, сóхам'и, плáхам'и, к'и'ркам'и, трóпам'и, между полосам'и, с в'и'лкам'и, снопáм'и, л'уд'ám'и, роб'áтам'и, прут'јам'и, с сахар'óчкам'и, ручојочкам'и, под ф'и'нам'и, налóгам'и, за пол'ám'и, горбушам'и.

¹³ Скуратова Н.И. Некоторые особенности в склонении существительных говоров северной части Заонежья // Уч. зап. Карело-Финского ун-та. 1955. Т. V. Вып. 1. С. 172.

¹⁴ Русская диалектология / Под ред. проф. Н. А. Мещерского... С. 144; Русская диалектология / Под ред. В. В. Колесова... С. 99.

¹⁵ Демидова Г. И. Склонение имен существительных в севернорусских и южнорусских диалектах (именительный падеж множественного числа) // Севернорусские говоры. Л., 1984. Вып. 4. С. 15.

Н.И. Скуратова объясняет наличие флексий *-ами, -амы* так: «Наиболее распространенной является форма с окончанием творительного падежа *-амы*, установившаяся, по-видимому, в результате взаимодействия различных типов склонения существительных – с основой на *-а*, где было окончание *-ами*, и с основой на *-о*, где творительный падеж имел форму на *-ы*. Что касается формы на *-ама*, то она в древности характеризовала дательный и предложный падежи двойственного числа существительных всех типов склонения. А поскольку во множественном числе эти падежи различались, то окончание *-ама* было использовано только для творительного падежа»¹⁶.

Имя прилагательное выступает в речи диалектоносителя как самостоятельная часть речи, которая занимает активное место в его словарном составе.

Во флексиях имен прилагательных И.п. ед.ч. мужского и среднего рода с основой на твердый и мягкий согласный отмечены случаи употребления ударных и безударных флексий *-ой, -ий* и *-ый*¹⁷. Примеры употребления в речи Н.Д. Рындиной:

- *-ой*: *моло́д'ен'кой, глубо́кой скло́н, чо́рной сундучи'на, доро́гой, ста́рой, фс'а́к'ой у́гол.*
- *-ый*: *ста́рший, кру́глый сто́г, чо́рный, вр'е́дный.*
- *-ий*: *бодучий бы'к, ср'е́дн'ий, посл'е́дн'ий, за́дн'ий мо́ст, шыро́к'ий пр'и'лавок.*

Особо надо выделить диалектную флексию *-ой*, которая отмечена на месте литературных флексий.

По мнению Н.И. Скуратовой, флексия *-ой* является исконной севернорусской флексией. Она сохраняется и в том случае, если ударение с нее переносится на первый слог. А также в заонежских говорах, где отмечено фонетическое явление «ляпанья», зафиксировано безударное окончание *-ай*, которое можно считать вариантным к *-ой*. Все-таки его следует принять в качестве основной формы¹⁸.

¹⁶ Скуратова Н.И. Некоторые особенности в склонении существительных.... С. 173.

¹⁷ Скуратова Н.И. Склонение имен прилагательных в говорах Заонежья Карельской АССР // Севернорусские говоры. Л., 1979. Вып. 3. С. 16.

¹⁸ Там же. С. 16–17.

В речи Н.Д. Рындиной отмечены формы с флексией *-ай* (0,03%) имен прилагательных. Это еще раз доказывает, что ее речь испытала влияние якающего говора.

-ай: *дл'и'ннай, ста́рай, бол'шай, ру́скай.*

Множественное число прилагательных различий по родам не имеет. В И.п. наблюдается окончание *-ыје* и *-ы*¹⁹. Примеры употребления в речи Н.Д. Рындиной:

- *-ыје:* *еловыје* в'э́тк'и, бол'шы'је са́н'и, отрывны'је кал'ендар'и'.
- *-ы:* комары' жо́лты, пла́т'ја но́вы.

Склонение имен прилагательных в Заонежских говорах во многом совпадает со склонением в литературном языке. Диалектные особенности склонения прилагательных заключаются в наличии нескольких вариантных форм одного и того же падежа.

В заонежском диалекте представлены те же разряды местоимений, что и в литературном языке. Наблюдаются отличия от литературного языка в составе этих местоимений. Особенности в употреблении местоимений в речи Н.Д.Рындиной касаются, прежде всего, личных местоимений.

Вариантными являются формы Д. и П. падежей местоимения 1-го лица *мн'э* и *мн'и*: *кúды мн'и' нóгу то сво́ју т'áнут'*; *мн'э уш в'áдро н'э подн'ат'*. Флексия *-и* является ударной и объясняется фонетически, переходом ударного ятя в гласный *-и*²⁰.

Архаичная форма В.п. 3-го лица ед.ч. ж.р. *ю* до сих пор сохранилась в говорах Заонежья. Она употребляется и в разговорном стиле²¹. Примеры употребления формы *ю* в речи Н.Д. Рындиной составляют примерно 48%: *она пр'иглас'у'ла ю; а л'уб'ил ю; ю отпра́в'ил'и в Го́рмоз'еро*. Встречается в речи информанта единичная форма 3-го лица ед.ч. В.п. *jó:* *та́ја позва́ла jó на об'ёт*.

¹⁹ Скуратова Н.И. Склонение имен прилагательных... С. 18.

²⁰ Русская диалектология / Под ред. В. В. Колесова... С. 117.

²¹ Скуратова Н.И. Некоторые особенности в склонении местоимений заонежского говора // Лингвистический сборник. Петрозаводск, 1962. Вып. 1. С. 49.

Во множественном числе личных местоимений выделяется форма И.п. 3-го лица. В речи диалектоносителя, наряду с литературной формой *они*, употребляется диалектная форма *оны*. Эта диалектная разновидность местоимения 3-го лица представляет собой остаток древних родовых форм лично-указательного местоимения во множественном числе: они – мужской род, оне – женский род, она – средний род²². В речи же Н.Д.Рындиной местоимения *они* и *оны* употребляются независимо от рода.

- оны: *ба́бк'и д'э́с'ат' снопо́в ста́в'ил'и/ о́ны обв'э́жут;*
о́ны шейс'а́того го́да;
а о́ны в одно́м не ста́л'и/ в ра́зных;
о́ны ма́л'ен'к'и ум'ира́л'и;
пр'и́е́дут о́ны с Ламбасруч'я/
са́пог'и фс'и' в гл'и'ны.
- они: *вот они жы'л'и в К'иб'и'тк'и то фс'о́ там.*

Группа указательных местоимений в заонежском диалекте представлена следующими формами: *этот, тот, тая, тые*. Среди указанных форм диалектными формами являются формы *та́ја, ты'је*. Примеры употребления в речи информанта: *та́ја* позва́ла јо́ на об'э́т; *ты'је* пр'ив'е́дут; *ты'је* фс'о́ д'ержа́л'и. Эти формы распространены добавочным элементом местоименного происхождения, который восходит к старому указательному местоимению и, йа, йе²³.

Словарный состав Заонежского диалекта можно разделить на две неравные части. Большая часть – лексика, общая с литературным языком (*голова, рука, нога, дом*). Меньшую часть составляет лексика диалектная, неизвестная литературному языку²⁴.

Мы рассмотрим те диалектные слова, встречающиеся в речи Н.Д. Рындиной, которые представляют наибольший интерес для исследования. Все записи слов сделаны на основании собеседования с информантом по самым разным темам.

²² Русская диалектология / Под ред. В. В. Колесова... С. 118.

²³ Скуратова Н. И. Некоторые особенности в склонении местоимений... С. 52.

²⁴ Русская диалектология / Под ред. проф. Н. А. Мещерского... С. 262.

В речи информанта встречаются диалектные слова, как отр'эп, кáйба, остолóпиться, одева́льница, порт'áнка, стр'áх и многие другие.

Например, слово кáйба отмечено в медвежьегорских говорах в значении «обрыв»²⁵. Пример употребления в речи информанта: *кáйбы как гóры так'и'je// кáйбам'и называл'и// пól'е п'ер'ејéd'еш' и така ўзка дорóга кáйба по эту стóрону/ кáйба по эту стóрону// а там болóто и такой склón крутóй/ крутóй и глубóкой//*.

В речи Н.Д. Рындиной бытует слово стр'áх в значении «лыжный трамплин, то есть снежная горка, которую преодолевают с разбега перед прыжком»²⁶: *да јешó стр'áх налад'им// такой штобы стр'ахнўца// стр'áх такой//*. В диалектных и областных словарях это слово не зафиксировано.

Лексический состав речи Н.Д. Рындиной очень разнообразен, богат и интересен. На примере рассмотренной лексики можно проследить устойчивые связи с новгородскими, псковскими, архангельскими, ленинградскими говорами, так как этапы заселения и освоения территории Заонежья оказали большое влияние на формирование культуры и языка заонежан. В целом лексика Заонежья представляет собой неиссякаемый источник изучения истории края с древнейших времен до наших дней.

Приведенные наблюдения показывают, что речь Н.Д. Рындиной пестрит фонетическими, морфологическими, лексическими особенностями.

Большой интерес представляет говор Н.Д. Рындиной. В речи информанта выделяются редкие и своеобразные диалектные явления, которые еще слабо изучены.

Речь современного диалектоносителя характеризуется богатой вариантностью произносительных форм. Отмеченные варианты отражают воздействие литературного языка на диалект, открытость диалектной системы, подверженность изменениям. Неравномерность в соотношении литературного и диалектного языка в речи носителя говора имеет определенные причины, не связан-

²⁵ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994–1999. Вып. 2. С. 314.

²⁶ Ожегов С. И. Словарь русского языка. 24-е изд. / Под общ. ред. Л. И. Скворцова. М., 2007. С. 566.

ные с явлениями языкового плана: уровень образования, общение с образованными людьми, приезжими из других населенных пунктов, влияние радио, телевидения, средств массовой информации, индивидуальные черты характера, среда обитания, жизненные ситуации.

Речь Н.Д. Рындиной – яркий образец заонежского диалекта. Несмотря на то, что заонежский говор необычен для слуха современного жителя Карелии, его необходимо возрождать и изучать, так как ему есть место в современной жизни. Это родной язык Натальи Дмитриевны, ее предков, земляков.

Как отмечает В.П. Орфинский, Заонежье - книга о прошлом, раскрывающая смысл будущего. В ней прочитаны лишь первые страницы, слегка приподымающие полог над тайнами минувших лет. Уничтожить недочитанную книгу было бы опрометчиво и преступно по отношению к земной цивилизации²⁷. С этим высказыванием стоит согласиться, так как в этом крае есть еще много чего интересного и неизученного. Эти говоры, люди, живущие в Заонежье, ждут своих собирателей и исследователей.

²⁷ Орфинский В.П. Феномен Заонежья // Север. 1992. №10. С. 82.

МЕТОДИКА ПОЛЕВЫХ РАБОТ
И АРХИВНОЕ ХРАНЕНИЕ
ФОЛЬКЛОРНЫХ, ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ
И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

*Материалы
научно-практического семинара*

г. Петрозаводск
23–24 марта 2009 г.

Сдано в печать 29.10.09 г. Формат 60x84¹/₁₆. Гарнитура Times.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 6,0. Усл. печ. л. 8,6. Тираж 200 экз.
Изд. № 56. Заказ № 830.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50